

ISSN 0132 - 1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Злыднев В. И.</i> Проблемы периодизации социалистической культуры в Болгарии	3
<i>Большакова К. В.</i> Связи и сотрудничество между профсоюзами СССР и Польши (1946—1949)	11
<i>Прибылов В. И.</i> Лига Наций и гданьский вопрос (1919—1926)	27
<i>Аксенова Е. П.</i> Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862)	43
<i>Титова Л.</i> Специфика формирования чешской театральной культуры	57
<i>Тираспольский Г. И.</i> К вопросу об условиях и причинах утраты болгарского субстантивного склонения	68
<i>Ищенко Д. С.</i> Хиландарский список славянского перевода поучений Феодора Студита	75

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Иванов Ю. Ф.</i> Научная деятельность Н. Н. Любовича	82

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Удальцов И. И.</i> Проблемы освободительного движения народов Австрийской империи	94
<i>Липатов А. В.</i> Из истории и теории русско-польских литературных взаимосвязей	100
<i>Габрусевич С. А., Мараш И. Я. А. С. Клевченя.</i> Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше	107

4
1980

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Беляева В. И.</i> Současné problémy studia fašismu a antifašistického boje v Evropě mezi světovými válkami	108
<i>Лейкин Э. А.</i> Д. Б. Мельцер, Й. Тончев. Национальной свободе Болгарии 100 лет	110
<i>Хитрова Н. И.</i> Радоман Јовановић. Политички односи Црне Горе и Србије. 1860—1878	111
<i>Смирнов С. В.</i> А. С. Мыльников. Эпоха Просвещения в Чешских землях	112
<i>Наумов Е. П.</i> Османское господство в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVI—XVII веках	114
<i>И. К.</i> К вопросу о психологических истоках польского романтизма	115
<i>Токаръ Г. Р.</i> Ondrus. Kapitoly zo slovenskej morfológie	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Горская Н. А.</i> Научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР	121
<i>Ляткер Я., Северная О.</i> Исследования Научного объединения искусствоведов Болгарской Академии наук	123
<u>Сергей Александрович Никитин</u>	125

В. И. ЗЛЫДНЕВ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ

Социалистическая культура, складывающаяся в условиях социалистического строительства как система, имеет уже свою историю. В Советском Союзе она развивается более шести десятилетий, в европейских странах социалистического содружества — три с половиной десятилетия. В каждой из европейских социалистических стран есть свои особенности культурного развития, вытекающие из конкретных условий социально-политического развития этих государств, из опыта, который накоплен ими в предшествующий исторический период, а также из конкретной практики современного развития разных сфер социалистической культуры. У всех этих стран между собой есть много сходного в общем процессе развития культуры и много сходного с теми процессами, которые несколько ранее протекали в Советском Союзе. Это дает основание говорить о существовании определенных закономерностей развития социалистической культуры в условиях строительства основ социализма и в период складывания развитого социалистического общества.

Процессы, протекающие в области культуры в разных ее сферах — мы имеем в виду и художественную и духовную культуру в целом, — тесно связаны с социально-политическим процессом в данной стране. Огромные культурные преобразования в момент осуществления и проведения социалистической революции становятся ее неотъемлемой частью, непосредственно зависят от нее, а с другой стороны, — своими специфическими формами, средствами они способствуют ее проведению и осуществлению. Вот почему историки культуры, характеризуя самые общие изменения в культуре, в процессе ее развития и преобразования разных сфер со времени начала социалистической революции, неизменно прибегают к термину «культурная революция», который был впервые введен В. И. Лениным еще в 1923 г.

В процессе перехода от капиталистического к социалистическому обществу происходят коренные перемены в содержании культуры и в ее функциональном использовании. Уже в недрах буржуазного государства идет стремительный рост элементов, тенденций социалистической культуры, которые складываются в определенную систему после социалистической революции. При этом культура перестает быть принадлежностью узкого слоя классового общества. Она становится выразительницей чаяний, помыслов передовых сил народа и нации, проникается их идеалами. Процесс ее изменения во времени в связи с изменением социальной структуры общества, развитием историко-культурного процесса происходит не стихийно, а управляется коммунистическими и рабочими партиями в связи с закономерностями становления и развития социалистическо-

го общества. Так было на разных исторических этапах в Советском Союзе и так происходило в европейских странах социалистического содружества после второй мировой войны. Поэтому есть все основания говорить об общих закономерностях и в социалистическом культурном строительстве.

К этому следует добавить, что развитие и обогащение социалистических тенденций в культуре европейских стран в 20—30-е годы происходило при благотворном воздействии советской культуры, а революционные преобразования в культуре после второй мировой войны учитывали предшествующий советский опыт в формировании социалистической интеллигенции, в освоении классического наследия прошлого, в освоении опыта культурных связей и взаимодействия национальных культур.

В последние два десятилетия значительно возросла общность в развитии социалистической культуры в Советском Союзе и в европейских социалистических странах. Объясняется это как сходством социальных структур социалистических государств на современном этапе, общностью социалистических идеалов, так и целенаправленной практической деятельностью коммунистических и рабочих партий по укреплению культурных взаимоотношений, направленных на обогащение каждой национальной культуры, по укреплению мировой социалистической культуры как активно функционирующей системы.

В связи с тем, что строительство социалистической культуры прежде всего представляет собой процесс динамический, постоянно изменяющийся, перед каждым историком культуры встает во всей сложности задача выявления и определения отдельных периодов в развитии культуры. И дело не сводится лишь к установлению переломных, или переходных моментов в установлении хронологических рубежей, хотя и это очень важно, а в уяснении тех специфических историко-культурных феноменов, типов культуры, которые складываются на разных исторических этапах и играют важную роль в развитии всей национальной культуры и в общем процессе развития социалистического общества.

Советские историки культуры стали обращаться к этим проблемам в конце 20-х годов. Примечательным в этом плане явилось выступление А. В. Луначарского (1928), отметившего, что выдвинутые XV съездом Коммунистической партии проблемы культурной революции, как имеющие важнейшее значение в период реконструкции всего народного хозяйства страны, знаменуют начало нового этапа в культурной революции. Если для первого этапа, по мнению А. В. Луначарского, были характерны ликвидация неграмотности, сосредоточение внимания на правильности организации народного образования, привлечение кадров старой интеллигенции, то для второго — перестройка науки, литературы и искусства на основе социалистической идеологии, их развитие на новой социальной и экономической основе. Несколько позже к этим же вопросам обращались и другие исследователи, хотя общей единой позиции так и не было выработано.

Новая волна интереса к проблемам социалистической культуры в 60-е годы повлекла за собой и повышенное внимание к проблемам периодизации культурного строительства. Специальное внимание им было уделено на всесоюзной конференции теории и истории культурной революции в СССР в Москве в 1965 г. И в основном докладе М. П. Кима «О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР», и в выступлениях рассматривались как принципы периодизации, так и конкретные предложения¹. При этом отмечалось, что строить периодизацию

¹ Материалы конференции составили отдельный том «Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг.». М., 1967. Обзор выступлений дан в специальном разделе, с. 439—468. Здесь же помещен и доклад Н. С. Злобина «О сущности и принципах периодизации культурной революции», с. 40—49.

необходимо с учетом «нового качественного содержания процессов, рожденных Октябрем», что «процесс культурной революции органически связан с другими революционными преобразованиями в обществе», что «культурная революция должна быть связана со всем нашим строительством социализма»². По вопросу о выделении конкретных периодов в развитии культурной революции в Советском Союзе мнения участников конференции разделились. Одни были склонны выделить два крупных этапа, которые соответствуют двум типам культурной революции — «период социалистической революции или социалистического строительства в нашей стране и период перехода от социализма к коммунизму»³. Другие, соглашаясь с общим принципом деления на крупные этапы, настаивали на выделении трех периодов, из которых «первый период — подготовка к строительству социализма, второй период — строительство зрелого социалистического общества, третий период — завершение строительства социализма»⁴.

В основном докладе М. П. Кима предлагалось выделить три «крупномасштабных периода», которые докладчик определял и хронологически и по существу содержания протекавших процессов. Первый — «этап становления социалистической культуры» (1917—1927); второй — этап «решающих успехов и победы культурной революции» — (1928—1959); третий — завершающий, «намечается с 1959 г. и продолжается до настоящего времени»⁵. В пределах первых двух этапов М. П. Ким считал возможным выделить подпериоды или внутренние этапы, которые связаны с решением специфических задач культурного строительства в пределах ограниченного отрезка времени.

Многие участники конференции согласились с такой периодизацией, хотя при этом предлагалось несколько иное хронологическое деление. Рубежом между первым и вторым периодом предлагался 1937 год с выделением двух этапов: с 1917 по 1928 г. и с 1928 по 1937 г., а во втором периоде предлагалось разграничить этапы с 1938 по 1945 г. и с 1946 по 1958 г.⁶ И первые и вторые сходятся на том, что крупные, основные этапы должны быть едины по типу культуры, а внутренняя история культурной революции может в большей степени отразить специфику ее на данном историческом этапе.

Эти размышления советских историков и историков культуры по вопросам периодизации культурной революции в СССР отразили общее состояние советской научной мысли к середине 60-х годов. Как же они решались позднее?

Знакомство с литературой 70-х годов показывает, что основные принципы подхода к периодизации, выработанной ранее, сохраняются и сейчас. Чаще исследователи останавливаются на трехэтапной периодизации, учитывая разные уровни строительства социализма. Так, в коллективной монографии «КПСС во главе культурной революции в СССР»⁷, подготовленной коллективом сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, намечаются три крупных периода: с 1917 по 1937 г. — развитие культуры в условиях социалистических преобразований в стране, с 1938 по 1958 г. — упрочение и развитие социализма и после 1958 г. — строительство коммунизма.

² Там же, с. 440, 444.

³ Там же, с. 441.

⁴ Там же, с. 444.

⁵ Там же, с. 33.

⁶ Там же, с. 446.

⁷ «КПСС во главе культурной революции в СССР». М., 1972.

В монографии М. Т. Иовчука и Л. Н. Когана также предлагается выделять «три основных этапа», 1) со времени Октябрьской революции до середины 30-х годов — период перехода от капитализма к социализму; 2) с конца 30-х годов до конца 50-х годов, что соответствует периоду построения в основном социалистического общества в СССР и 3) с первой половины 60-х годов, что соответствует периоду зрелого, развитого социалистического общества в СССР⁸.

Таким образом, при некоторых частных отличиях в хронологическом определении внутренних этапов, большинство советских исследователей придерживается выделения трех периодов, соответствующих этапам социалистического строительства. Положительная сторона такого подхода состоит в том, что процесс культурной революции рассматривается в тесном взаимодействии с социально-историческим процессом, хотя при выделении периодов и при определении сущности их типов недостаточно учитывается сам культурный процесс как в сфере производственной, так и в сфере социальной и управленческой. Видимо к этим вопросам должны с большим вниманием отнестись историки культуры, и историки отдельных отраслей культуры — образования, литературы, искусства, средств массовой информации и др.

С 60-х годов проблема периодизации болгарской социалистической культуры привлекает внимание болгарских исследователей. Свою интерпретацию культурной революции в Болгарии после 9 сентября 1944 г. предлагают К. Петров, С. Гановский, К. Горанов, А. Стойков, П. Аврамов и др. Подробно этот вопрос с привлечением основной научной литературы 60-х — начала 70-х годов рассмотрен в статье П. Аврамова «Проблемы культурной революции и ее периодизация в Болгарии»⁹.

Эти обстоятельства освобождают меня от необходимости подробного рассмотрения состояния данного вопроса в болгарской научной мысли периода 60-х и до начала 70-х годов. Хотелось бы отметить лишь некоторые более общие вопросы. Принцип подхода к периодизации культурной революции в Болгарии совпадает с теми, которые сложились в советской научной литературе и практике, хотя предлагается разная датировка и разное число периодов. Все сходятся на том, что в основу следует положить социально-исторический процесс, видя различия между этапом построения основ социалистического общества и этапом строительства развитого социализма.

В болгарских трудах последних лет сохраняются разные точки зрения и на число периодов и на хронологическое определение границ между ними в социалистической культурной революции.

Довольно настойчиво, начиная с 1969 г., в разных своих работах К. Горанов проводит мысль о выделении двух периодов в развитии культурной революции. Сначала это было высказано в статье «Некоторые черты социалистической культурной революции в Болгарии»¹⁰, затем подтверждено в статье «Социализм и культура»¹¹, а позже в статье «Проблемы и направления в развитии болгарской социалистической художественной культуры»¹² и с небольшими изменениями вошедшей в советский коллективный труд¹³ под названием «Динамика развития художественной куль-

⁸ М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган. Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М., 1979, с. 85.

⁹ П. Аврамов. Проблемы на културната революция и на нейната периодизация в България. «Исторически преглед», 1972, кн. 1, с. 3—31.

¹⁰ «Проблеми на социалистическото развитие в България». София, 1969.

¹¹ «Ново време», 1971, кн. 3.

¹² «Проблеми и насоки в развитието на българската художествена култура». София, 1976.

¹³ «Духовният мир на развитото социалистическо общество». М., 1977.

туры социализма». Рассматривая культурный процесс в Болгарии после 9 сентября 1944 г., К. Горанов пишет: «Можно разграничить два основных периода культурной революции в Болгарии: первый связан с построением основ социализма, а второй, современный — с построением развитого социалистического общества. Политической межой между этими двумя периодами является Апрельский пленум ЦК БКП 1956 г., а основные задачи второго периода были всесторонне рассмотрены в новой партийной программе, принятой на X съезде Болгарской коммунистической партии»¹⁴.

Почти в тех же формулировках эту мысль высказывает Ж. Вычкова: «В нашей литературе выделяют два периода в развитии социалистической культурной революции в Народной Республике Болгарии. Первый этап связан с построением основ социализма, а второй, в котором мы находимся и сейчас, направлен на построение развитого социализма. Политическим водоразделом между этими периодами является Апрельский пленум ЦК БКП, а программные очертания второго периода были даны X съездом БКП»¹⁵.

Точку зрения о наличии двух больших этапов в социалистической культурной революции в Болгарии разделяет и П. Аврамов, хотя границу между ними он отодвигает, солидаризируясь в данном случае с С. Гановским, к 1962 г. — решениям VIII съезда БКП. Свою позицию П. Аврамов изложил в ранее упоминаемой нами статье в журнале «Исторически преглед» в 1972 г., а также подтвердил в брошюре 1977 г. «Культурная революция в Болгарии». Обобщая свои наблюдения, П. Аврамов приходит к выводу, что процесс глубоких революционных изменений в культурной жизни болгарского общества проходит через два главных этапа развития: «Первый охватывает период перехода от капитализма к социализму и завершается полной победой социалистическ их отношений. Второй, или завершающий этап, в котором мы находимся сейчас, охватывает период развитого социалистического общества»¹⁶. Водораздел между ними составляет «переходный период», который определяется временем между VII и VIII съездами БКП. На первом из них зафиксированы черты нового типа, а на втором сделана попытка очертить перспективу дальнейшего построения социалистического общества. Поэтому процесс переходного периода — более подвижен, а задачи первого этапа разрешаются лишь к 1962 г.¹⁷

Сторонники выделения двух периодов (этапов) в культурной революции в Болгарии сознают, что первый этап довольно сложный и противоречивый, поэтому в нем есть свои внутренние этапы или периоды. Так, К. Горанов «внутренними этапами и переходами» стремится обозначить динамику процесса. Для начального периода он выделяет три внутренних этапа. На начальном происходило «устранение буржуазного господства и буржуазных механизмов регулирования культурного процесса... На следующем были созданы необходимые предпосылки для достижения всеобщей грамотности, для принципиальной перестройки образовательной системы, для создания новой интеллигенции... Третий этап, совпадающий частично во времени с двумя первыми, характеризуется глубокой перестройкой всех областей и жанров литературы и искусства»¹⁸. Наблюдения эти, безусловно, отражают некоторые стороны культурного процесса,

¹⁴ Там же, с. 257.

¹⁵ Ж. В ы ч к о в а. Партийно ръководство на художествената култура. София, 1978, с. 68—69.

¹⁶ П. А в р а м о в. Културната революция в България. София, 1977, с. 24.

¹⁷ Там же, с. 25.

¹⁸ «Духовный мир развитого социалистического общества», с. 257.

хотя четкого представления об этапах не складывается. Во-первых, на каждом из них берутся разные стороны культурного процесса и даже разные сферы культуры, а во-вторых, совпадения по времени третьего этапа с двумя предыдущими вносит больше неопределенности. Такое членение большого периода оказывается весьма уязвимым.

П. Аврамов более определенно говорит о внутренних этапах, разграничивая их по времени и по содержанию процессов. Первый он определяет с 1944 до 1948 г. Это время борьбы против фашистской идеологии, время демократизации культуры, приобщения старой интеллигенции к народной власти. Второй протекает с 1948 по 1956 г. — до Апрельского пленума ЦК БКП. Это время полного преодоления буржуазной идеологии и перестройки всего культурного фронта на базе марксистско-ленинской теории развития общества и культурного процесса. Утверждается социалистическое искусство как высшая его форма и жизненно необходимым становится метод социалистического реализма. На третьем этапе (подпериоде) происходит ликвидация последствий культа в области культуры, и руководство всем культурным фронтом строится на научной основе, утверждает-ся ленинский стиль руководства¹⁹.

Структура выглядит более стройной и различия между этапами более ощутимы. Однако возникает вопрос: если по своему содержанию, характеру культура первого и второго внутренних этапов так различается между собой, то можно ли их считать одним типом культуры, в рамках одного большого этапа культурного развития? Не являются ли они двумя разными этапами культурной революции?

Положительно на этот вопрос отвечает ряд исследователей в Болгарии, а начало такому разграничению периодов положил С. Гановский в статье 1965 г. В работах последних лет этой точки зрения придерживаются и К. Попов. Первый этап социалистической культурной революции он относит ко времени с 9 сентября 1944 г. до исторического V съезда БКП в 1948 г. На этом этапе «наряду с коренными революционными преобразованиями, как ликвидация частной собственности в области материальной базы культуры, было проведено много демократических преобразований»²⁰. Второй крупный этап продолжался до 1962 г. и «характеризовался коренными преобразованиями идейного содержания, материальной базы и социальной роли культуры, созданием социалистической интеллигенции»²¹. Третий этап отмечен всесторонним развитием социалистической культуры, введением общественно-государственного начала в ее руководство, а также расширением ее функций в обществе развитого социализма.

Таковы в общих чертах основные концепции периодизации социалистической культурной революции в Болгарии, которые выражены в новейших работах философов, эстетиков, историков и социологов. Какую же периодизацию вводят специалисты по отдельным сферам культуры — литературоведы, искусствоведы, театроведы, музыковеды, а также исследователи в области педагогической мысли, фольклора, средств массовой информации и др.? Как правило, они стремятся выявить важнейшие закономерности в развитии своей области, что зависит от разных факторов, и не всегда соотнобразуются при этом с общим историко-культурным процессом. Оптимальный путь выявления закономерностей культурного процесса, как представляется, — в неуклонном сближении, взаимном дополнении результатов исследований социологического, общекультурного процесса и процессов, протекающих в отдельных сферах, областях культуры.

¹⁹ П. Аврамов. Проблемы на културната революция..., с. 25—28.

²⁰ К. Попов. Проблемы на теория на културата. София, 1977, с. 223.

²¹ Там же, с. 231.

Что касается крупных этапов в болгарской культурной революции, то мне представляется, что ближе к истине те ученые, которые выделяют три этапа. Первый — короткий по времени, революционный по содержанию характерен не только для Болгарии, но и для других социалистических стран Европы. Февраль 1948 г. в Чехословакии, конец 1948 г. в Польше и Югославии, начало 1949 г. в ГДР — это рубежи социально-политической жизни этих стран, рубежи в идеологических и культурных процессах. Поэтому можно с полным основанием говорить, что болгарская культура с момента социалистических преобразований в 1944 г. прошла по крайней мере три крупных в историческом плане и по своему содержанию этапа развития.

На первом этапе, с 9 сентября 1944 г. и до конца 1948 г. — времени проведения V съезда БКП — в сфере культуры решались общедемократические задачи. Это было начало социалистической культурной революции, переходный этап от одной социальной структуры к другой. Коммунисты и прогрессивные деятели культуры стремились прежде всего приобщить к достижениям образования, науки и искусства самые широкие слои народа. На демократической основе перестраивалась школа, расширялись демократические принципы творческих союзов; а вновь созданные периодические издания были призваны объективно отражать разные стороны жизни трудящихся. В области идеологии шла открытая борьба против остатков фашизма и реакции. В стране еще сохранялись остатки прошлого в виде оппозиционной печати, частных издательств, а в руководстве культурными центрами сторонники буржуазных партий еще не сдали своих позиций. Борьба нового со старым шла в разных сферах идейно-художественной жизни, а сама культура была призвана сплотить лучших творцов на демократической основе под знаменем Отечественного фронта, в который тогда входили пять политических партий. В художественной культуре главным явилось критическое изображение реакционной сущности монархо-фашистского режима и утверждение героических идеалов борцов против фашизма. Поэтому многим произведениям литературы и искусства на этом этапе присущ героико-революционный характер. Из национального прошлого брались прежде всего революционно-демократические традиции.

На втором этапе — с конца 1948 г. и до конца 50-х — начала 60-х годов (практически рубежом здесь стали решения VIII съезда БКП в 1962 г.) — шел процесс развития культуры по социалистическому пути. В это время господствующей идеологией становится марксизм-ленинизм. Закладываются основы новой школы, развивающейся по социалистическому пути. Деятели художественной культуры обращаются к современности, стараясь запечатлеть социалистическое строительство и его героев; стремятся осмыслить исторические перемены в национальном процессе. Главным методом литературы и искусства становится социалистический реализм. Расширяются функции творческих союзов, увеличивается число периодических изданий, особенно с 1957 г. Развивается болгарская наука и ее центр — Академия наук с разветвленной сетью научно-исследовательских институтов. Начинается новый этап советско-болгарского сотрудничества на основе договора 1948 г.; с конца 50-х годов между академическими институтами, творческими союзами заключаются соглашения о совместной работе. В 50—60-е годы болгарская музыкальная культура приобретает мировую известность. Новые произведения болгарских поэтов, прозаиков, драматургов получают широкое распространение за пределами Болгарии. Появляются крупные достижения в области биологии, естествознания, марксистской теории. Закладываются основы болгарской кинематографии и телевидения, расширяется сеть театров, музеев и народ-

ных клубов-читален. Происходит не только количественный рост достижений в разных сферах культуры, но изменяется и ее качественное содержание. Она содействует утверждению социалистических принципов в жизни народа.

Очень важную роль в развитии болгарской культуры на этом этапе сыграли решения Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г. Они содействовали устранению ошибок вульгарно-социологического характера, преодолению администрирования в области творческой деятельности, явились стимулом подъема жизни творческих союзов, содействовали обогащению разных стилевых течений в литературе и искусстве.

Третий этап развития болгарской культуры — с начала 60-х годов и до наших дней — отмечен стремительным ростом духовных и художественных ценностей во всех сферах культуры. Социалистическая культура на новом этапе направлена на формирование разносторонней личности человека — активного участника и строителя развитого социализма. У деятелей искусства и литературы повышается внимание к психологии человека, к нравственным проблемам общества. На этом этапе оказываются возможным обогащение жанров и стилей художественной культуры, проведение в жизнь всенародной программы эстетического воспитания, появление высокохудожественных произведений в разных областях болгарской культуры. Усиливается международный обмен культурными ценностями, в особенности в странах социалистического содружества, что приводит к взаимному обогащению культур. Если обращение к фольклору укрепляет народную и национальную основу культуры, то межнациональный обмен художественными ценностями и стремление к отражению общесоциалистических идеалов ведет к усилению интернационального характера современной культуры. Ее дальнейший рост и развитие опираются на такие неиссякаемые источники, как социалистическая действительность, прогрессивные национальные традиции и мировой опыт социалистической культуры, в особенности, культуры народов СССР. Эти положения, зафиксированные в документах болгарских коммунистов по культурному строительству, принятых X съездом БКП, стали теоретической основой дальнейшего развития и обогащения всего культурного процесса. Культура становится важным фактором развития общества на этапе становления развитого социализма.

К. В. БОЛЬШАКОВА

СВЯЗИ И СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ПРОФСОЮЗАМИ СССР И ПОЛЬШИ (1946—1949)

После установления в Польше народной власти были созданы благоприятные условия для развития польского профсоюзного движения. Быстро восстанавливались профессиональные организации рабочих и служащих, расширялась их деятельность. Профсоюзы активно включились в строительство новой жизни и играли важную роль в восстановлении народного хозяйства и культуры, в удовлетворении материальных и культурных запросов трудящихся.

Польские профсоюзы проявляли большой интерес к работе советских профсоюзов, высоко ее оценивали, стремились использовать их богатый опыт, приобретенный в процессе строительства социализма. Советские профсоюзы, руководствуясь в своей международной деятельности принципом интернациональной солидарности трудящихся, были заинтересованы в установлении и развитии контактов с профсоюзами Польши. На этой основе складывались и укреплялись связи между советскими и польскими профсоюзами, расширялось их взаимопользное сотрудничество.

Уже в апреле 1945 г. по приглашению ВЦСПС в Советском Союзе побывала делегация польских профсоюзов во главе с генеральным секретарем Центральной комиссии профессиональных союзов (ЦКПС) Польши К. Виташевским¹. Советская профсоюзная делегация приняла участие в работе I съезда польских профсоюзов, состоявшегося в ноябре того же года².

Польские профсоюзы торжественно отмечали годовщины Октябрьской революции, праздник 1 Мая, Международный женский день и другие важные события в жизни своей страны и Советского Союза. В связи с этими праздниками и событиями они направляли профсоюзам СССР поздравления и приветствия, в которых выражали свою солидарность с деятельностью советских профсоюзов и свое удовлетворение замечательными достижениями советского народа в социалистическом строительстве. Профсоюзные организации СССР, живо откликаясь на события в Польше, приветствовали успехи польских профсоюзов в создании новой жизни.

В связи с праздником 1 Мая в 1946 г. обменялись приветственными телеграммами руководители профсоюзов железнодорожников СССР и Польши (польская телеграмма была также адресована и председателю ВЦСПС В. В. Кузнецову). В телеграммах содержались взаимные пожелания дальнейших успехов в деле развития и процветания братских стран³. По слу-

¹ «Труд», 1945, 18, 20 апреля.

² Там же, 21, 23 ноября.

³ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 85, л. 94.

чаю 29-й годовщины Октябрьской революции ЦКПС Польши направила телеграмму ВЦСПС. В ней подчеркивалась незаменимая солидарность с советскими профсоюзами и выражалось «восхищение... (их) усилиями и достижениями в борьбе за мир и счастье человека»⁴. В ВЦСПС поступило и приветствие Центрального профсоюза горняков Польши⁵.

В связи с наступающим 1947 г. председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов, председатель ЦКПС Польши К. Виташевский и генеральный секретарь ЦКПС К. Русинек обменялись новогодними поздравлениями⁶.

В начале 1947 г. в Польше состоялись выборы в Сейм Польской Республики. Профсоюзы выступили в едином блоке с демократическими партиями. ВЦСПС направил руководству ЦКПС Польши поздравление от имени советских профсоюзов «с блестящей победой блока демократических партий и профсоюзов»⁷. Горячие поздравления содержались и в одном из писем ЦК советского профсоюза работников общественного питания, адресованном родственному польскому профсоюзу⁸.

Накануне Международного женского дня 8 Марта в 1947 г. Женотдел Главного правления Центрального профсоюза горняков Польши послал ВЦСПС приветственную телеграмму и письмо. Телеграмма была опубликована в советской прессе⁹. Ответила на нее секретарь ВЦСПС Н. В. Попова¹⁰. В письме польские женщины выразили желание «установить тесные искренние контакты с женщинами СССР..., когда ничто не препятствует взаимному обмену мыслями и чувствами между женщинами, работающими в горном деле», рассказывали о подготовке к дню 8 Марта, который впервые будет отмечаться в Польше, «свободной от предрассудков в отношении к женщине». В заключение письма содержалось обращение к советским женщинам, работающим на шахтах, поделиться «с нами Вашими радостями и хлопотами». (К письму прилагался альбом с материалами о труде женщин на шахтах Польши)¹¹. В ответном письме Президиум ЦК профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР подробно рассказал (на примере советских шахтерок) о положении женщин в СССР и выразил согласие на установление контактов с польским профсоюзом. «Нас интересует, — говорилось в письме, — как заботятся о детях Ваши женщины, какую культурно-массовую работу среди горняков Вы проводите. Пишите нам о своей жизни и мы с радостью будем Вам отвечать»¹². Поступило поздравление по случаю 8 Марта и от приезжавшей в СССР в марте 1946 г. в составе польской профсоюзной делегации текстильщицы Я. Зубрицкой, назначенной директором одной из белостокских текстильных фабрик¹³.

В приветственных телеграммах советским профсоюзам участников II съезда профсоюза работников местного самоуправления, XIII съезда профсоюза работников общественного питания и гостиниц и I Всепольского совещания передовиков-шахтеров¹⁴ содержались заверения в стремлении к сотрудничеству, к укреплению дружбы польского народа с народами Советского Союза, упрочению мира во всем мире. В ответных телеграммах и письмах в Польшу подчеркивалось, что советские профсоюзы

⁴ Там же, л. 11.

⁵ Там же, л. 7; «Труд», 1946, 15 ноября.

⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 130, л. 268—269, 280, 284.

⁷ Там же, л. 278.

⁸ Там же, л. 271.

⁹ «Профессиональные союзы», 1947, № 3, с. 45.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 130, л. 264.

¹¹ Там же, л. 235—236.

¹² Там же, л. 227—229.

¹³ Там же, л. 261—262. Ответил ей зав. Международным отделом ВЦСПС, л. 260.

¹⁴ Там же, л. 169, 191, 202.

расценивают поздравления польских друзей как «символ дальнейшего укрепления дружбы..., сцементированной во время нашей совместной борьбы против фашистских агрессоров», а также выражалась уверенность «в укреплении дружеских связей и сотрудничества между нашими профсоюзными организациями»¹⁵.

В связи с подготовкой празднования 30-й годовщины Октябрьской революции в Польше с 15 сентября по 15 октября 1947 г. проходил Месячник польско-советского культурного обмена. Его целью было «информировать польскую общественность о достижениях народов СССР в области экономической, научной и культурной жизни»¹⁶. ЦК ППР рекомендовал поддерживать инициативу местных комитетов и коллективов предприятий, предлагающих преподносить символические подарки от польских рабочих (от отдельных предприятий) соответствующим советским фабрикам и заводам (например, подарок от польских шахтеров горнякам Донбасса)¹⁷. В дни празднования 30-й годовщины Октября состоялись «большие торжества в городах и селениях Польши, в местечке Поронин открылся музей В. И. Ленина»¹⁸, представители польских профсоюзов в составе делегации политических партий и общественных организаций по приглашению Славянского комитета СССР присутствовали на юбилейных торжествах в Москве¹⁹. Главное правление одного из крупнейших профсоюзов Польши — рабочих текстильной промышленности в приветственной телеграмме ВЦСПС по случаю праздника подчеркивало: «Польские текстильщики с гордостью следят за достижениями своих советских товарищей и горды тем, что вместе с советским рабочим классом твердо противостоят агрессии международного империализма»²⁰. В адрес профсоюзов СССР поступили поздравления от ЦКПС, главных правлений 27 профессиональных объединений, отделений профсоюзов: химиков в Валбжихе, художников в Варшаве, работников коммунального хозяйства в Кракове, горняков в Валбжихе, учителей в Калише, окружного правления профсоюза железнодорожников в Познани; женотделов профсоюзов металлургов и горняков; участников совещания текстильщиков-многостаночников и 2-го Всепольского съезда профсоюза журналистов; столичного Совета профсоюзов и лодзинской окружной комиссии профсоюзов²¹.

С новым 1948 г. ВЦСПС сердечно поздравил ЦКПС и пожелал «успехов рабочему классу Польши в его борьбе за укрепление профсоюзного единства во всем мире»²².

Активное участие польские профсоюзы приняли в Месячнике углубления польско-советской дружбы, проходившем с 7 октября по 7 ноября 1948 г. В материалах ТАСС из Польши о Месячнике отмечалось, что «деятельное участие профсоюзов» наряду с другими организациями «придало Месячнику всенародный характер»²³.

31-я годовщина Октября, по сообщению газеты «Труд», «отмечалась в Польше с небывалой торжественностью»²⁴. В телеграмме ЦКПС, направленной ВЦСПС в связи с праздником, говорилось, что «польские профсоюзы объединили и организовали трудящиеся массы для дела строитель-

¹⁵ Там же, л. 167, 199.

¹⁶ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (ДиМ), т. IX. М., 1976, с. 209.

¹⁷ Там же, с. 210.

¹⁸ «Труд», 1947, 10 ноября.

¹⁹ Там же, 6 ноября; «Wolność», 8 XI, 8 XII, 13 XII, 22 XII 1947.

²⁰ «Wolność», 13 XI 1947, с. 7.

²¹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 130, л. 2 и след.; см. также «Труд», 1947, 14 ноября (рубрика «Приветствия зарубежных профорганизаций»).

²² ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 130, л. 61.

²³ «Правда», 1948, 20 октября.

²⁴ «Труд», 1948, 10 ноября.

ства и переустройства нашего строя, опираясь на опыт мощного профсоюзного движения в СССР», в частности в организации соревнования, «которое в настоящее время охватило весь рабочий класс Польши»²⁵. В адрес ВЦСПС поступили приветствия и от профсоюза польских текстильщиков²⁶, профсоюза железнодорожников, профсоюзам Москвы была адресована телеграмма с торжественного заседания профактива польской столицы²⁷, работникам просвещения Москвы направили приветствие участники торжественного собрания, организованного Главным правлением Союза польских учителей в Варшаве, к коллективу Сталинградского тракторного завода обратились с поздравлением рабочие тракторного завода «Урсус», пославшие своим советским коллегам «символический подарок — модель трактора», который, как отмечалось в письме, «будет еще одним доказательством укрепления польско-советской дружбы и дружбы коллективов наших родственных предприятий»²⁸. На празднование 31-й Октябрьской годовщины в Москву выезжали по приглашению ВОКС представители польских профсоюзов в составе делегации демократических партий и профсоюзов Польши²⁹.

В декабре 1948 г. в СССР торжественно отмечалось 150-летие со дня рождения великого польского поэта А. Мицкевича; в адрес ряда общественных организаций Польши, в том числе и профсоюза польских писателей, была направлена телеграмма общественных организаций СССР, в которой, в частности, говорилось: «Образ Мицкевича, неотделимый от светлых образов его великих русских друзей Пушкина, Рылеева, Герцена, является символом дружбы и сотрудничества наших братских славянских народов, их совместной борьбы за свободу и демократию, за развитие передовой, подлинно народной культуры»³⁰.

В связи с 8 Марта в 1949 г. в ВЦСПС в адрес советских женщин поступило поздравление от женской секции польского профсоюза горняков. В приветственной телеграмме работницы польской горной промышленности написали о своем желании «поддержать мирную политику Советского Союза, прилагая все усилия для восстановления разрушенной страны путем трудового творческого энтузиазма и увеличения производительности труда»³¹.

В апреле 1949 г. в Варшаве работал Объединенный съезд шести польских профсоюзов работников искусств, он направил приветственную телеграмму Рабису (профсоюзу работников искусств СССР). Участники съезда заверили своих советских коллег «в стремлении к осуществлению программы распространения новой социалистической культуры среди трудящихся масс, опираясь на Ваш опыт и Ваши достижения»³².

В конце апреля 1949 г. состоялся X съезд профсоюзов СССР. Съезд был в центре внимания польских профсоюзов, делегация которых приняла участие в его работе³³. Проходивший в это время в Варшаве пленум Главного правления профсоюза работников почты и телеграфа Польши принял резолюцию, в которой, в частности, говорилось, что решения

²⁵ «Głos Ludu», 6 XI 1948, s. 2.

²⁶ «Głos Ludu», 26 X 1948, s. 2 и 28 X 1948, s. 5.

²⁷ «Głos Ludu», 30 X 1948, s. 1, 5. В газете «Труд» кроме варшавского Совета профсоюзов и двух вышеупомянутых профсоюзов названы профсоюзы рабочих и работников горной и сахарной промышленности. См. «Труд», 1948, 10 ноября.

²⁸ ДиМ, т. IX, с. 356, 357.

²⁹ «Труд», 1948, 7, 13 ноября; «Głos Ludu», 7 XI, 11 XI 1948.

³⁰ «Правда», 1948, 24 декабря.

³¹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 311, л. 105. Ответную телеграмму Н. В. Поповой см. там же, л. 103.

³² Там же, д. 310, л. 191.

³³ «Труд», 1949, 28 апреля, «Wolność», 7 V, 12 V 1949; ДиМ, т. IX, с. 410—412.

X съезда «будут для нас образцом и примером в дальнейшем труде и борьбе за воспитание будущих профсоюзных кадров, а опыт советских профсоюзов станет школой организационной и профсоюзной работы на благо трудящихся масс, объединенных в профессиональные союзы»³⁴. В адрес X съезда профсоюзов СССР поступили подарки³⁵ и многочисленные приветствия из Польши: было получено более 20 телеграмм. Их прислали: рабочие лодзинских текстильных и швейных фабрик, строители треста «Бетон-Сталь», коллектив металлургического завода «Покуй» в г. Бытоме, сельскохозяйственные рабочие госимения «Пудлишки», коллективы строителей трассы Восток-Запад в Варшаве, паровозостроительного и инструментального завода им. Цегельского в Познани, трамвайщиков Варшавы, предприятий столичной швейной промышленности; профсоюзы горняков, финработников, текстильщиков, работников кооперации, металлистов, рабочих швейной промышленности, работников самоуправления и предприятий общественного пользования, железнодорожников, сельскохозяйственных рабочих и работниц; пленумы Главных правлений профсоюзов работников сахарной, химической и пищевой промышленности³⁶. В телеграммах отмечались достижения профсоюзов СССР в организационной и политической деятельности и значение опыта советского профдвижения для профсоюзов Польши. «Опыт закаленного в труде и борьбе советского профдвижения, — писали текстильщики, — указывает нам эффективный путь к расширению участия польских профсоюзов в борьбе за реализацию наших хозяйственных планов, в борьбе за построение социализма в Польше»³⁷. В ряде телеграмм подчеркивалось значение опыта СССР в деле строительства социализма в Польше³⁸, а также роль съезда в укреплении позиций народов в их борьбе за мир и социализм³⁹.

В июне 1949 г. в СССР широко отмечался 150-я годовщина со дня рождения А. С. Пушкина. В день юбилея Главное правление Союза польских учителей направило профсоюзу работников начальных и средних школ РСФСР «выражения глубочайшего признания и преклонения перед бессмертными творениями... великого поэта», чья дружба с А. Миккевичем выросла «в борьбе за общие идеалы». В письме высказывалось пожелание, чтобы «чувства, объединявшие наших величайших поэтов», способствовали «лучшему взаимопониманию и сближению народов СССР и польского народа»⁴⁰. Главное правление профсоюза металлистов отмечало, что благодаря народной власти «мы получили возможность знакомиться через наши рабочие клубы с произведениями всемирной литературы, и в первую очередь с творчеством наших писателей, возглавляемых гением А. С. Пушкиным». А польские железнодорожники, говоря о дружбе двух величайших поэтов, назвали ее «символом братства наших... народов, связанных навсегда в борьбе за новый общественный строй, за социализм»⁴¹. В Центральный совет профессиональных союзов (ЦСПС) поступили адреса от профсоюзов сталелитейщиков и текстильщиков, а также от Окружного совета профсоюзов во Вроцлаве⁴².

1949 год явился годом начала организованного всемирного движения сторонников мира. Демократические профсоюзы всех стран активизировали свою деятельность в борьбе за мир, особенно после II Всемирного

³⁴ ДИМ, т. IX, с. 405.

³⁵ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 24, д. 723, л. 188, 189.

³⁶ Там же, оп. 45, д. 338а, л. 59 и след.; ДИМ, т. IX, с. 403—404.

³⁷ Там же, л. 98—99.

³⁸ См., например, телеграмму рабочих завода им. Цегельского. Там же, л. 195—197.

³⁹ Там же, л. 89—90.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 5462, оп. 31, д. 984, л. 100.

⁴¹ Там же, ф. 5451, оп. 45, д. 310, л. 184, 185.

⁴² Там же, д. 311, л. 75.

конгресса профсоюзов (июнь — июль 1949 г.), рекомендовавшего, в частности, создавать на крупных предприятиях Комитеты защиты мира. В августе 1949 г. в СССР состоялась I Всесоюзная конференция сторонников мира, инициаторами созыва которой выступили, в числе других общественных организаций, советские профсоюзы. ЦСПС Польши направил в адрес конференции приветствие, содержащее заверения в том, что «профсоюзы Польши... умножат свои усилия в борьбе за мир, и через Комитеты защиты мира на предприятиях... будут мобилизовать трудящиеся массы на эту борьбу», что «польские профсоюзные деятели, верные принципу пролетарского интернационализма... сделают все, чтобы еще более углубить в польском народе чувство дружбы к великому советскому народу — дружбы, являющейся важным вкладом в дело всеобщего мира...»⁴³. В сентябре 1949 г. состоялось Общепольское совещание представителей (местных) Комитетов защиты мира, на котором заместитель председателя ЦСПС А. Бурский заявил, что ЦСПС через свои профессиональные звенья мобилизует миллионные массы трудящихся всей Польши на борьбу за мир⁴⁴. По призыву Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира 2 октября 1949 г. отмечался Международный день мира (МДМ). В этой связи состоялся обмен телеграммами и письмами между профсоюзами СССР и Польши. Секретарь ВЦСПС Л. Н. Соловьев выразил уверенность в том, что «рабочий класс Польши будет и впредь в передовых рядах борцов за мир и демократию, в борьбе за лучшее будущее человечества». По случаю МДМ ЦСПС Польши направил телеграмму ВЦСПС⁴⁵. Прислали свои приветствия горняки польских шахт «Мортимер» и «Поромбка» шахтерам Донецкого бассейна⁴⁶, коллектив строителей автозавода в Жерани — профсоюзу работников коммунально-жилищного строительства СССР⁴⁷, металлурги комбината «Сосновец» — сталеварам СССР⁴⁸. Коллектив завода «Покуй» направил советским сталеварам письмо, в котором говорилось о желании сорвать планы поджигателей войны, и средство для этого польские металлурги видели в том, чтобы «выпускать продукцию сверх плана, досрочно выполнять все планы, все шире развешивать движение трудового соревнования и все теснее укреплять дружбу с народами СССР». Польские рабочие сообщали о своих производственных успехах в день 2 октября, о том, что «коллектив наших больших печей приступил к новым формам соревнования, применяемым у Вас в стране социализма...»⁴⁹. В приветствиях в связи с МДМ подчеркивался факт использования советских методов труда на предприятиях Польши и отмечалась их роль в экономических успехах страны. Письма свидетельствуют о понимании польским рабочим классом того, что экономические успехи Польши — это вклад в дело срыва замыслов поджигателей войны, что укрепление польскими профсоюзами дружбы со всеми народами, которым дорог мир, тоже будет способствовать этому. В некоторых письмах, например рабочих лодзинской фабрики № 1 им. Варыньского московским текстильщикам⁵⁰, коллектива рабочих шахты «Шомберки» шахтерам Подмосковского угольного бассейна⁵¹ содержались предложения об установлении контактов.

⁴³ «Związkowiec», 4 IX 1949, № 34 (Цит. по: «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich, t. IX. Warszawa, 1974, s. 501.

⁴⁴ «Труд», 1949, 28 сентября.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 311, л. 44, 48.

⁴⁶ ДИМ, т. IX, с. 430—431.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, л. 434, л. 22.

⁴⁸ Archiwum CRZZ, Wydział łączności Międzynarodowej, t. 129.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 310, л. 105.

⁵⁰ Там же, л. 94.

⁵¹ Там же, д. 443, л. 78—79.

Придавая важное значение предстоящему Месячнику углубления польско-советской дружбы, ЦСПС Польши в циркуляре от 26 сентября 1949 г. окружным советам и главным правлениям профсоюзов указывал, что «за истекшее пятилетие профессиональные союзы внесли большой вклад в дело воспитания рабочего класса в духе интернационализма и дружбы с Советским Союзом...», что «в этом году профсоюзы должны принять самое активное участие (в проведении Месячника — К. Б.), привлечь к этому мероприятию внимание миллионных масс трудящихся»⁵². Во время Месячника (7 октября — 7 ноября 1949 г.) в адрес ВЦСПС и отраслевых профсоюзов поступило немало писем из Польши, в которых говорилось о важном значении опыта работы советских профсоюзов. Так, участники 2-го Национального совещания хозяйственного актива предприятий швейной промышленности заявляли в своем приветствии о том, что швейники Польши «полны энергии приступить к осуществлению поставленных совещанием задач, пользуясь заимствованными методами и стилем работы ваших профсоюзов, борьба и постоянная забота которых о человеке является безусловным путеводным методом для польского профдвижения»⁵³. ЦСПС Польши получил более 100 приветствий от предприятий и профорганизаций в адрес советских женщин, пересланных позднее ВЦСПС⁵⁴. В этих письмах говорится о вдохновляющем примере советских женщин, играющих важную роль в хозяйственной, научной, культурной и общественной жизни своей страны⁵⁵, о солидарности польских женщин с женщинами СССР в борьбе за социализм, мир, укрепление дружбы между народами⁵⁶. Работницы фабрики № 1 «Стомиль» в г. Познани сообщали об опеке в Польше над могилами погибших советских воинов, являющимся «красноречивым свидетельством дорого оплаченной дружбы двух славянских народов...», к письму были приложены фотографии⁵⁷, запечатлевшие момент возложения венков на могилы советских солдат, а в заключение письма говорилось: «Вы можете быть спокойны, мы высоко чтим память дорогих Вашему сердцу, а за их могилами следят наши заботливые руки»⁵⁸.

В ознаменование 32-й годовщины Октябрьской революции трудящиеся Польши брали трудовые обязательства. В канун годовщины «в Кракове и Краковском воеводстве рабочие рапортовали о выполнении обязательств, взятых к 32-й годовщине»⁵⁹, несколько машинистов в Гданьском округе «приняли обязательства в ознаменование великого праздника освобождения трудящихся», Вроцлавский вагоностроительный завод «Пафават» и завод им. Цегельского в Познани подписали договор о соревновании, включались в соревнование целые отрасли, например, предприятия электропромышленности Польши⁶⁰.

В связи с праздником Октября в адрес ВЦСПС, отраслевых профсоюзов, предприятий и учреждений прислали приветствия: ЦСПС Польши, работники троллейбусных парков Варшавы, сельскохозяйственные ра-

⁵² ДИМ, т. IX, с. 428.

⁵³ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 310, л. 101—102.

⁵⁴ Там же, д. 311, л. 16, 18, 19, 20, 21—22, 30—31, 32.

⁵⁵ См. письмо женщин, работающих на металлургическом заводе «Банкова». Там же, д. 310, л. 64.

⁵⁶ См. письмо работниц госпредприятия хлопчатобумажной промышленности № 6 г. Лодзи (там же, д. 443, л. 126), телеграммы Женсовета швейной фабрики в г. Калише и работниц трикотажной фабрики в г. Слубицы (там же, д. 312, л. 2, 3).

⁵⁷ Там же, д. 312, л. 9—11.

⁵⁸ Там же, л. 6.

⁵⁹ «Труд», 1949, 7 ноября.

⁶⁰ ДИМ, т. IX, с. 438, 465.

бочие госимения в Поледно и энергообъединения Верхнесилезского округа, железнодорожники Валбжихского угольного бассейна, рабочие нефтяники, работницы швейной промышленности г. Катовице, коллективы металлургического завода «Банкова» и комбината им. Костюшко, работники мясной и молочной промышленности г. Гдыни, строители рабочего поселка Муранув в Варшаве, железнодорожники участка Гданьск-Завислье, главные правления профсоюзов земельных рабочих и служащих, работников сахарной промышленности и металлостов; а также участники 3-го съезда профсоюза работников лесного хозяйства и деревообделочной промышленности и совещания женского актива профсоюза горняков⁶¹. В потоке приветствий из Польши в 1949 г. 270 писем послали польские женщины советским женщинам⁶².

В приветственных письмах подчеркивалась роль Октябрьской революции, открывшей новую эпоху в истории человечества, отмечалось, что годовщины Октября — это общий праздник людей труда всего мира, неоднократно говорилось о большой помощи Советского Союза Польше в прошедшей войне и в трудные для нее годы восстановления народного хозяйства, об использовании в Польше опыта СССР в деле социалистического строительства. Во многих письмах прослеживается осознание уз братства и солидарности, соединяющих советский и польский народы, общности задач, стоящих перед ними. И как выражение этой осознанности — в письмах часто содержится подробный рассказ (иногда с цифрами) о производственных успехах коллективов. Характерными в этом отношении являются письма строителей рабочего поселка Муранув в Варшаве и рабочих Главминскострой. Они свидетельствуют о хорошей взаимной осведомленности о делах друг друга. В письме польских рабочих назывались имена советских строителей-передовиков С. С. Максименко и Ф. Д. Шевлюгина, чьи достижения вызвали у польских строителей «восхищение и желание благородного состязания», рассказывалось о том, что в Польше вводятся новейшие советские методы строительных работ, в частности, упоминался Краевский, который «привил коллективный метод кладки стен». Сообщалось в письме о постройке в Варшаве летом 1949 г. первого дома скоростным методом за 23 дня и о намерении варшавских строителей начать в 1950 г. строительство дома советских конвейерным методом⁶³. В ответном письме минские строители, восстанавливающие город, где «80% жилых домов и общественных учреждений в годы войны были превращены в руины и развалины», рассказывали о механизации разного типа строительных работ, о широком развитии соревнования, охватывавшего 98% работающих. Минским строителям были известны имена польских передовых строителей: Краевского, Религи, Москалика, Шатковского, Франчика, Пташинского, Маркова и др.⁶⁴

Во многих письмах из Польши рассказывалось о применении на промышленных предприятиях, на транспорте, в сельском хозяйстве советских методов труда и прежде всего о развитии соревнования (например, письма коллективов рабочих госимения в Поледно⁶⁵, металлургического завода «Банкова» в Домброве Гурничей⁶⁶, рабочих энергообъединения Верхнесилезского промышленного округа, железнодорожников Валбжихского

⁶¹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 311, л. 39—41; д. 310, л. 3 и след.; д. 443, л. 99 и след.

⁶² Список полученных ЦСПС писем см. ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 312, л. 1.

⁶³ Там же, д. 443, л. 132—134.

⁶⁴ Там же, л. 127—130.

⁶⁵ Там же, д. 310, л. 6—7.

⁶⁶ Там же, д. 443, л. 99—100.

бассейна⁶⁷, Окружного комитета трудового соревнования Гданьского (воеводского) правления профсоюза железнодорожников⁶⁸. О значении советского опыта в развитии польской экономики говорилось в приветственной телеграмме председателя ЦСПС А. Завадского председателю ВЦСПС В. В. Кузнецову. В ней указывалось, что в Польше «выросли, следуя примеру Ваших стахановцев, Пстровские, Априясы, Краевские», тысячи других героев труда, что «наши изобретатели и рационализаторы изучают методы работы и изобретения советских товарищей, на наших металлургических и сталелитейных заводах рабочие достигают все лучших результатов, применяя советские методы производства»⁶⁹.

В канун нового 1950 г. в адрес ВЦСПС поступили телеграммы от ЦСПС и председателя ЦСПС А. Завадского. В новогодней телеграмме В. В. Кузнецова А. Завадскому наряду с традиционными пожеланиями подчеркивалось, что 1949 г. «в истории Польши был годом небывалого промышленного развития», а в отношениях двух братских народов — «годом дальнейшего укрепления дружбы» между ними и «укрепления лагеря мира и демократии»⁷⁰.

Наряду с довольно широким обменом приветствиями по случаю знаменательных дат или событий в жизни обеих стран между советскими и польскими профсоюзами велась переписка по вопросам профсоюзной и производственной работы. В письме Женотдела Главного правления Центрального профсоюза горняков Польши ВЦСПС по случаю 8 Марта 1947 г. выражалось желание «с настоящего времени поддерживать с Вами постоянный контакт в виде переписки, которая образно представила бы Вам нашу жизнь на работе, дома и на общественном форуме»⁷¹. В приветственном письме руководителя профсоюза работников полиграфического производства и печати СССР съезду польских полиграфистов, состоявшемуся в апреле 1947 г., говорилось о том, что «рабочие и работники Советского Союза искренне желают завязать дружеские отношения со своими коллегами — полиграфистами демократической Польши»⁷². Просьба информировать о жизни «наших коллег — рабочих полиграфической промышленности Польши» содержалась в другом письме ЦК профсоюза советских полиграфистов, также датированном 1947 г. и адресованном родственному польскому профсоюзу⁷³. В августе 1947 г. Главное правление профсоюза работников и рабочих кожевенной промышленности Польши предложило отраслевому профсоюзу СССР «установить контакт с целью обмена корреспонденцией, документами и взаимного ознакомления с жизнью наших профсоюзов», а также с целью «ближе узнать жизнь народа, который освободил из-под ярма фашизма не только Польшу, но почти весь мир»⁷⁴. В письме ЦК профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения СССР, направленном Центральному профсоюзу работников металлургической промышленности Польши в связи с 30-й годовщиной Октября, говорилось: «Нам было бы интересно познакомиться с достижениями польских женщин и с тем, как они участвуют в трудовом соревновании. Мы со своей стороны будем охотно отвечать на все интересующие вас вопросы»⁷⁵.

⁶⁷ Там же, д. 310, л. 18, 25.

⁶⁸ ДиМ, т. IX, с. 438.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 311, л. 39—40.

⁷⁰ Там же, л. 2 (Телеграмма опубликована в газете «Труд», 1950, 1 января), л. 4, 109—110.

⁷¹ Там же, д. 130, л. 235, 236.

⁷² Там же, л. 224.

⁷³ Там же, л. 195.

⁷⁴ Там же, л. 180.

⁷⁵ ДиМ, т. IX, с. 241.

В 1948 г. началась переписка между профсоюзами работников искусств СССР и Польши. Отвечая на письмо из Польши, в котором содержалась просьба рассказать о деятельности советского профсоюза, ЦК профсоюза работников искусств СССР, изложив общие положения о структуре союза, просил сообщить о деятельности и структуре польского профсоюза и в заключение писал: «Мы будем охотно поддерживать с Вами дружескую связь и будем всегда рады ответить на интересующие Вас вопросы»⁷⁶. О готовности «установить... дружеские деловые связи по обмену опытом нашей работы» писали в письме, направленном в связи с приглашением приехать на съезд родственного польского профсоюза (апрель 1949 г.), советские рабочие и служащие шоссейного и гидротехнического строительства, выразившие желание узнать «какие вопросы или отрасли нашей работы Вас интересуют в первую очередь»⁷⁷. Осенью 1949 г. члены Женсовета при профсоюзе работников полиграфической промышленности в Лодзи, желая установить «обмен мыслями путем переписки» с советскими женщинами-полиграфистами, сообщили, что женщины Польши по примеру советских женщин включились в общественную деятельность, что «ваш пример убедил нас в том, что среди женщин есть различные таланты, которые мы будем стараться в дальнейшем использовать в деле создания нового строя, новой жизни, для победы социализма и блага будущих поколений». Предложение польских полиграфистов об установлении постоянной переписки было принято с радостью. В письме ЦК профсоюза работников полиграфической промышленности СССР выражалась уверенность в том, что «наша переписка, наш обмен опытом работы явятся новым шагом на пути укрепления дружбы польского и советского народов...»⁷⁸.

С просьбой установить «братскую связь металлургов» и написать «о своих достижениях и знатных героях труда...» обратились к коллективу завода «Азовсталь» в городе Жданове рабочие комбината им. Костюшко объединения Гливицких металлургических предприятий. Они выражали надежду, что переписка «позволит нам еще лучше узнать друг друга и укрепить сотрудничество в строительстве счастливой жизни наших дружественных народов»⁷⁹. Текст ответного письма польским рабочим был принят на общезаводском слете стахановцев (январь 1950 г.). Ждановские металлурги рассказывали польским коллегам о производственных успехах своего завода и выразили уверенность в том, что «братская связь, которую мы с вами в настоящее время установили в письмах, укрепит узы нашей дружбы, поможет нам лучше и успешнее решать задачи, поставленные перед советскими и польскими металлургами в деле укрепления силы и могущества стран социализма, и обеспечит победу в борьбе за прочный и длительный мир во всеми мире»⁸⁰. О желании «установить постоянную связь», «постоянные отношения» с советскими родственными профсоюзами писали в 1949 г. также главные правления профсоюза работников почты и телеграфа Польши⁸¹ и профсоюза работников общественных учреждений⁸², текстильщики фабрики им. Варыньского⁸³, предста-

⁷⁶ Там же, с. 264, 318.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 310, л. 195.

⁷⁸ Там же, л. 61, 62.

⁷⁹ Там же, д. 443, л. 121.

⁸⁰ Там же, л. 114 (В настоящее время рабочие завода «Азовсталь» им. Орджоникидзе поддерживают деловые связи с коллективом польского металлургического комбината «Новая Хута», см. «Профсоюзное движение за рубежом». М., 1976, с. 147).

⁸¹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 310, л. 182, 182 об.

⁸² Там же, д. 437, л. 46.

⁸³ Там же, д. 310, л. 94 об.

водители коллектива шахты «Шомберки», работники мясной и молочной промышленности г. Гдыни⁸⁴.

Одной из форм дружеских связей между советскими и польскими профсоюзами являлся обмен профсоюзной прессой. ВЦСПС оформил пересылку в адрес ЦКПС Польши с января 1946 г. газеты «Труд» и журналов «Новое время», «Профессиональные союзы» и «Советская женщина»⁸⁵. В 1946 г. был урегулирован вопрос о посылке в Польшу журнала «В помощь ФЗМК»⁸⁶, и в 1946, 1947 гг. польские профсоюзы регулярно получали необходимое им издание⁸⁷. Позднее Секретариат ВЦСПС принял постановление, предусматривающее расширение посылки вышеуказанных изданий в 1948 и 1949 гг. зарубежным профорганизациям⁸⁸. С марта 1949 г. список советских профизданий, отправляемых за рубеж, пополнился журналом «СССР на стройке»⁸⁹. В конце 1949 г. Секретариатом ВЦСПС было принято постановление «О журнале ВФП „Всемирное профдвижение“ на русском языке». Одна треть тиража журнала предназначалась для стран народной демократии⁹⁰. Из Польши в адрес ВЦСПС в 1946 г. регулярно направлялись журналы «Роботничы шпеглэнд господарчы» и «Звёзковец»⁹¹.

Происходил обмен профессиональными изданиями и между отдельными профсоюзами. Так, летом 1946 г. профсоюз железнодорожников Польши обратился к родственному профсоюзу СССР с предложением об установлении «постоянного сотрудничества и обмена нашей профессиональной прессой» и прислал свой журнал «Колеяж—звёзковец»; отвечая на это предложение, руководство профсоюза работников Центральных железных дорог СССР сообщило, что с августа профсоюзу польских железнодорожников будет высылаться газета советских железнодорожников «Гудок»⁹². В 1949 г. профсоюз металлистов Польши послал в ЦК профсоюза рабочих черной металлургии СССР журнал «Металёвец» и интересовался возможностью получения в обмен органа советского родственного профсоюза. В связи с просьбой кружка железнодорожников Познанского отделения Общества польско-советской дружбы (ОПСД) ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта СССР выписал в его адрес газеты «Правда» и «Гудок» и послал «брошюры о передовых методах работы железнодорожников нашей страны»⁹³. Некоторые профиздания из Польши в СССР пересылались нерегулярно (в 1946 г. журналы «Шпеглэнд гурничы» и «Сполэм»⁹⁴, в 1948 г. ежегодник «Химический рабочий»⁹⁵ и журнал «Будовляни» с отчетом о съезде профсоюза рабочих строительной и керамической промышленности⁹⁶).

Между профсоюзами СССР и Польши происходил обмен и другими материалами по вопросам организационной структуры профсоюзов. Сведения о структуре одного из советских профсоюзов были переданы делегации польских профсоюзов, приехавшей в СССР в марте 1946 г.⁹⁷

⁸⁴ Там же, д. 443, л. 78, 79, 124.

⁸⁵ Там же, д. 85, л. 100.

⁸⁶ Там же, л. 20, 25, 53, 55.

⁸⁷ Там же, л. 2; д. 130, л. 194 и след.

⁸⁸ Там же, оп. 24, д. 566, л. 12; д. 610, л. 29; д. 644, л. 7—8, 143—148.

⁸⁹ Там же, д. 693, л. 4, 42—46.

⁹⁰ Там же, д. 766, л. 3.

⁹¹ Там же, оп. 45, д. 85, л. 1, 3, 67, 82; «Звёзковец» регулярно пересылался и в 1949 г. (д. 311, л. 68).

⁹² Там же, л. 56, 59, 61.

⁹³ Там же, д. 310, л. 145, 146, 161—163.

⁹⁴ Там же, д. 85, л. 67.

⁹⁵ Там же, д. 311, л. 96.

⁹⁶ Там же, д. 310, л. 125—126.

⁹⁷ Там же, д. 85, л. 94, 100, 103.

В 1947 г. Главное правление профсоюза кожевников Польши обратилось к родственному профсоюзу в СССР с письмом, в котором сообщалось о структуре польского профсоюза и выражалось желание «познакомиться со структурой Вашего союза и развитием промышленности»⁹⁸. По просьбе профсоюза работников социальных учреждений Польши материалы «о программе, методах и формах деятельности братской профсоюзной организации» и о профсоюзных изданиях были отправлены ему в декабре 1947 г. и январе 1948 г.⁹⁹. В 1948 г. пожелал «познакомиться с организацией и деятельностью советского профсоюза работников искусств» Союз артистов польской сцены. Подробный ответ был дан в письме ЦК профсоюза, в котором содержалась и просьба сообщить о деятельности и структуре польского профсоюза¹⁰⁰. С целью «установления связи для обмена опытом работы» советский профсоюз работников высшей школы и научных учреждений просил ЦКПС Польши сообщить данные о профсоюзах, объединяющих научных работников и профессорско-преподавательский состав вузов Польши¹⁰¹.

В январе 1949 г. ЦКПС обратилась в ВЦСПС с просьбой прислать «исчерпывающий материал по вопросу структуры работы и о достижениях советских профсоюзов в связи с X съездом профсоюзов СССР»¹⁰², а профсоюз металлистов Польши в письме ЦК профсоюза рабочих черной металлургии СССР сообщал о структуре своего профсоюза, об успехах культурно-просветительной работы. В письме металлистов содержались и просьбы: прислать сведения «о структуре советского профсоюза и об условиях труда его членов» и поделиться «Вашим опытом в области технического усовершенствования в промышленности». (В Польшу был направлен подробный ответ¹⁰³.) Профсоюз работников самоуправления и учреждений общественного пользования Польши выразил желание познакомиться с методами работы, организационной структурой советского отраслевого профсоюза, установить для этого контакт с ним¹⁰⁴. От польских профсоюзов приходили в 1949 г. просьбы прислать им: «свод действующих законоположений о профсоюзах в СССР», устав и «правила внутреннего распорядка одного из промышленных профсоюзов»¹⁰⁵. Экономический отдел ЦСПС просил ВЦСПС прислать материалы по организационной структуре ВЦСПС, (ЦК) отдельных профсоюзов, Облсовпрофа, о профсоюзных изданиях, плакатах по технике безопасности, о договорах, заключаемых профсоюзами с министерствами и другие. В письме ЦСПС, в частности, говорилось: «Ваш многолетний опыт в этом направлении, так же как и в других, способствовал бы нам использовать эти материалы для изучения и сравнения с методами нашей работы, с целью усовершенствования нашей организационной профсоюзной деятельности». В связи с этим в Польшу были посланы Устав профсоюзов СССР и Справочник профработника¹⁰⁶.

В письме Главного правления профсоюза работников общественных учреждений Польши родственному профсоюзу СССР говорилось о желании установить связь, «чтобы ознакомиться со структурой и деятельностью профсоюза..., иметь возможность воспользоваться Вашими советами... особенно в таких областях, как социалистическое соревнование,

⁹⁸ Там же, д. 130, л. 180.

⁹⁹ Там же, л. 22.

¹⁰⁰ ДиМ, т. IX, с. 264, 316—318.

¹⁰¹ Там же, с. 285.

¹⁰² ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 311, л. 97.

¹⁰³ Там же, д. 310, л. 147—154, 161—163.

¹⁰⁴ Там же, д. 310, л. 143—144.

¹⁰⁵ Там же, д. 311, л. 59, 60.

¹⁰⁶ Там же, л. 36, 37, 51—55.

культурно-просветительная работа и удовлетворение социальных запросов трудящихся»¹⁰⁷. Польский профсоюз интересовался тем, какие учреждения входят в родственный советский профсоюз, проводится ли и в каких организационных формах соревнование среди служащих. К письму был приложен материал, рассказывающий о структуре и деятельности польского профсоюза. Руководство советского профсоюза работников политпросветучреждений направило в Польшу очень подробное описание структуры и деятельности своего профсоюза¹⁰⁸.

В 1948 г. установились связи между Высшей школой профдвижения (ВШПД) в Москве и Центральной школой профсоюзов в Лодзи в области подготовки кадров профсоюзных работников. В октябре этого года директор Центральной школы профсоюзов обратился в ВЦСПС с письмом, в котором говорилось «о желании быть в тесном контакте» с ВШПД и содержалась просьба прислать сведения о программе, методике работы в школе и учебники для преподавания. Эта просьба была удовлетворена. ВШПД направила в Польшу материалы о школе, ее учебных планах, о курсах профстроительства при ней, учебный план на 1948/49 г. и школьные программы по ряду дисциплин¹⁰⁹. В 1949 г. по просьбе ЦСПС в Польшу были отправлены «материалы по вопросам массового обучения, осуществляемого профсоюзами на предприятиях, обучения профсоюзных кадров на курсах и в профшколе, обучения их в ВШПД и другие вспомогательные материалы». ЦСПС со своей стороны прислал брошюру о культурно-просветительной деятельности польских профсоюзов, в которой имелся раздел о профсоюзном обучении в Польше¹¹⁰.

Профсоюзы Польши, занимаясь вопросами труда (главным образом охраны труда) и заработной платы, стремились использовать советский опыт в этой области. Польские профсоюзы интересовались сведениями о комиссиях и инспекторах труда¹¹¹, о заработной плате железнодорожников в СССР (о налогах, системе премирования и т. д.), законодательством о труде государственных служащих (в Польшу был отправлен справочник «О труде и заработной плате служащих»¹¹²), о «трудовых инструкциях для государственных служащих»¹¹³ (в ответном письме ЦК профсоюза работников госучреждений СССР излагались основные положения «Типовых правил внутреннего распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений» СНК СССР от 18 января 1941 г.)¹¹⁴.

Летом 1949 г. в ВЦСПС поступила просьба руководителя одной из польских лабораторий техники безопасности, охраны и гигиены труда прислать список однопрофильных институтов в СССР и их адреса, так как для лаборатории, говорилось в письме, очень важной задачей является «срочное установление связи с братскими организациями в СССР для получения данных об их организации, чертежей, эскизов, литературы». В Польшу были сообщены адреса двух учреждений: Института охраны труда ВЦСПС в Москве (предприятия машиностроения) и Института охраны труда в Иванове (предприятия текстильной промышленности)¹¹⁵.

Важное значение для польских профсоюзов имел опыт производственной деятельности профсоюзов СССР. Летом 1946 г. Главное правление

¹⁰⁷ Там же, д. 437, л. 46.

¹⁰⁸ Там же, л. 28—34, 49—52.

¹⁰⁹ Там же, д. 310, л. 211—213.

¹¹⁰ Там же, д. 311, л. 3.

¹¹¹ Там же, д. 85, л. 103.

¹¹² Там же, д. 130, л. 211, 222, 223.

¹¹³ Там же, д. 310, л. 219.

¹¹⁴ Там же, л. 217—218.

¹¹⁵ Там же, д. 312, л. 22, 25.

профсоюза рабочих и работников общественного питания и гостиниц Польши в письме, адресованном ВЦСПС, выразило надежду, что «Вы... поможете на основе Вашего многолетнего опыта в организации нашей профессиональной жизни в промышленности общественного питания в Польше». Его интересовало строительство в СССР ресторанов и столовых; польский профсоюз пуждался также в программах обучения рабочих общественного питания, в книгах и брошюрах производственного характера по вопросам общественного питания¹¹⁶. В очень подробном ответе ЦК профсоюза работников общественного питания СССР рассказывалось о довоенных достижениях в Советском Союзе в строительстве различных предприятий общественного питания, о принципах организации труда рабочих в них, о широкой сети учебных заведений и подготовке кадров в сфере общественного питания, выражалось желание узнать «как у Вас идет восстановление предприятий общественного питания...»¹¹⁷. В другом письме руководство польского профсоюза, поблагодарив за исчерпывающие ответы, рассказывало о структуре союза, о предприятиях общественного питания в Польше. В письме содержалась просьба прислать сборник раскладок, отсутствие которого и «соответствующих учебников... создает трудности при организации кооперативных предприятий питания»¹¹⁸.

Польские профсоюзы обращались к профсоюзам СССР с просьбами: прислать материалы, публикации о ходе выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и об участии в этом профсоюзов (во исполнение просьбы были отправлены Постановления XV пленума ВЦСПС и рекомендовались материалы, публикуемые газетой «Труд») ¹¹⁹, «помочь в организации профессиональных печатных школ»¹²⁰. В период работы II Всепольского съезда профсоюзов (июнь 1949 г.) группа его делегатов — представители профсоюза рабочих мебельной промышленности передали руководителю советской делегации на съезде И. В. Горошкину письмо с просьбой «оказать содействие в приобретении учебных пособий для электротехников и механиков, работающих в мебельной промышленности»¹²¹. Летом 1949 г. ЦСПС просил ВЦСПС прислать материалы о коллективных договорах в разных отраслях промышленности¹²². В конце 1949 г. Отдел международных связей ЦСПС обратился в ВЦСПС с просьбой «прислать... список и образцы брошюр, журналов и газет некоторых профсоюзов о новых методах труда, режиме экономии, рентабельности производства в отдельных отраслях промышленности». В письме подчеркивалось, что вышеперечисленные материалы дадут «возможность широко... ознакомить рабочих с системой работы Ваших стахановцев», помогут «привить нашим рабочим новое социалистическое отношение к труду». (Материалы, о которых шла речь в письме, были переданы одному из членов польской профсоюзной делегации, посетившей СССР в начале 1950 г.)¹²³.

Советские профсоюзы, имеющие большой опыт в организации социалистического соревнования, делились им с профсоюзами братской страны. В июне 1947 г. Международный отдел ВЦСПС сообщил директору белостокской текстильной фабрики Я. Зубрицкой об отправлении в ее адрес

¹¹⁶ Там же, д. 85, л. 42.

¹¹⁷ Там же, л. 36—40.

¹¹⁸ Там же, д. 130, л. 271, 274.]

¹¹⁹ Там же, д. 85, л. 78, 80.]

¹²⁰ Там же, д. 130, л. 196—196 об.

¹²¹ Там же, д. 312, л. 18—19 об.

¹²² Там же, д. 311, л. 49.

¹²³ Там же, д. 310, л. 74.

в числе других материалов трех брошюр о стахановцах-новаторах в текстильной промышленности, а в адрес Окружного совета профсоюза полиграфистов в Ольштыне их советские коллеги летом того же года направили брошюры об опыте стахановцев в полиграфической промышленности и журнал «Полиграфическое производство»¹²⁴. В конце 1947 г. ЦК профсоюза рабочих каменноугольной промышленности западных районов СССР сообщил руководству родственного польского профсоюза об отправке «в порядке передачи опыта в организации руководства социалистическим соревнованием» двух фотоплакатов, рассказывающих о работе машиниста врубового комбайна Запорожца и забойщика Пастухова, а также нескольких брошюр, которые, говорилось в письме, «дадут представление о той большой работе, которую проводят профорганизации по соцсоревнованию шахтеров за высокую производительность труда, и помогут в улучшении Вашей работы»¹²⁵. Осенью 1948 г. ЦК профсоюза работников госторговли СССР направил в адрес ЦКПС Польши письмо с информацией о деятельности профсоюза главным образом в области организации соцсоревнования в торговле¹²⁶.

В письме Главного правления профсоюза работников почты и телеграфа Польши, направленном в начале 1949 г. советским работникам связи, содержалась просьба прислать материалы об организации соревнования на родственных предприятиях в СССР, говорилось о том, что полученные материалы «дадут нам возможность популяризировать достижения почтовых служащих первой в мире социалистической республики», что «получив Ваши ценные правила..., мы смогли бы осуществить необходимые изменения в организации польской почты и поднять ее деятельность на более высокий уровень»¹²⁷. В Польшу были направлены материалы об условиях соцсоревнования по профессиям и на звание «Бригада отличного качества»¹²⁸.

Осенью 1949 г. в адрес кружка железнодорожников Познанского отделения ОПСД по их просьбе были отправлены брошюры о передовых методах работы железнодорожников Советского Союза¹²⁹. От польских профсоюзов в адрес ВЦСПС поступила также просьба прислать «имеющийся у Вас материал о формах и методах соревнования в автотранспорте», ибо трудовое соревнование в этой отрасли в Польше наталкивается на некоторые трудности организационного характера, объясняющиеся отсутствием достаточного опыта в данной области. (Материал, в котором нуждались автотранспортники, был передан польской профделегации в начале 1950 г.)¹³⁰.

В 1949 г. московское радио организовывало специальные передачи для Польши, в которых советские стахановцы рассказывали польским коллегам о методах своего труда. В радиорепортаже из цеха московской обувной фабрики «Парижская коммуна» приняли участие бригадир В. И. Матросов — стахановец, лауреат Государственной премии, и другие передовики труда. Они дали ряд практических советов польским обувщикам о методах труда, о создании курсов передовиков труда на предприятиях Польши¹³¹. В ходе репортажа с Краснохолмского текстильного комбината к рабочим польских текстильных предприятий обратился помощник мастера комбината А. С. Чутких: «Мы с радостью узнали, что

¹²⁴ Там же, д. 130, л. 195, 212.

¹²⁵ Там же, л. 166.

¹²⁶ ДиМ, т. IX, с. 338—341.

¹²⁷ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 45, д. 310, л. 182, 182 об.

¹²⁸ Там же, л. 164—178.

¹²⁹ Там же, л. 145, 146.

¹³⁰ Там же, л. 75.

¹³¹ «Wolność», 24 IV 1949, s. 7.

у вас широко развернулось соревнование за высокое качество продукции. Мы с удовлетворением поделимся с вами нашим опытом». Он посоветовал польским текстильщикам организовать общественный контроль за качеством выпускаемой продукции при переходе ее из одной фазы производства в другую. Передовая ткачиха О. Забродина обратилась к польским друзьям со словами: «Будем рады, если напишите нам о себе; будем рады еще раз поделиться с вами нашим опытом»¹³².

Передовые методы труда советских стахановцев стали широко применяться в Польше. Знаменитый в первые послевоенные годы каменщик М. Краевский, инициатор передового метода строительных работ в Польше, освоил метод ускоренной кладки стен советских мастеров, когда в годы войны работал на Урале вместе с известным советским каменщиком С. Максименко. После установления Краевским рекорда (в июле 1948 г. он уложил за смену 3400 кирпичей вместо 800 по норме) — метод его быстро распространился среди строителей Варшавы (можно назвать фамилии его последователей — Поренцкий, Релига, Ковальчик, Новаковский) и других крупных городов Польши. Позднее польские строители стали переходить от системы «троек» Краевского к конвейерной системе, имея в качестве образца также опыт работы советских строителей.

В польской обувной промышленности получил распространение метод В. Матросова¹³³, его последователи в короткое время добились прекрасных результатов: выработка продукции возросла более, чем в два раза. Центральное управление кожевенной промышленности Польши намеревалось пропагандировать метод Матросова на всех предприятиях отрасли¹³⁴. Советские методы бригадной работы использовали польские металлурги, добившись значительных производственных успехов в два последние месяца 1949 г.¹³⁵ К концу 1949 г. стали очевидными успехи отдельных паровозных бригад — в Польше, работавших по методу советских железнодорожников — машинистов Лунина, Папавина, Кривоноса и др. Их польские последователи — машинисты Чапчик, Крыгер и Шварц — добивались увеличения километража пути, пройденного без ремонта и промывки котла¹³⁶.

Профсоюзы народной Польши, используя опыт советских профсоюзов, добились к 1949 г. значительных успехов в организации трудового соревнования. По развитию соревнования Польша занимала тогда первое место среди стран народной демократии, как отметил в своем докладе на II Всепольском съезде профсоюзов председатель ЦСПС А. Завадский¹³⁷.

Таким образом уже в первые послевоенные годы значительное развитие получили связи между профсоюзами СССР и Польши — такие их формы как переписка, обмен профсоюзной прессой (и обмен делегациями, который может явиться предметом особого рассмотрения). В складывающемся в эти годы сотрудничестве профсоюзов двух братских стран можно констатировать его элементы в организационной, социальной и производственной деятельности профсоюзов.

¹³² «Wolność», 13 VI 1949, s. 7.

¹³³ ЦГАОР, ф. 5453, оп. 31, д. 507, л. 104.

¹³⁴ «Wolność», 20 II 1949, s. 7; 24 II 1949, s. 7.

¹³⁵ «Wolność», 9 I 1950, s. 7.

¹³⁶ «Wolność», 6 I, 20 I, 3 II 1950, s. 7.

¹³⁷ «Nowe Drogi», 1949, № 3, s. XX.

В. И. ПРИБЫЛОВ

ЛИГА НАЦИЙ И ГДАНЬСКИЙ ВОПРОС (1919—1926)

Вольный Город Гданьск был образован согласно ст. 100—108 Версальского мирного договора, подписанного державами Антанты — с одной стороны и Германией — с другой, в Париже 28 июня 1919 г.¹

В литературе, посвященной этому вопросу, можно отметить несколько точек зрения на причину создания Вольного Города, однако почти все авторы, писавшие об этом, единодушны в том отношении, что не последнюю роль здесь сыграла позиция, занятая английским правительством².

Добившись своей главной цели — ослабления германского конкурента, британский империализм не мог мириться с возросшим после окончания войны влиянием Франции на европейском континенте. Одна из причин первой мировой войны — «борьба германского и английского капитала уступила по заключении мира место борьбе между английским и французским капиталом»³. Со всей отчетливостью эта борьба проявилась уже во время Парижской мирной конференции, где британская дипломатия делала все возможное, чтобы ослабить позиции своего недавнего союзника. Одним из результатов англо-французского соперничества и явилось образование Вольного Города Гданьска. Лондон решительно противился всем попыткам передать этот город Польше, находившейся в орбите французской политики. Ввиду явного нежелания Франции оставить Гданьск в составе Германии британское правительство пошло на компромиссное решение этой проблемы — создание Вольного Города под покровительством Лиги Наций⁴. Характерно, что за день до принятия Советом Четырех решения о создании на территории Гданьска Вольного Города парижская

¹ «Версальский Мирный Договор». М., 1925, с. 49—51.

² См., например, J. M a k o w s k i. Prawno państwowe położenie Wolnego Miasta Gdańska. Warszawa, 1925; R. D m o w s k i. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1925; H. S t r a s b u r g e r. Sprawa Gdańska. Warszawa, 1937; M. B o b r z y Ń s k i. Wskrzeszenie państwa polskiego, t. II. Kraków, 1920—1925; S. K u t r z e b a. Gdańsk. Przeszłość i terażniejszość. Lwów, 1928; Z. W r o n i a k. Sprawa polskiej granicy zachodniej w latach 1918—1919. Poznań, 1963; J. W ó j c i c k i. Wolne Miasto Gdańsk. Warszawa, 1976; H. S t e p i a k. Rada Portu i Dróg Wodnych w Wolnym Mieście Gdańsku. Gdańsk, 1971; C. M. K i m m i c h. The Free City Danzig and German foreign policy 1919—1934. New Haven and London, 1968.

³ В. М. Д ж о р д а н. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1945. (Предисловие Б. Е. Штейна, с. IX—X.)

⁴ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i Materiały», t. I. Warszawa, 1965, s. 308—309.

газета «Тан» поместила статью, в которой со ссылкой на «Нью-Йорк Геральд» сообщала, что «британская делегация выработала план нейтрализации коридора, ведущего от границ Польши к Гданьску. Польша получит право пользоваться Гданьском в качестве порта... Англичане надеются, что этот план удовлетворит справедливые требования поляков относительно выхода к морю, и в то же время предотвратит распри в будущем. Французы, — добавляет „Нью-Йорк Геральд“, — противятся этому плану, так как считают, что он не принесет ничего, кроме конфликтов»⁵. Появление в газете, тесно связанной с французскими правительственными кругами подобного сообщения, по-видимому, означало, что Париж ввиду слабой позиции разоренной войной Франции пошел на уступки. Образование Вольного Города полностью отвечало планам британского капитала, стремившегося к проникновению в Восточную Европу. Гданьск должен был служить «если не военной, то наверняка экономической базой...»⁶.

Британское правительство стремилось закрепить свои позиции в этом районе Балтики. Как отмечает польский историк М. Новак-Келбикова, англичане противодействовали планам Верховного Совета Антанты послать на территорию Гданьска смешанные воинские соединения. Лорд Бальфур добивался, чтобы туда были посланы британские войска, а в Верхнюю Силезию — французские⁷. Одновременно Лондон стремился к тому, чтобы на пост Верховного комиссара, представителя Лиги Наций в Вольном Городе, был назначен англичанин⁸. Ранее, 25 ноября, Верховный Совет Антанты, несмотря на польское противодействие, назначил своим представителем в Гданьске англичанина Р. Тауэра⁹.

Со своей стороны польское правительство всеми силами противилось образованию на территории Гданьска Вольного Города, добиваясь его присоединения к Польше. Перед началом Парижской мирной конференции Польский Национальный Комитет, а во время конференции польская делегация, предпринимали многочисленные попытки повлиять на решение этого вопроса в желательном для Польши плане¹⁰. Вопрос о доступе к морю через гданьский порт имел огромное значение для польского государства. Как отмечал в интервью парижской газете «Матэн» И. Падеревский, «Польша без Гданьска это — задыхающаяся, стиснутая, урезанная страна, находящаяся в кабале у владельцев океанского побережья»¹¹. Исключительное значение Гданьска для Польши признавали Межсоюзническая комиссия в Польше и Комиссия по польским делам. Обе эти комиссии в своих сообщениях в различные органы конференции поддерживали польскую точку зрения на эту проблему. При этом отмечалось, что включение Гданьска в состав польского государства благоприятно отразится на хозяйственном развитии города. Этот факт, кстати, признавали и некоторые английские газеты¹². Тем не менее, интересы британского капитала при доминирующем положении Великобритании на мирной конференции сыграли решающую роль.

⁵ «Le Temps», 2 IV 1919.

⁶ E. Łyczkowski. W sprawie genezy Wolnego Miasta Gdańska. «Przegląd Zachodni», 1966, № 2, s. 307.

⁷ M. Nowak-Kiełbikowa. Polska i Wielka Brytania w latach 1918—1923. Warszawa, 1975, s. 173—174.

⁸ Ibid., s. 174.

⁹ M. Nowak-Kiełbikowa. Ibid., s. 174.

¹⁰ R. Dmowski. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926, s. 445—447, 502—505; «Sprawy polskie na konferencji...», s. 303.

¹¹ «Le Matin», 8 IV 1919.

¹² См. например: «Daily Telegraph», 3 III 1919.

Со дня подписания Германией Версальского мирного договора до начала января 1920 г. территория Гданьска оставалась частью германского государства. 9 января в Париже был подписан протокол между Союзными Державами и Германией, согласно которому Германия передавала союзникам территорию Гданьска в границах, определенных Версальским договором¹³. 30 января 1920 г. на территорию будущего Вольного Города вошли английские войска под командованием полковника Нортон. В Гданьске располагалась также резиденция командующего британскими вооруженными силами на спорных польско-немецких территориях генерала Р. Хэйкинга. Таким образом, начиная с января 1920 г., в Гданьске установилось довольно сильное английское влияние¹⁴.

13 февраля 1920 г. Совет Лиги Наций на своей второй сессии в Лондоне, во исполнение постановлений Версальского трактата, назначил Верховным комиссаром Лиги в Гданьске Р. Тауэра. Согласно резолюции, предложенной бельгийским делегатом П. Гимансом, основными функциями Верховного комиссара должны были стать: создание условий, необходимых для выработки конституции Вольного Города, подготовка польско-гданьской конвенции и, в качестве первой инстанции, разрешение могущих возникнуть польско-гданьских разногласий. В своих действиях Верховный комиссар был ответствен перед Лигой Наций¹⁵. В целом не подлежит сомнению, что институт Верховного комиссара должен был служить средством воздействия Лиги Наций на формирование и политическую жизнь будущего Вольного Города. Учитывая доминирующую позицию, которую занимала в Лиге в этот период Великобритания при полном равнодушии к этой организации Франции¹⁶, можно предположить, что Лондон стремился упрочить свои позиции в Гданьске и посредством Лиги Наций. Интересно отметить тот факт, что в период с 1920 г. по 1926 г. верховными комиссарами Лиги в Гданьске были англичане. Французская «Эр Нувель» писала по этому поводу: «Высокие представители Лиги Наций, сменявшие друг друга до настоящего времени — сэр Реджинальд Тауэр, генерал Хэйкинг и Мак Доннелл, — все были англичанами, это подчеркивает заинтересованность Англии иметь наблюдателя и арбитра в Гданьске»¹⁷.

В середине июня 1920 г., после выборов в Законодательное Собрание, в Гданьске началась работа по подготовке конституции. 27 июня конституционная комиссия представила свой проект, образцом для которого послужила конституция Германии, принятая 11 августа 1919 г.¹⁸ В середине августа текст конституции был одобрен Законодательным Собранием Вольного Города и окончательно оглашен 14 VI 1922 г., после внесения ряда изменений, предложенных Советом Лиги Наций.

Первая часть конституции (до ст. 70 включительно) определяла основы устройства Вольного Города, часть вторая (ст. 71—117) посвящалась основным правам и обязанностям граждан¹⁹. Ст. 116 провозглашала, что все германские законы должны были остаться в силе. В целом конституция подчеркивала государственность и суверенитет Вольного Города.

¹³ «Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunku Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej. Zebrane i wydane przez Komisarjat Generalny Rzeczypospolitej Polskiej w Gdańsku», cz. I, 1918—1920. Gdańsk, 1923, s. 12—13.

¹⁴ M. Nowak-Kiełbikowa. Ibid., s. 178.

¹⁵ «Societe des Nations. Journal Officiel», 1920, № 2, p. 54—55.

¹⁶ Газета «Известия» писала 11 сентября 1921 г.: «Французская печать относится к собраниям Лиги Наций с нескрываемым равнодушием, намекая, что Франция не очень дорожит своим пребыванием в Лиге и, при случае, готова из нее выступить».

¹⁷ «L'Ere Nouvelle», 20 I 1925.

¹⁸ S. Kutrzeba. Wolne Miasto pod względem prawnym. В сб. Gdańsk. Przeszłość i terażniejszość. Lwów, 1928, s. 206.

¹⁹ Текст конституции см. «Zbiór dokumentów...», cz. II, 1921—1923. Gdańsk, 1924, s. 149—160.

Одновременно с подготовкой Гданьской конституции проходила работа над другим документом — польско-гданьской конвенцией, которая должна была составить основу отношений между Польшей и Вольным Городом. Заключение этой конвенции предусматривалось вступлением к ст. 104 Версальского договора.

Проект конвенции, разработанный польским правительством, должен был обеспечить Польше непосредственный контроль над осуществлением прав, предоставленных ей в Гданьске мирным договором. В целом, польские предложения были направлены на ограничение роли Лиги Наций и уменьшение ее влияния на польско-гданьские отношения. Гданьский контрпроект основывался на предпосылке полного суверенитета Вольного Города и в значительной степени ограничивал права Польши на этой территории. Ввиду выявившихся в ходе переговоров острых разногласий между представителями Гданьска и польского правительства и невозможности согласовать представленные ими проекты будущего соглашения, конференция послдов образовала специальную комиссию, которая разработала свой текст конвенции. Гданьская сторона подписала предложенное соглашение 9 XI 1920 г.; Падеревский от имени польского правительства подписал конвенцию 18 ноября; на документе «по дипломатическим соображениям» была поставлена дата 9 ноября 1920 г.

Согласно заключенному соглашению Польше передавалось ведение внешних сношений Вольного Города и опека его граждан за границей (ст. 2 конвенции), польскому правительству принадлежало право предоставления экзекватуры консулам иностранных государств на территории города. Гданьск включался в польскую таможенную систему (ст. 13, 14); таможенный контроль осуществлялся гданьскими чиновниками, которые были обязаны придерживаться польских таможенных правил. Польские таможенные инспектора осуществляли контрольную функцию, но не могли выдавать обязывающих распоряжений. Ст. с 19 по 28 касались создания Совета Порта и Водных Дорог Гданьска (во французском и английском оригиналах конвенции соответственно «Le Coseil du Port et des Voies d'Eau» и «The Danzig Port and Waterways Board»), коллегияльного органа администрации. Совет должен был состоять из польских и гданьских представителей (поровну), его президент избирался с согласия обеих сторон. В целом Совет Порта должен был стать институтом с далеко идущей автономией²⁰, его создание было отходом от постановлений ст. 104 Версальского договора²¹.

Парижская конвенция по сравнению с Версальским договором значительно ограничивала права Польши в Вольном Городе. В Париже и Варшаве ее оценили критически²². Считалось, что она является большим успехом гданьской стороны.

Вольный Город Гданьск занимал территорию в 1950 км². В 1919 г. его население насчитывало 356 740 человек²³. Главным законодательным органом, согласно конституции, был городской Совет — Фолькстаг, главным исполнительным органом, имевшим также законодательную власть, — Сенат. Президентом Сената с момента образования Вольного Города вплоть до 1931 г. был Генрих Зам, его заместителем (с 1920 по 1924 г.) — Эрнст Цим. Их политические программы были почти одинаковыми: присоеди-

²⁰ H. Stępiak. Ibid., s. 69.

²¹ Впервые требование о создании Совета Порта по инициативе Лондона было выражено в резолюции Конференции Послов от 7 V 1920 г. Несмотря на все усилия, польскому правительству не удалось добиться отмены этого решения.

²² J. K u k u ł k a. Francja a Polska po Traktacie Wersalskim. 1919—1922. Warszawa, 1970, s. 400.

²³ H. Stępiak. Ibid., s. 22.

ние Гданьска к Германии, а до этого — противодействие любому увеличению польского влияния на этой территории²⁴. Что касается Германии, то «пересмотр границ, установленных Версальским Договором, был постоянным вопросом немецкой политики в течение всего Веймарского периода», и «с самого начала Вольный Город Гданьск был призван сыграть особую роль в попытке достичь ревизии»²⁵. Берлин все время присутствует здесь (в Гданьске. — В. П.), распоряжается, в подходящий момент провоцирует беспорядки», — писала в 1925 г. парижская «Эко де Пари»²⁶.

Лига Наций согласно ст. 102 Версальского трактата должна была осуществлять опеку Вольного Города; ст. 103 содержала гарантии конституции Гданьска со стороны Лиги. Уточнение понятия «опека» давалось в докладе представителя Японии виконта Ишии, бывшего некоторое время референтом Совета Лиги по гданьским делам. На заседании Совета 17 ноября 1920 г. в Женеве Ишии заявил: «Опека Лигой Наций Вольного Города должна означать, что Лига Наций обязуется уважать и защищать против какого-либо внешнего нападения территориальную целостность и политическую независимость Вольного Города Гданьска точно таким же образом, как она осуществляет это по отношению ко всем членам Лиги Наций согласно ст. 10 Пакта»²⁷.

Период с 1920 по 1926 г. является одним из важнейших в развитии отношений между Гданьском и Польшей. Именно в это время были разработаны все основные документы, определявшие международно-правовое положение Гданьска. Тогда же сформировался внутривластный облик города, сложилась администрация. Вполне поэтому понятно, что британская дипломатия, стремившаяся упрочить свои позиции в этом районе, должна была проявлять особый интерес к процессу становления Вольного Города, так как именно в это время представлялось наиболее удобным заложить здесь основы английского влияния. Как отмечал один из польских исследователей межвоенного периода, «Гданьск обязан своим сегодняшним статусом чуть ли не исключительно Англии, которая особенно в начальный период существования Вольного Города следила с помощью Верховных комиссаров за тем, чтобы права, признанные за Вольным Городом трактатами, никоим образом не были уменьшены, а по возможности даже были и расширены»²⁸: Институт верховных комиссаров как нельзя лучше подходил для этой цели. Их деятельность, особенно в первые годы, имела первостепенное значение для развития польско-гданьских отношений. Так называемые «решения», издаваемые ими по поводу споров между Вольным Городом и Польшей, затрагивали, по сути дела, все основные аспекты этих отношений. Из 75 польско-гданьских споров, разрешенных верховными комиссарами за весь период существования Вольного Города Гданьска, 49 рассматривались комиссарами-англичанами. 2/3 этих споров приходится на период с 1921 по 1924 гг.²⁹

Деятельность Совета Лиги — второй, высшей инстанции для разрешения проблем, возникавших в отношениях между Вольным Городом и Польской Республикой, — носила более компромиссный характер, нежели деятельность Верховного комиссара, и ее общий итог был для польской стороны гораздо более благоприятным. Хотя в рассматриваемый период

²⁴ T. Cieślak. Dwugłos o dziejach Gdańska okresu międzywojennego. «Przegląd Zachodni», 1958, № 4, с. 414.

²⁵ C. M. Kimmich. Ibid., s. 154.

²⁶ «L'Echo de Paris», 6 III 1925.

²⁷ «Zbiór dokumentów...», cz. I, s. 119.

²⁸ E. Borowski. Ewolucja stosunków polsko-gdańskich na tle orzecznictwa Ligi Narodów. В сб. Rocznik prawniczy wileński, r. IX. Wilno, 1938, s. 259.

²⁹ H. Stępiak. Ibid., s. 37.

британская дипломатия имела решающее влияние в Совете Лиги и, по выражению С. Кутшебы, эти два фактора (т. е. Англию и Совет Лиги), влиявшие на развитие польско-гданьских отношений, можно было свести к одному, а именно Англии³⁰, тем не менее Лондон все-таки вынужден был, в определенной мере, считаться здесь и с позицией Франции, тогда как на внутренней жизни Гданьска Париж не имел никакого влияния. Власть в городе принадлежала пренемецки националистически настроенному Сенату, а надзор от Лиги осуществлял англичанин почти как из Лондона³¹. Однако влияние Великобритании в Совете Лиги было весьма значительным, чем английская дипломатия нередко пользовалась для разрешения в желательном для себя плане той или иной проблемы. В связи с этим вполне понятно, что в позиции Великобритании, с одной стороны, Совета Лиги и Верховного комиссара (в разной степени) — с другой, можно проследить общую тенденцию в подходе к вопросам, связанным с существованием Вольного Города. Поэтому, как отмечает американский исследователь К. М. Киммих, «интересы Великобритании в Вольном Городе укрепляли веру Германии в Лигу»³². В первые послевоенные годы гданьские политики использовали в своих целях заинтересованность Англии гданьской проблемой и английское влияние в органах Лиги. Президент Сената Вольного Города Г. Зам «с непоколебимой настойчивостью и упорством» стремился превратить Лигу Наций в «барьер против польской опасности»³³.

Как уже отмечалось, польское правительство негативно относилось к планам создания Вольного Города вообще и передачи его под опеку Лиги Наций в частности. Проблема Гданьска и трактат об охране прав национальных меньшинств были главными причинами неприязненного отношения Польши к Лиге³⁴. Еще в начальный период подготовки польско-гданьской конвенции в Варшаве стремились к непосредственным переговорам с властями будущего Вольного Города³⁵. Подобное отношение было вызвано, вероятно, и опасениями по поводу английских намерений в этом районе. Не чуждой польскому правительству была и идея ликвидации Вольного Города путем политики «fait accompli», как это имело место в отношении Вильно³⁶. Явно выраженная тенденция гданьского Сената любыми средствами избежать тесного сотрудничества с Польшей сделала невозможным исключение Лиги Наций как арбитра в польско-гданьских отношениях, а непрочность внешне- и внутривластных положений польского государства в начале 20-х годов вынудили его отказаться от проведения политики «fait accompli». Поэтому, как отмечал С. Кутшеба, «мы можем только путем передачи споров на арбитраж Верховного комиссара и решений Совета Лиги Наций защищать права, признанные за нами трактатами, добиваться соответствующей их интерпретации. Это очень неприятный выход, но другого, ввиду неприязненной по отношению к нам позиции Гданьска, другого легального выхода у нас нет»³⁷.

Международно-правовое положение Гданьска и его взаимоотношения с Польской Республикой базировались на постановлениях Версальского

³⁰ S. K u t r z e b a. Wolne Miasto... Ibid., s. 277.

³¹ J. K u k u ł k a. Ibid., s. 401.

³² C. M. K i m m i c h. Ibid., p. 54.

³³ Ibid.

³⁴ J. K r a s u s k i. Rola Ligi Narodów w kształtowaniu stosunków polsko-niemieckich 1919—1939. В сб. Problem polsko-niemiecki w Traktacie Wersalskim. Poznań, 1963, s. 595.

³⁵ E. Ł y c z k o w s k i. Geneza polsko-gdańskich układów z 13 i 22 kwietnia 1920 r. «Przegląd Zachodni», 1967, № 6, s. 346—347.

³⁶ Об этом свидетельствует письмо И. Падеревского от 31 XII 1920. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego, (далее — APP), t. II. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974, s. 616—619.

³⁷ S. K u t r z e b a. Nasza polityka zagraniczna. Kraków, 1923, s. 95.

мирного договора (ст. 100—108), конституции Вольного Города, конвенции, заключенной в Париже 9 ноября 1920 г., и Варшавском соглашении от 24 октября 1921 г. Следует отметить, что эти документы не всегда последовательно и четко определяли правовой статус этой территории. Это дало возможность заинтересованным сторонам по-разному интерпретировать ключевые положения, составляющие основу существования Вольного Города, с целью достижения тех или иных политических целей. Лига Наций как опекун этой территории вынуждена была заниматься разрешением бесконечных споров и конфликтов, возникавших по поводу интерпретации отдельных статей, определявших статус Вольного Города и вследствие этого — основу его взаимоотношений с польским государством. В 1922—1925 гг. не было почти ни одной сессии Совета Лиги, на которой не рассматривались бы польско-гданьские споры, причем нередко их было несколько. Орган ППС «Роботник» писал по этому поводу, что Парижская мирная конференция, «создавая Вольный Город Гданьск, создала одновременно почву для всяческих польско-гданьских конфликтов и недоразумений»³⁸. Проблемы возникали буквально по каждому вопросу, начиная от компетенции Генерального комиссара, являвшегося представителем Польши в Гданьске, ведения иностранных дел Вольного Города и кончая таможенными вопросами и вопросами, связанными с собственностью польского государства на этой территории. Одиннадцать лет тянулся спор между властями Вольного Города и Польшей по поводу так называемого *port d'attaché* для польских военных судов. Много времени и труда потратил Совет Лиги на разрешение вопроса о месте разгрузки и хранения ввозившегося Польшей через гданьский порт военного снаряжения.

Однако среди всех проблем, рассматривавшихся Верховным комиссаром и Советом Лиги, следует выделить две основные: соотношения Версальского договора и Парижской конвенции и проблему государственности Вольного Города. Как уже указывалось, Парижская конвенция в значительной степени отходила от постановлений Версальского трактата, и поэтому в зависимости от того, что признавалось первоосновой, определялись права, закрепленные за Польшей по отношению к Вольному Городу. Слишком общие положения конвенции давали возможность пронемецки настроенному Сенату интерпретировать их в невыгодном для Польши смысле. К тому же, в результате создания Совета Порта Польша в значительной степени лишилась прав, закрепленных за ней ст. 104 мирного договора, обеспечивавших ей свободное пользование водными путями, бассейнами, набережными и иными сооружениями на территории Вольного Города для польского импорта и экспорта (п. 2 ст. 104)³⁹. Подписанное в октябре 1921 г. Варшавское соглашение, которое должно было дополнить конвенцию, также не улучшило положение Польши. Как заявил в гданьском Фолькстаге подписавший от имени Вольного Города это соглашение сенатор Ю. Евеловский: «Мы не получили всего того, что мы желали, но и Польше пришлось пойти на большие уступки»⁴⁰. «Мы имеем здесь, в этом единственном польском порту, приблизительно столько же прав, сколько любое иностранное государство», — констатировал варшавский «Курьер Поранны»⁴¹. В Варшаве существовало глубокое недовольство заключенными соглашениями и предположение, что посредством навязывания Польше противоречащих Версальскому трактату постановлений Парижской конвенции великие державы дали понять, что считают возможным изменять

³⁸ «Robotnik», 8 I 1925.

³⁹ «Версальский Мирный Договор», с. 50.

⁴⁰ «Czas», 27 XI 1921.

⁴¹ «Kurjer Poranny», 19 XII 1921.

положения ст. 104 Мирного договора⁴². Ввиду этого польская дипломатия считала необходимым сделать все возможное для признания приоритета Версальского трактата как главного документа, содержавшего определение прав Польши в Вольном Городе.

Совершенно иной точки зрения придерживался гданьский Сенат. Президент гданьского Сената Зам в ноте от 31 марта 1923 г. писал Генеральному комиссару польского правительства в Гданьске, что ввиду подписания конвенции постановления ст. 104 Версальского Договора потеряли свою силу⁴³. Основой польско-гданьских отношений правящие круги Вольного Города считали положения Парижской конвенции⁴⁴. Кроме возможности ставить под сомнение осуществление тех или иных прав Польши выдвижение на первый план конвенции преследовало еще одну, не менее важную для гданьских властей цель, — оно создавало прецедент для ревизии Версальского трактата. Отмена постановлений этого документа, как известно, была главной целью всей внешней политики Веймарской Республики, и именно в Гданьске, как считало берлинское правительство, «имеет смысл начать ревизию Мирного Договора»⁴⁵. Вопрос о соотношении постановлений мирного договора и заключенной в Париже конвенции неоднократно затрагивали верховные комиссары Лиги Наций в Гданьске, которые в качестве первой инстанции разрешали возникавшие в связи с этой проблемой польско-гданьские конфликты.

Для выявления позиции представителя Лиги по этому вопросу достаточно остановиться лишь на некоторых, наиболее характерных моментах. Весной 1922 г., рассматривая спор между гданьским Сенатом и Польшей по поводу учреждения и деятельности польской почтовой, телеграфной и телефонной службы в Вольном Городе, Верховный комиссар Лиги Наций заявил, что в этой области следует исходить из постановлений конвенции, а не ст. 104 Версальского трактата⁴⁶.

Ранее, в августе 1921 г., между правительством Польши и властями Вольного Города возник конфликт в связи с управлением и эксплуатацией железных дорог на территории Гданьска. Основываясь на постановлениях ст. 104 мирного договора, польская сторона требовала передачи ей путей сообщения, чему решительно воспротивился Сенат Вольного Города. В связи с этим Верховный комиссар решил, что «права собственности, контроля, администрации и эксплуатации существующих железных дорог, обслуживающих порт, ... принадлежат Совету Порта»⁴⁷. При этом представитель Лиги Наций подчеркнул, что Совет Порта был образован для того, чтобы претворить в жизнь хозяйственные постановления Версальского трактата, и что в своем решении он руководствовался стремлением обеспечить Совету Порта «полные права в соответствии с духом и буквой конвенции от 9 ноября 1920 г.»⁴⁸.

Разрешая возникший между Польшей и Вольным Городом спор по поводу правового положения собственности польского государства, польских учреждений и чиновников на территории Гданьска, в резолюции от 6 декабря 1921 г. Верховный комиссар Хейкинг выдвинул тезис, согласно которому в результате создания Совета Порта Польша лишилась права сама осуществлять постановления ст. 104 мирного договора. По его словам, «результатом конвенции было то, что почти все постановления, касающиеся

⁴² L. Ehrlich. Gdańsk. Zagadnienie prawno-publiczne. Lwów, 1926, s. 106.

⁴³ G. Levesque. La Situation internationale de Dantzig. Paris, 1924, p. 160.

⁴⁴ L. Ehrlich. Ibid., s. 115.

⁴⁵ «Le Temps», 19 I 1925.

⁴⁶ «Zbiór dokumentów...», cz. II, s. 144.

⁴⁷ Ibid., s. 52.

⁴⁸ Ibid., s. 51.

доступа Польши к морю, должны осуществляться Советом Порта, а не польским правительством»⁴⁹. Разрешая возникший в августе 1922 г. спор между Сенатом и Польшей по поводу того, может ли Генеральный комиссар Польши в качестве официального представителя польского правительства приветствовать заходящие с визитом в гданьский порт военные суда иностранных государств, Хейкинг уже открыто заявил, что «не подлежит сомнению то, что Совету Порта, а не польскому правительству принадлежит право надзора за обеспечением Польше свободного пользования Гданьским портом...»⁵⁰. Более ясно выразить стремления к ограничению прав польского государства в Вольном Городе было уже практически невозможно.

Таким образом в решениях Верховного комиссара совершенно отчетливо прослеживается тенденция путем выдвижения на первый план постановлений конвенции как можно более урезать права Польши в Гданьске. Это полностью отвечало интересам гданьских властей, которые активизировали свою антипольскую политику, не останавливаясь перед откровенной дискриминацией польских граждан, учреждений и фирм.

Совет Порта являлся в этот период ареной непрекращавшихся конфликтов между гданьской и польской делегациями. Об этом свидетельствует хотя бы количество разрешенных президентом этого административного органа споров — от 16 во второй половине 1921 г. до 35 в 1923 г.⁵¹ Значительное количество этих споров касалось расширения, модернизации и функционирования порта, аренды территории и складов, администрации железных дорог, бюджета Совета Порта и т. д.⁵² Все это в значительной степени затрудняло работу порта и полное использование его Польшей. Парижская газета «Энформасьон» отмечала в январе 1923 г.: «Версальский Договор торжественно гарантировал Польше „свободный выход к морю“, однако до настоящего времени этот выход является не более чем пародией»⁵³.

Подобное положение вещей, естественно, вызывало раздражение и противодействие в Варшаве. 28 апреля 1923 г., выступая в местечке Картузы в польском Поморье, президент С. Войцеховский ясно дал понять, что в целях защиты и расширения своих прав в Гданьске Польша не остановится перед применением силы. Для усиления давления в Гданьск с неофициальной инспекцией был послан генерал Л. Желиговский⁵⁴. На возможность такого решения гданьского вопроса указывала и английская «Манчестер гардиан», предупреждая, что долг Лиги Наций не допустить присоединения Гданьска к Польше⁵⁵.

20 июня министерство иностранных дел Польши направило Совету Лиги ноту, в которой указывалось, что «права Польской Республики на территории Вольного Города Гданьска до сих пор полностью не осуществлены, и что польское правительство надеется, что основательный пересмотр сложившегося положения вещей и претворение в жизнь гарантий, предоставленных Польше Версальским Договором, сделают возможным практическое осуществление постановлений, заключенных в ст. 100—108 Версальского Трактата»⁵⁶.

⁴⁹ Ibid., s. 85.

⁵⁰ Ibid., s. 168.

⁵¹ H. S t e p i a k. Ibid., s. 145.

⁵² Ibid., s. 147. Гданьская делегация специально затрудняла работу, выдвигая различные доводы для того, чтобы затягивать принятие того или иного решения. И старалась по-своему интерпретировать уже принятые. (S. M i k o s, Wolne Miasto Gdańsk a Liga Narodów. 1920—1939. Gdańsk, 1979, s. 129.)

⁵³ «L'Information», 29 I 1923.

⁵⁴ J. W ó j c i c k i. Ibid., s. 127—128.

⁵⁵ «Manchester Guardian», 19 V 1923.

⁵⁶ «Zbiór dokumentów...», cz. II, s. 240—241.

Сложившаяся ситуация рассматривалась Советом Лиги Наций на заседаниях в Женеве 4 и 7 июля. «Правительство Польши считает, — заявил на заседании Совета Л. Плючиньский, — что Версальский Трактат является правовой основой всех последующих договоров и что именно к нему следует обращаться для интерпретации этих договоров»⁵⁷. Что касается Парижской конвенции, то она «разработана на основании решений, содержащихся в ст. 104 Версальского Договора», поэтому «этот Трактат остается правовым источником отношений между Польшей и Вольным Городом»⁵⁸. 7 июля Совет Лиги принял резолюцию, согласно которой Парижская конвенция признавалась «правовой основой отношений между Польшей и Гданьском, однако в случае сомнения по отношению к интерпретации какого-либо постановления конвенции можно обратиться к ст. 104 Версальского Трактата...»⁵⁹. По выражению парижской «Энформасьон», принятие подобного решения явилось не более, чем полумерой и компромиссом⁶⁰, хотя это вполне можно было назвать и поражением польской дипломатии, рассчитывавшей путем признания Версальского трактата основой польско-гданьских отношений добиться их коренного пересмотра и обеспечить Польше в Вольном Городе права, признанные за ней мирным договором.

Решение Совета Лиги вызвало разочарование в Варшаве. Газеты требовали поступить по отношению к Вольному Городу так, как это сделала Франция в Руре. Пожалуй, один только орган ППС «Роботник» был настроен скептически к идее силой обеспечить права Польши в Гданьске: «если Англия так неуступчива по отношению к конфликту Франции с Германией, то что тогда говорить о Польше и ее правах в Гданьске, который Англия выбрала в качестве опорного пункта своего флота на Балтике? Тут не поможет и самая сильная поддержка Франции, а военные угрозы могут только повредить Польше»⁶¹.

Вопрос о «государственности» и «суверенных правах» Вольного Города также был одной из ключевых, если не самой главной проблемой политики гданьских властей. Берлин рассматривал суверенитет Гданьска в качестве защиты от усиления польского влияния в городе до времени его воссоединения с Германией⁶². Полемика по поводу государственности красной нитью проходит через всю историю Вольного Города.

В межвоенном двадцатилетии международно-правовое положение Вольного Города было предметом многочисленных исследований, тот или иной ответ на этот вопрос становился политическим аргументом⁶³.

Польское правительство последовательно отказывалось признавать суверенитет и государственный характер Вольного Города. Еще в период подготовки конституции Гданьска Падеревский протестовал против помещения в ней по отношению к Гданьску определений «суверенное государство» и «свободное государство»⁶⁴. Польский проект конвенции также избегал каких бы то ни было упоминаний о государственности Вольного Города, в то время как проект, представленный гданьской стороной, усиленно акцентировал этот момент. Следует отметить, что и Конференция послов

⁵⁷ «Société des Nations. Journal Officiel», 1923, № 8, p. 884.

⁵⁸ Ibid., s. 1005.

⁵⁹ Ibid., s. 1008.

⁶⁰ «L'Information», 13 VII 1923.

⁶¹ «Robotnik», 11 VII 1923.

⁶² С. М. К и м м и ч. Ibid., p. 54.

⁶³ См. например: G. L e v e s q u e. Ibid.; I. M a k o w s k i. La situation juridique du territoire de la Ville Libre de Dantzig. Paris, 1925; H. S t r a s b u r g e r. Dantzig et quelque aspects du probleme germano-polonais. Paris, 1932; J. F i r s t e n b e r g. Port Gdański ze stanowiska prawnego. Warszawa, 1927.

⁶⁴ АРІР, т. II, s. 541, 560.

в январе 1921 г. после непосредственного обращения к ней президента гданьского Сената просила Генерального секретаря Лиги Наций обратить внимание гданьских властей на то, что согласно ст. 104 Версальского трактата и ст. 6 (читай 2) Парижской конвенции представители Вольного Города не имеют права непосредственно обращаться к Конференции послов⁶⁵. Этим председатель конференции Ж. Камбон ясно дал понять, что последняя не признает за Гданьском суверенных прав, так как согласно указанным выше статьям мирного договора и конвенции эти права (права сношений с иностранными государствами) были переданы Польше. Тем не менее власти Гданьска везде, где это было возможным, выдвигали тезис государственности. В обращении к Верховному комиссару Лиги Наций по поводу спорных польско-гданьских вопросов Сенат постоянно ссылался на «суверенные права» Вольного Города. Нарушением этих «суверенных прав», по мнению властей Вольного Города, было содержание неподалеку от города в Нойефарвассер польского воинского подразделения, осуществлявшего надзор за перегрузкой польских товаров, в частности военного снаряжения, с судов в железнодорожные вагоны⁶⁶.

Предоставление Польше права осуществлять внешние сношения Гданьска Сенат пытался трактовать как право Вольного Города «требовать от Польши ведения иностранных дел Гданьска в соответствии с его внешнеполитическим курсом, даже если это противоречит внешней политике Польши, так как последняя (с точки зрения Сената. — В. П.) является только посредником, которого Гданьск использует»⁶⁷. Выдвигая тезис о «государственности и суверенных правах», власти Вольного Города проводили политику, направленную на ослабление экономических связей с Польшей. В 1923 г. в Гданьске был образован отдельный Гданьский банк, как впоследствии оказалось, тесно связанный с Немецким банком. До конца 1923 г. Сенат поддерживал обращение на территории Вольного Города немецкой марки. Предусмотренное Варшавским соглашением от 24 X 1921 г. (ст. 215 и 217) открытие внутренней польско-гданьской хозяйственной границы так никогда и не было проведено в жизнь. Все это делалось с целью ограничить влияние Польши в Гданьске, что в конце концов должно было дать возможность его властям осуществить «добровольное» присоединение «независимого государства Гданьска» к Германии.

Проблему «государственности» Вольного Города неоднократно затрагивали верховные комиссары Лиги Наций. Хэйкинг в своей резолюции от 5 сентября 1921 г., касающейся вопросов, связанных с железными дорогами на территории Гданьска, противопоставляет административные и хозяйственные права Польши «суверенным правам» Вольного Города, затем сразу же речь идет о «двух государствах»⁶⁸. В декабре 1921 г. Верховный комиссар выразил убеждение, что Парижская конвенция является «международным договором»⁶⁹ и что требование Польши, чтобы пребывание ее судов в Гданьском порту рассматривалось как пребывание в польском порту, «противоречит не только суверенным правам гданьского пра-

⁶⁵ «Zbiór dokumentów...», cz. II, s. 4.

⁶⁶ Ibid., s. 5.

⁶⁷ Ibid., s. 91.

⁶⁸ Ibid., s. 56, 57, 59.

⁶⁹ Следует отметить, что в свое время польское правительство отказалось ратифицировать польско-гданьскую конвенцию именно потому, что в экземпляре, подписанном представителем Гданьска, окончание было сформулировано следующим образом: «аутентичные экземпляры конвенции получит каждая из Высоких Договаривающихся Сторон». В исправленном экземпляре, подписанном Польшей, вместо слов «Высокие Договаривающиеся Стороны» стояло «Польша и Вольный Город Гданьск», что означало признание Конференцией послов правоты польской точки зрения в отношении того, что Гданьск не является равноправным в международно-правовом отношении партнером Польши.

вительства, но и правам, признанным за Советом Порты»⁷⁰. По мысли Хэйкинга «Гданьск, благодаря Версальскому Трактату, был образован как свободное и независимое государство...»⁷¹, и нет никаких оснований для утверждения польского правительства, что он был создан исключительно для того, чтобы обеспечить Польше свободный выход к морю⁷²; если бы это было так, добавляет представитель Лиги Наций, то Гданьск был бы отдан Польше вместе с познаньской провинцией и «коридором»⁷³. При этом Хэйкинг игнорировал положение, содержащееся в письме Союзников, направленном 16 июня 1919 г. немецкой делегации в ответ на представленные ею замечания по условиям мирного договора. В этом письме прямо указывалось, что Гданьск «был отделен от Рейха, так как не было другого способа создания „свободного и обеспеченного доступа к морю“, который обязалась предоставить (Польше. — В. И.) Германия»⁷⁴. Слово «государство» по отношению к Вольному Городу применял и следующий Верховный комиссар Мак Доннелл⁷⁵. Таким образом, все первые верховные комиссары последовательно считали Вольный Город государством.

Совет Лиги Наций непосредственно занялся этим вопросом только в 1925 г., в связи с польско-гданьским соглашением от 22 июля 1922 г., касавшимся изменения железнодорожных тарифов на территории Вольного Города. Польское правительство, считая, что факт ратификации может иметь место только в том случае, если соглашение заключено между двумя государствами, отказалось ратифицировать польско-гданьское соглашение в техническом значении этого слова. Этот вопрос был представлен Сенатом Гданьска на рассмотрение Верховного комиссара Лиги, который 7 ноября 1924 г. вынес резолюцию, обязывающую польское правительство провести ратификацию указанного соглашения, при этом Мак Доннелл указывал, что отношения между Польшей и Вольным Городом являются отношениями международными и что Гданьск «является государством в международном значении этого слова»⁷⁶. Польское правительство обратилось в Совет Лиги Наций с протестом по поводу этого решения, указывая, что Верховный комиссар, определяя государственный характер Вольного Города, вышел за рамки своей компетенции⁷⁷. Со своей стороны гданьский Сенат в письме от 29 ноября 1924 г., направленном Совету Лиги, заявил, что полностью принимает решение Верховного комиссара и просит Совет утвердить его⁷⁸. В своей резолюции от 13 марта 1925 г., Совет Лиги Наций выразил мнение, что Польша должна ратифицировать соглашение, «если желает придать ему правовую силу..., что же касается выражения „государство“, то оно так неопределенно и применяется в таких различных условиях, что Совет не считает нужным изучать значение этого термина и его применения к Гданьску. Международный статус Вольного Города определен Версальским Трактатом»⁷⁹. Таким образом Совет Лиги уклонился от ясного ответа на поставленный вопрос; подобное явление, впрочем, было для него характерным.

⁷⁰ «Zbiór dokumentów...», cz. II, s. 85, 86.

⁷¹ Ibid., s. 94.

⁷² Ibid., s. 85, 168.

⁷³ Ibid., s. 85.

⁷⁴ Ibid., cz. I, s. 5.

⁷⁵ Резолюции Мак Доннелла от 29 апреля и 1 мая 1923 г. Ibid., cz. II, s. 210—213, 214—215.

⁷⁶ Ibid., cz. III, 1924—1926. Gdańsk, 1928, s. 72—78.

⁷⁷ Ibid., s. 123.

⁷⁸ Ibid., s. 124.

⁷⁹ «Société des Nations. Journal Officiel», 1925, № 4, p. 565.

Такое положение не могло удовлетворить Польское государство. Его права в Вольном Городе непрестанно ущемлялись и ограничивались проемецки настроенным Сенатом, политика которого неблагоприятно сказывалась и на положении дел самого Гданьска. Парижская «Эр Нувель» писала по этому поводу: «Политика националистических кругов Гданьска... привела экономическую жизнь Вольного Города к развалу и краху, об этом свидетельствует значительное количество безработных, полный застой в торговле и промышленности и, наконец, значительное число разорений и банкротств»; газета сообщала также о недовольстве населения Гданьска сложившимся положением вещей⁸⁰. В январе 1925 г. произошло событие, еще более осложнившие взаимоотношения между властями Вольного Города и Польшей. В ночь с 5 на 6 января «неизвестные лица» перекрасили в черно-бело-красные цвета (цвета Германской империи) ящики для писем, вывешенные польским Почтово-телеграфным управлением в Гданьске. На следующее утро в городе состоялись антипольские выступления. Генеральный комиссар Польши направил в связи с этим протест властям Вольного Города. В своем ответе на польскую ноту Сенат Гданьска пытался свести все дело «к обыкновенному повреждению частной собственности», указывая в то же время, что подобные события не имели бы места, если бы польское почтовое управление «самовольно, вопреки соглашениям» не установило в городе свои почтовые ящики⁸¹. 6 января власти Вольного Города обратились к Верховному комиссару Лиги Наций Мак Доннеллу, требуя принять решение по поводу польской почтовой службы на территории Гданьска. 2 февраля Мак Доннелл вынес резолюцию, значительно ущемляющую признанные Версальским договором и Парижской конвенцией права Польши в этой области.

Гданьские события вызвали бурю возмущения в Польше. Польская и зарубежная пресса видела в них новые попытки властей Вольного Города осложнить обстановку в этом районе. Официоз французского правительства газета «Тан» писала: «Этот инцидент, малозначительный сам по себе, приобретает важность ввиду того, что еще раз подчеркивает тенденции руководителей Вольного Города и откровенно враждебную атмосферу по отношению к Польше... Гданьский инцидент лишней раз подтверждает, что германские влиятельные круги стараются поддерживать любеззатруднения для того, чтобы осложнять польскую проблему»⁸². Швейцарская «Газетт де Лозанн» прямо указывала, что подоплекой гданьских событий является политика Берлина⁸³. «Гданьская проблема... является частью общей „германской проблемы“, в которой гг. Замы являются... только орудиями и исполнителями» — отмечал «Курьер Варшавски»⁸⁴. По мнению польской прессы события в Вольном Городе преследовали далеко идущие цели. Тот же «Курьер Варшавски» указывал: «Гданьск является главным пунктом споры для начатой уже явно немецкой акции против Поморья. Он является предлогом для процессов в Лиге Наций. Должен держать под угрозой вопрос о польских границах. Предназначен для того, чтобы создать проблему Поморья и придавать ей... „реальность“»⁸⁵. Французская «Журналь де Деба» писала, характеризуя политику гданьских властей, что цель руководителей Вольного Города — «... сделать из Гданьска не коммерческий центр, а новый очаг пруссачества, то есть воинствующего милитаризма, пангерманизма, монархизма и в особенности

⁸⁰ «L'Ere Nouvelle», 12 XII 1925.

⁸¹ «Kurjer Polski», 8 I 1925.

⁸² «Le Temps», 19 I 1925.

⁸³ «Gazette de Lausanne», 10 III 1925.

⁸⁴ «Kurjer Warszawski», 7 I 1925.

⁸⁵ «Kurjer Warszawski», 16 III 1925.

реванша...»; по мнению газеты, конечной целью этой политики является включение Гданьска в состав Восточной Пруссии⁸⁶.

Польское правительство решило воспользоваться гданьскими событиями в целях основательного пересмотра польско-гданьских отношений и причем сделать это на форуме и посредством Лиги Наций. Это стремление явственно проявилось на заседании польского Сейма, состоявшегося 28 января⁸⁷. Ранее, на заседании комиссии по иностранным делам Сейма, министр иностранных дел А. Сквишинский заявил: «Совет Лиги будет создан не только для решения проблемы польской почты..., от Совета Лиги мы ждем принципиального решения, т. к. здесь речь идет об основах, а не о деталях, ... речь идет ни больше ни меньше, как о самом Версальском Трактате..., подрываемом мало-помалу таким образом, что вырисовываются более широкие планы, которые во имя всеобщего интереса должны быть пресечены решительно и бесповоротно»⁸⁸.

Со своей стороны гданьские власти заявляли, что Вольный Город будет защищать свою государственность и самостоятельность. Выступая 16 января в гданьском Фолькстаге, президент Сената Зам заявил: «Мы видим защиту нашего государства в Лиге Наций. Лига Наций обязана защищать территориальную целостность и политическую независимость Вольного Города Гданьска и обезопасить его от всех внешних атак»⁸⁹.

Рассчитывая добиться коренного пересмотра польско-гданьских отношений при помощи Лиги Наций, польское правительство несомненно учитывало международную обстановку, сложившуюся к середине 20-х годов. С 1923 г. отмечалось усиление внимания Лондона к польским делам и общее улучшение довольно натянутых польско-английских отношений. Об этом свидетельствовало прибытие в Варшаву в качестве советника польского правительства по финансовым вопросам английского эксперта Х. Юнга. Как отмечал «Курьер Польски», целью приезда английского финансового инспектора был подрыв польско-французских отношений в период продолжающегося острого кризиса между правительствами Великобритании и Франции⁹⁰. Это признавал и сам премьер С. Грабский, указывавший, что целью миссии Юнга было уравновесить французское влияние в Польше с английским⁹¹. «Стремясь к ослаблению Франции, Англия силою вещей должна была заинтересоваться Польшей как союзницей Франции»⁹². Вполне вероятно, что Варшава принимала в расчет сложившуюся ситуацию, ставя в 1925 г. перед Лигой Наций гданьскую проблему.

20 февраля 1925 г. польское правительство опротестовало решения Верховного комиссара по поводу польской почты в Вольном Городе, вследствие чего дело перешло на рассмотрение Совета Лиги Наций, который 13 марта 1925 г. передал это дело в Международный суд в Гааге.

11 июня резолюция, вынесенная Международным судом, была принята Советом Лиги⁹³. Согласно резолюции за Польшей признавалось право организовать почтовую службу в Вольном Городе. При этом принимался тезис, что выражение «гданьский порт» подразумевает кроме собственно порта также часть территории Вольного Города. Одновременно Между-

⁸⁶ «Journal des Debats», 7 II 1925.

⁸⁷ См. отчет о заседании Сейма: «Kurjer Warszawski», 29 I 1925.

⁸⁸ «Kurjer Warszawski», 23 I 1925.

⁸⁹ «Kurjer Polski», 17 I 1925.

⁹⁰ «Kurjer Polski», 14 VIII 1923.

⁹¹ H. J a b ł o Ń s k i. Z tajnej dyplomacji W. Grabskiego w r. 1924. «Kwartalnik Historyczny», 1956, № 4/5, s. 445.

⁹² Z. Ł a n d a u, J. T o m a s z e w s k i. O polityce zagranicznej Polski w latach 1924—1925. «Kwartalnik Historyczny», 1961, № 3, s. 728.

⁹³ «Zbiór dokumentów...», cz. III, s. 160—165.

народный суд признавал себя не уполномоченным определять границы порта. Выступая на этом заседании, польский Генеральный комиссар в Гданьске Х. Страсбургер отметил, что решение Международного суда окончательно разрешает не только проблему почтовой службы, но и значительное количество очень важных правовых вопросов⁹⁴. Представитель Франции Ж. Поль-Бонкур поддержал точку зрения Страсбургера, указав, что выражение «гданьский порт» следует понимать как территорию, включающую в себя часть города⁹⁵. Принятие подобного тезиса Советом означало, по сути дела, признание Лигой Наций прав Польши не только в порту, на чем настаивал Сенат Гданьска, но также и на части территории Вольного Города⁹⁶. Это решение способствовало укреплению позиций польского государства в Гданьске.

Вскоре после указанных событий произошли значительные изменения во внутривластной расстановке сил Вольного Города. 17 июня 1925 г. к власти в Гданьске пришла коалиция в составе социал-демократов и либерально-демократических групп. Это, тем не менее, не привело к существенным переменам в польско-гданьских отношениях, хотя новый Сенат и провозгласил лозунг экономического сотрудничества с Польшей.

5 октября были заключены Локарнские соглашения. Отказавшись гарантировать западные границы Польши, Англия подорвала основу взаимоотношений Франции с Польшей и Чехословакией, тем более, что в Париже гарантийные договоры, заключенные в Локарно с этими странами, рассматривались лишь как средство успокоения общественного мнения⁹⁷. В результате заключенных соглашений немецкая дипломатия значительно укрепила свои позиции. В Берлине открыто заговорили о ревизии восточных границ⁹⁸. Париж, тем не менее, создал, что локарнские пакты подорвали систему восточных союзов Франции и ослабили французские позиции как по отношению к Англии, так и по отношению к самой Германии. Пытаясь избежать чрезмерного усиления Великобритании, французская дипломатия пошла на сближение с Германией. С последней на Кэ д'Орсэ надеялись договориться путем уступок на Востоке. Как отмечала газета «Известия», «несмотря на продолжающийся развал французских финансов, Франции удалось за время, прошедшее с Локарно, противопоставить идее английской гегемонии политику франко-германского сближения... Нет никакого сомнения в том, что франко-германское сближение не только не было предусмотрено „системой Локарно“, но наоборот, эту систему сводит к нулю... Соглашение между Германией и Францией создает новое соотношение сил в Европе»⁹⁹.

Факт сближения Парижа и Берлина был воспринят в Варшаве с сильным беспокойством. «Курьер поранны» писал в октябре 1926 г.: «Не стоит подчеркивать огромных последствий этого сближения... Политически они выражаются в тенденциях, пока еще скрыто питаемых в Германии, отыграться на Востоке ценой уступок на Западе... Проблема Гданьска и нашего поморского коридора, — продолжала газета, — выплывет вскоре в той или иной форме на политическую арену»¹⁰⁰. Явно имея в виду Великобританию, газета указывала, что описанная выше сложившаяся ситуация «в любом случае заинтересует силы, которым судьба Балтики не без-

⁹⁴ Ibid., s. 163.

⁹⁵ Ibid., s. 165.

⁹⁶ Границы этой территории были определены позднее и утверждены Советом Лиги 19 сентября 1925 г.

⁹⁷ G. Bonnet. Le Quai d'Orsay sous trois républiques 1870—1961. Paris, 1961, p. 88.

⁹⁸ «Les papiers de Stresemann, v. II, 1925—1926». Paris, 1932, p. 193, 194.

⁹⁹ «Известия», 1926, 14 августа.

¹⁰⁰ «Kurjer Poranny», 10 X 1926.

различна, а немецко-французское сближение вредит в хозяйственном плане»¹⁰¹. В Лондоне также отдавали себе в этом отчет. Газета «Экономическая жизнь» сообщала о появлении в английской печати ряда статей, подписанных псевдонимом «Авгур»¹⁰², в которых констатировался несомненный рост удельного веса Германии в Европе, а тем самым и факт нарушения послеверсальского соотношения сил¹⁰³. В британском МИДе начали раздаваться голоса за пересмотр политики в отношении Польши и оказания ей некоторой поддержки¹⁰⁴. Еще с конца 1923 г., после некоторого потепления в польско-английских отношениях, британская активность в Гданьске начала уменьшаться¹⁰⁵. В 1926 г. выражением изменения британской политики по отношению к гданьской проблеме явился отказ Лондона от выдвижения собственного кандидата на пост Верховного комиссара. В марте 1926 г. им стал голландец Ван Хамел. Это было вызвано рядом причин. Во-первых, становилось все более трудным поддерживать английское влияние в этом районе ввиду усиления здесь позиций Германии¹⁰⁶. Вероятно, сыграло роль и франко-немецкое сближение. Опасаясь изоляции, британская дипломатия не хотела раздражать Берлин своей активностью в Гданьске. В то же время, продолжение политики уступок не могло не отразиться на взаимоотношениях с Польшей. Лондон предпочел отказаться от активной политики в самом Вольном Городе, однако продолжал «обыгрывать» гданьскую проблему в Лиге Наций, где функции референта по гданьским делам с тех пор почти всегда поручались англичанам.

В 1926 г. польско-гданьские отношения, хотя и не улучшились настолько, чтобы их можно было признать хорошими, все же были лучше, чем в прежнее время. Как отмечал «Курьер Варшавски», «это без сомнения был исключительный год. Первый в своем роде: ни один спорный вопрос не рассматривался Лигой»¹⁰⁷. «В то же время, — продолжала газета, — власть вернулась в руки националистов и правоецентристское большинство заменило социал-либеральный блок»¹⁰⁸. Следует ожидать попыток возврата к старым методам.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Псевдоним влиятельного чиновника МИД Великобритании Вильяма Тиррела.

¹⁰³ «Экономическая жизнь», 1926, 3 августа.

¹⁰⁴ J. W ó j c i c k i. Ibid., s. 139.

¹⁰⁵ M. N o w a k - K i e ł b i k o w a. Ibid., s. 411.

¹⁰⁶ J. W ó j c i c k i. Ibid., s. 139.

¹⁰⁷ «Kurjer Warszawski», 31 XII 1926.

¹⁰⁸ Речь идет об изменениях состава Сената, происшедших в октябре 1926 г.

Е. П. АРСЕНОВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА СТРАНИЦАХ «СОВРЕМЕННОКА» (1854—1862)

Углубление социально-экономических противоречий, вызванных поражением самодержавия в Крымской войне, усиление антикрепостнического движения способствовали тому, что в конце 50-х годов в России сложилась революционная ситуация. Размежевание классовых сил в общественно-политической жизни ярко проявилось и в журналистике того времени. Русская периодическая печать на этапе подготовки реформ получила некоторые возможности для более свободного выражения взглядов на общественно-политические вопросы. Четко определились позиции реакционных и либеральных органов печати. Центральным органом революционно-демократического направления был журнал «Современник». Несмотря на ослабление цензуры, демократические издания все же больше и чаще других подвергались репрессиям. Однако, используя различные приемы обхода цензуры, они доводили до широких читательских масс взгляды и позиции революционно-демократических кругов по самым актуальным вопросам того времени.

«Современник», редактируемый с 1847 г. Н. А. Некрасовым, был одним из наиболее прогрессивных русских журналов, по только с приходом в него Н. Г. Чернышевского (в конце 1853 г.), Н. А. Добролюбова (в 1856 г.) и их соратников он стал трибуной революционной демократии. Это было время, когда в центре внимания публицистов «Современника» стоял один из важнейших вопросов внутривнутриполитической жизни России — отмена крепостного права. Однако значительное место в журнале отводилось материалам по истории и современному положению других стран и народов, в том числе славянских и балканских. Эти публикации имели самостоятельное научное значение, а также давали возможность редакции журнала проводить параллель с событиями в России и политикой самодержавия.

Одна из причин внимания журнала к «славянскому вопросу» связана со стремлением противодействовать распространению идеологии славянофильства. Это направление деятельности журнала высоко ценили К. Маркс и Ф. Энгельс. Известно их высказывание о том, что «Чернышевский разоблачил в журнале „Современник“ („Sovremennik“) происки панславистов и рассказал славянским народам правду об истинном положении вещей в России и о корыстном мракобесии их лживых друзей-панславистов»¹.

В советской научной литературе есть немало исследований, рассмат-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, с. 430—431.

ривающих деятельность «Современника» в целом, а также мировоззрение, революционную практику, научные и публицистические произведения Чернышевского, Добролюбова и их последователей с точки зрения истории общественной мысли, революционного движения, литературоведения, журналистики² и т. д., но не в плане истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Настоящая статья посвящена именно этому кругу вопросов.

Русские революционеры-демократы достойно продолжали и развивали традиции своих предшественников. Это касается не только теории и практики революционной борьбы, но и их исторических взглядов. Историей славян в определенной мере интересовались декабристы. Начиная с Герцена, изучение славян становится на более реальную почву. Революционеры-демократы 50—60-х годов своими выступлениями в открытой печати завершили формирование нового революционно-демократического направления в историографии славяноведения, начатое В. Г. Белинским и А. И. Герценом. Позиции журнала «Современник» заключались в признании общности социально-экономического развития в древности славянских и других народов, находившихся на одной стадии исторического процесса; показе тяжелого положения угнетенных народов и раскрытии причин этого положения, не только национальных, религиозных, политических, но и социально-экономических, совокупность которых способствовала пробуждению национального самосознания и развитию процесса национального возрождения, в результате чего возникло освободительное и революционное движение.

Изучая материалы «Современника», надо отметить, что вопросы истории народов этого региона освещались не только в специальных статьях, но и в публикациях на другие темы или в политических обзорах. На протяжении 1854—1862 гг. в журнале печатались материалы о происхождении, древней истории, обычаях, быте славянских и других народов; о конкретных исторических событиях в Польше, Черногории, Сербии, Дунайских княжествах и землях Австрийской империи. На страницах «Современника» находили отражение вопросы историко-культурного характера, в частности, связанные с устным творчеством славянских и балканских народов. Немало материалов было посвящено лингвистическим проблемам: происхождению славянской письменности, развитию отдельных славянских языков, их соотношению между собой и с другими языками и т. д.

Исследование публикаций «Современника» о славянских и других народах показывает, что авторы их уделяли примерно одинаковое внимание историческому прошлому и современному положению стран региона, что отличало их от славистов других направлений, предпочитавших не касаться в своих работах вопросов новейшей истории. В «Современнике» славянские народы никогда не выделялись в обособленную группу. Они рассматривались наряду с другими народами Европы, в частности Венгрии, Молдовы, Валахии, так как все эти народы были так или иначе связаны общностью исторических судеб, испытывали в большей или меньшей степени национальный гнет и политическое бесправие, сходными были социально-экономические процессы в этих странах и стремления к национальной независимости. В определенные годы на первый план выступали материалы по отдельным странам, но в целом за весь рассматриваемый период на страницах «Современника» было уделено внимание всем народам Центральной и

² Основная литература указана в статьях: В. А. Дьяков. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского. В кн. Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 127—135; е го ж е. Н. Г. Чернышевский о национально-освободительных движениях народов Центральной и Юго-Восточной Европы. «Новая и новейшая история», 1978, № 4.

Юго-Восточной Европы. Революционно-демократическая направленность журнала, политическая позиция его редакции сказались на выборе не только хронологических периодов, но и конкретных тем. Представители других направлений историографии не рассматривали вопросы о революционном движении, о единстве, союзе и взаимопомощи славянских и других народов в их национально-освободительной борьбе. Все статьи, обзоры, сообщения, заметки и другие материалы «Современника» основаны на серьезном изучении и глубоком знании авторами предмета, о котором они пишут, и наполнены интересными фактическими сведениями.

Существенным представляется распределение материала по отделам журнала. Количество критико-библиографических материалов, а также политических сообщений и заметок о современной жизни народов региона было значительно больше (около 90), чем научных статей (около 20, некоторые статьи печатались с продолжением в нескольких номерах). Это можно объяснить тем, что большая программная или исследовательская статья требовала значительного времени для написания и могла вызвать особые подозрения у цензуры. В отзыве же о каком-либо труде по истории славян легче было незаметно высказать передовые, революционные взгляды. В политических информациях, которые не всегда можно было прокомментировать (по цензурным соображениям), подбор фактов и сообщений о них, преимущественно из зарубежных органов печати, давал при чтении тот эффект, которого добивалась редакция «Современника». Кроме того обзоры внешней политики содержали многочисленные экскурсы в историю, связывающие события прошлого и настоящего. Поэтому игнорирование подобных материалов при изучении данной проблематики на страницах самого передового журнала того времени было бы ошибкой.

Важный вопрос об авторах материалов, отражающих историю или современное положение народов региона, выяснен не до конца. Расшифрованы авторы примерно 75 текстов; на этом фоне количество подписных статей кажется небольшим — около 25. Значительное число анонимных статей вызвано стремлением по возможности оградить авторов от цензурных и политических преследований. Этими авторами были Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. Н. Пыпин.

Большинство материалов по проблематике региона написано Чернышевским — 45 (кроме больших и очень важных публицистических статей, немалое количество библиографических заметок и почти все сообщения в разделе «Политика»). Добролюбовым написано более 10 текстов, в основном критико-библиографического характера. Среди авторов можно назвать Г. З. Елисеева, М. А. Антоновича, польского революционера З. Сераковского (каждому из них принадлежит по 2—4 публикации). Близким в то время к кругу «Современника» и придерживавшимся передовых взглядов либеральным историком литературы А. Н. Пыпиным написано свыше 10 статей. Именно эта группа задавала тон в постановке и рассмотрении всех важных вопросов. Необходимо отметить, что во всех этих материалах, не только научных, но и полемических, публицистических, информационных, обнаруживается глубокое знание предмета. Это не удивительно: ведь Чернышевский, Добролюбов, Пыпин в студенческие годы получили хорошую специальную славистическую подготовку. Журнал предоставлял свои страницы и авторам иных идейно-политических направлений, таким как В. И. Ламанский, С. М. Соловьев, И. Н. Березин, Н. И. Костомаров, Е. П. Карнович, В. П. Безобразов.

Среди тех, кто писал в «Современнике» о народах Центральной и Юго-Восточной Европы, могут быть названы также: педагог и демократ-просветитель К. Д. Ушинский; путешественник, писатель, дипломат Е. П. Ковалевский; писатель и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский (составитель

хроники событий Крымской войны); представитель дворянско-буржуазного либерализма — литературный критик, журналист и писатель А. В. Дружинин. Кроме них опубликовали в журнале по данной тематике всего по одной работе И. А. Пиотровский, А. А. Северцов, И. И. Шишкин, Е. Д. Южаков, А. Янковский.

Интерес «Современника» к вопросам происхождения и древней истории славянских и других народов в значительной мере был связан с распространением славянофильского учения и появлением научных трудов, пытавшихся обосновать тезис о самобытных путях развития славянства. Следуя этой задаче, славянофилы старались доказать различия исторического развития славянских и германских народов. В отзыве на издаваемый Н. Калачовым «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» и в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» Н. Г. Чернышевский писал, что в родовом быте «многие хотели видеть исключительную принадлежность славянской истории, в противоположность германскому племени, чуждому, по их мнению, общинного начала — важная ошибка, вовлекающая в различные заблуждения». Намекая на славянофилов и ученых, воспринявших некоторые их идеи, Чернышевский говорил, что вопрос о родовом быте долго исследовался немцами в духе тевтономании, а затем послужил опорой совершенно другой «мании» славянофилов, которые стали утверждать, что общинность владения у славян не «историческое явление, связанное с известным периодом развития, а неизгладимая черта характера, которой лишены другие народы; что поэтому одни славяне осуществляют идеал человеческого быта»³ (1855, 9, IV, 4, 6; 1858, 12, I, 581).

Слависты, придерживавшиеся славянофильских взглядов, не всегда строго научно подходили к решению проблем древней славянской истории. В отзыве на книгу А. Гильфердинга «История балтийских славян» Чернышевский иронизирует по поводу опасений автора из-за возможного онемечивания славянской народности, как это произошло с лютичами, бодричами, стодорянами, поморянами, которые говорили по-славянски, имели свои города и своих идолов, а их потомки забыли славянский язык и пьют пиво вместо славянского меда. Чернышевский замечает, что если эти потомки «не имеют ныне охоты сердиться на немцев, то мы с г. Гильфердингом уж и подавно не имеем основания сердиться на немцев за то, что они онемечили поморян, череспенян, доленчан и глинян» (1856, 6, IV, 53, 54).

Довольно резко отзываясь А. Н. Пыпин об откровенно славянофильской книге В. И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (СПб., 1859), в которой говорится, кроме того, и обо всех других славянах, поднимаются вопросы исторические, политические, литературные и др. Но, как справедливо замечает Пыпин, автор подошел к решению этих вопросов не беспристрастно, а с предвзятым мнением, отражающим его увлечения панславизмом. Стараясь доказать вклад славян в цивилизацию указанных областей, Ламанский пользовался, по словам Пыпина, отвлеченными рассуждениями, отдаленными аналогиями и т. д., фантазировал на тему известных исторических событий, допускал натяжки при изложении фактов прошлого, смешивал всех славян в одно племя, говорящее почти одним языком и хотел при этом безусловного влияния России над ними в будущем (1860, 4, III, 309—322).

А. А. Северцов, рассматривая на страницах «Современника» исследования Б. Н. Чичерина и И. Д. Беляева о родовом быте у славян, приходит к заключению, что, вероятно, в славянской общине происходили те

³ Ссылки на «Современник» даются непосредственно в тексте; в них указываются год, номер, отдел, страницы журнала.

явления, которые «согласны с общими историческими законами» (1856, 11, II, 14). Н. Г. Чернышевский в ряде библиографических заметок и критических статей повторял, что общинный дух не является качеством, «исключительно свойственным славянской или великорусской натуре» (1857, 7, III, 48), «что с развитием земледелия и цивилизации, общинность владения исчезает и у славян...» (1855, 9, IV, 6). Признавая заслуги Т. Н. Грановского, развенчавшего в своих сочинениях ошибочное мнение «о совершенном, будто бы, различии славянской общины от общин, какие застаёт история у германских и кельтских племен» (1856, 6, III, 26), Чернышевский соглашается с ним в том, что черт старинного быта у германцев меньше, чем у славян, но причина не в национальном характере, а в условиях исторического развития славянских народов (1855, 9, IV, 6), долгу находившихся в состоянии, близком к патриархальному быту. Публицисты «Современника», в противоположность славянофилам, последовательно и твердо отстаивали положение о равенстве всех наций, языков, литератур, об общности исторических судеб народов региона.

Несколько материалов «Современника» посвящено культуре, языкам и письменности славянских народов. В частности, в обзоре неизвестного автора «Труды по части русской словесности в 1853 году» рассматривается вопрос о происхождении глаголицы, в связи с чем упоминаются труды И. И. Срезневского, П. Шафарика, мнения Й. Добровского, А. Кошитары, В. И. Григоровича, П. И. Прейса, и в результате делается вывод, что глаголическая письменность появилась на юго-востоке славянского мира, будучи создана по образцу кириллицы, хотя большое число букв перенято из другой славянской или более древней неславянской азбуки (1854, 8, III, 28). Не осталась незамеченной и работа О. М. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен». В отзывах о ней Н. Г. Чернышевский и А. Смирнов, отмечая обстоятельность труда и большое количество источников, на которых он основан, полагают, что не стоило бы писать такое «обширное, многотрудное сочинение», имеющее целью доказать только изобретение азбуки не в 855, а в 862 г. (1855, 3, IV, 7—11; 1855, 5, IV, 9—12).

С большим сочувствием на страницах «Современника» неоднократно говорилось о тяжелом, бесправном положении угнетенных народов. В 1854 г. К. Д. Ушинский опубликовал в журнале обзор, состоящий из трех статей, под общим названием «Сведения о современном состоянии Европейской Турции». В нем наряду с данными о географическом положении, народонаселении, экономике, государственном управлении, законодательстве, религии, истории народов, подвластных Турции, приводятся примеры тяжелого положения этих народов, испытывающих двойное угнетение: национальное и религиозное. «Одно постоянное насилие, — пишет автор, — может дать возможность горсти турок держать в повиновении 14 миллионов юного, сильного населения» (1854, 4, II, 170). У христианского населения Турции нет почти никаких прав. Автор статьи рассказывает о зверствах турок по отношению к христианам (1854, 4, II, 185, 192).

О бедности болгарских крестьян, о тяжелом положении всего болгарского народа не только под турецким игом, но и в связи с религиозными притеснениями со стороны греков рассказывает Е. Д. Южаков в путевых заметках «Месяц в Болгарии» (1860, 11, I, 193—220). Это же отмечает и А. Н. Пыпин: «Отношение турецких греков к болгарам напоминает отношение немцев к западным славянам: пользуясь выгодами своего положения, они точно так же не признают народности, восстают против народного языка в школе, в книге и в жизни» (1860, 4, III, 328).

Подобное положение было и в Сербии до создания княжества. В ре-

цензии на «Историю Сербии» Л. Ранке Н. Г. Чернышевский приводит сведения об угнетенном состоянии сербского народа, страдавшего от притеснений мусульманских помещиков (1857, 3, IV, 19—20). Следует отметить, что Чернышевский, в отличие от многих авторов, не ограничивается сообщением о национальных и религиозных формах угнетения Турцией своих подданных, а выдвигает на первый план основную причину этого — феодально-крепостнический строй Османской империи.

Другим государством в Европе, угнетавшим многочисленные национальности, входившие в его состав, была Австрийская империя, которая, как пишет Чернышевский в одном из политических обзоров, «возникла через подавление восстаний почти во всех своих провинциях» (1859, 12, III, 334). Далее он приводит слова пештского корреспондента «Таймс»: «Венгрия подверглась хищничеству во всех отношениях: в национальном, территориальном, политическом и денежном». Все это, продолжает Чернышевский, можно отнести и к другим австрийским провинциям (1859, 12, III, 346—347).

В одном из номеров журнала за 1858 г. Добролюбов в разделе «Современное обозрение» помещает выдержки из воспоминаний о путешествии по австрийским землям издателя «Русской беседы» славянофила Кошелева, в которых, в частности, говорится о давлении правительства Австрии на подвластные славянские народы в культурной сфере (1858, 1, II, 110). «Современник» использовал все возможные источники, с помощью которых можно было показать истинное положение дел в угнетенных областях Австрийской и Турецкой империй. Сообщения Кошелева подтверждали цифровые сведения об издании в Австрии книг и периодики на языках угнетенных наций, приведенные И. И. Шишкиным в рубрике «Заграничные известия» (1857, 11, V, 131).

Как это ни было сложно, «Современник» не оставался в стороне от освещения проблемы национального возрождения славянских и балканских народов. В рецензии на книгу С. Палаузова «Румынские господарства, Валахия и Молдавия, в историко-политическом отношении» Н. А. Добролюбов, отмечая «строгий ученый характер» сочинения и «богатство сведений, сообщаемых автором», приводит факты из этой книги, свидетельствующие о стремлении к объединению попавшего под турецкое иго населения Молдовы и Валахии, но не утратившего надежд на достижение национальной независимости. Возможности для возрождения княжеств увеличились после русско-турецкой войны 1828 г. (временное управление Молдовой и Валахией было поручено гр. Киселеву, который выработал Органический регламент, не решивший всех проблем княжеств, но способствовавший их экономическому и культурному сближению) (1859, 3, III, 61, 64—65).

В период революции 1848 г., сообщает автор статьи «Дунайские княжества Молдавия и Валахия», восставшие прежде всего думали о внутреннем переустройстве, т. е. о буржуазных реформах. В прокламации реформаторов не было призыва к национальной свободе, отсутствовало требование отделения от турецкой империи. Власть и покровительство Турции закреплялись в обнародованной тогда конституции (1858, 4, I, 593). Но уже после Крымской войны на парижских конференциях была высказана мысль о создании единого государства из двух княжеств. По территории, населению, доходам, делает верный вывод автор статьи, Молдова и Валахия не меньше и не хуже других европейских стран и могут существовать самостоятельно (1858, 8, I, 294—295). В начале 1859 г. население Молдовы и Валахии избрало одного господаря для двух княжеств. Н. А. Добролюбов оценивает это событие как шаг к окончательному объединению в одно независимое государство (1859, 3, III, 70). Еще

раньше З. Сераковский в обзоре «Заграничные известия» отметил ряд трудов, изданных в княжествах, в которых нашли отражение стремления к национальному объединению (1857, 3, V, 186).

В обзоре иностранных событий он обращает внимание читателей на те отрывки из воспоминаний французского путешественника о посещении Черногории в 1856 г., в которых сообщается о свободолюбивых настроениях черногорцев и их князя Даниила, возлагавшего большие надежды на признание независимости своей страны участниками парижских конференций. Но по Парижскому договору Черногория осталась частью Оттоманской империи, не собиравшейся менять там порядки. Следствием этого явились новые столкновения Черногории с Турцией и заявление князя Даниила, что черногорцы никогда не подчинятся турецкому игу. Автор обзора высоко оценил решительные действия черногорцев против турецких войск (1857, 1, V, 144, 153, 155—157).

Национальное возрождение Сербии связано с освободительной борьбой в течение всей первой половины XIX в. Рассказывая о перипетиях этой борьбы и восстановлении национального правления в Сербском княжестве, Н. Г. Чернышевский и В. А. Обручев — авторы статьи «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию» — обращают внимание и на то обстоятельство, что в «турецких и австрийских сербах оживляется надежда на составление одного национального государства». Впрочем, не только у сербов, но у всех христианских подданных Турецкой империи авторы отмечают развитие «стремления к соединению в свободные государства на развалинах турецкой державы в Европе...» (1859, 3, III, 104).

Освещая процессы национального возрождения, «Современник» не раз подчеркивал, что классовые интересы влияют на решение национальных проблем. А. Н. Пыпин в рецензии на книгу А. Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1860) приводит сведения автора о том, что богатые горожане, купцы считают для себя более выгодным поддерживать дружеские отношения с турками и сами обирают, не хуже турок, население, нелегкая судьба которого усугубляется разжиганием религиозной розни. Положение же крестьян, и православных и католиков, почти одинаково (1860, 3, III, 123).

Чернышевский в статье «Предисловие к нынешним австрийским делам» со всей определенностью говорил, что причина бедственного положения угнетенных народов кроется в «феодальной системе», т. е. в общественно-экономическом строе феодализма; но коренная причина лежала в глубине, а на поверхность всплывали национальные различия. Это происходило потому, что австрийское правительство притесняло все провинции и вызвало их недовольство, «и чехи начали толковать о народности, начали толковать о народности венгры» (1861, 2, I, 600, 589). И Чернышевский призывает подходить к событиям конкретно-исторически, а не «останавливаться на внешних приметах, не вникая в смысл факта». Например, говоря о преследовании национальных языков, следует учитывать, что восхвалять деятельность правительства можно было на любом языке, а критиковать было небезопасно и по-немецки (1861, 2, I, 598).

Чешскому национальному возрождению посвящены в «Современнике» две статьи А. Н. Пыпина под общим названием «Два месяца в Праге». В них автор отметил рост национального самосознания, который выразился, в частности, в обращении ученых, литераторов и общественных деятелей (таких, как Й. Добровский, В. Ганка, П. Шафарик, Ф. Палацкий, Й. Юнгманн, Я. Коллар, Ф. Л. Челаковский и др.) к славному историческому прошлому народа, который стремится к свободному, независимому развитию. К национальному возрождению Пыпин относит

и такие явления, как образование Чешской Матицы, издание популярной литературы с просветительской целью, развитие чешского языка, изучение народного быта, фольклора. При этом автор отмечает, что «...чешская литература [по]мимо всяких идей о славянском царстве, проникнута была также и вопросом чисто социальным, общественным» (1859, 3, I, 134—148, 154, 172).

Позднее, в корреспонденции из Праги, Пыпин отразил и другие стороны чешского национального возрождения. Он показал, что национальное движение неоднородно и национальные стремления не всегда совпадают с социальными (классовыми) задачами. Так, почти вся аристократия осталась безучастной к делу возрождения своей нации, как и наиболее богатые бюргеры, чьих экономические интересы теснее связывали с немцами, чем с чехами; народ пассивен — у него «слишком много ближайших забот» (1860, 2, III, 296). И все же, делает обоснованный вывод автор, эпоха революции 1848 г. показала необходимость перехода от распространения идеи национальной независимости в публицистике и художественной литературе к решению этой задачи в области политики, так как дело не столько в свободе национальности, сколько в свободе общественной и политической, и первая зависит от последней (1860, 2, III, 298).

Почти в каждом политическом обзоре Чернышевского (начиная с 1859 г.) затрагивались вопросы венгерского национально-освободительного движения. Разбирая события в Венгрии и приводя соображения о практическом решении вопросов венгерского освободительного движения, Чернышевский в то же время высказывает некоторые важные теоретические положения. Он доказал, например, что «от национального чувства до стремления к полной государственной отдельности от других племен и к государственному единству с другими частями своего племени еще очень далеко» (1861, 2, I, 586), что при решении национальных вопросов необходимо учитывать и социально-экономические факторы, ибо именно они являются основными: «...национальные идеи сами по себе не имеют такой силы, чтобы заставить часть племени стремиться к соединению в одно государство с другими частями того же племени и к разрушению государства, в котором она соединена с другими племенами» (1861, 2, I, 587).

Чернышевский более четко, чем Пыпин, показал, что славянские и венгерские прогрессивные деятели еще не связывают освобождение угнетенных народов со свержением габсбургской династии, т. е. уничтожением феодально-крепостнической и военно-бюрократической системы в стране. «Чего хотят чехи? Быть отдельным королевством, находящимся в федеративном отношении к другим австрийским областям, имея только то общее с ними, что король чешский в то же время будет королем венгерским, эрцгерцогом австрийским, королем далматским и прочее. Того же хочет и Венгрия». Но венгры и славяне должны понять, что правительство не согласится на федеративное и конституционное устройство, и, следовательно, добиться этого можно, по мнению Чернышевского, только изменив отношение к династии, т. е. революционным путем (1859, 12, III, 353—354).

В политических обзорах и статьях он неоднократно подчеркивал, что нации неоднородны, и при решении национальных вопросов необходимо учитывать классовые интересы, которые проявляются в позиции тех или иных партий и группировок внутри нации. Так, умеренно-либеральная партия Венгрии, как показал Чернышевский, сдерживая национальное движение, «чрезвычайно желает сохранить соединение Венгрии с Австрией» (1861, 2, II, 427), а чешские депутаты-либералы в 1848 г. «в решитель-

ную минуту спасли австрийское правительство на венском сейме» (1861, 2, I, 588), выразив ему свои верноподданические чувства.

Разъединенная Польша настойчиво стремилась к воссоединению своих частей и к независимому существованию, что нашло выражение не только в революционной борьбе, но и в культурной жизни страны. А. Янковский в «Заметках о современной польской литературе» пишет, что поляки с большим усердием занимаются разработкой своей истории, издавая источники и исследования, но нет, однако, обобщенной истории Польши, исключая работы Й. Лелевеля, заслуги которого «уже известны и остаются неизменными». Отметив труды этого историка, одного из идеологов польского восстания 1830—1831 гг., автор напоминает об издании сочинений А. Мицкевича, поэзия которого проникнута освободительными мотивами. Рассматривая работы польских исследователей в области политической экономии, А. Янковский останавливался на крестьянской реформе в Галиции, высказывал убеждение в ее полезности и необходимости введения подобных преобразований в Царстве Польском (1858, 2, I, 382—386, 390).

«Современник» акцентировал внимание читателей на вопросах освободительной и революционной борьбы. В начале XIX в. произошли два восстания в Сербии. Оценку этих восстаний мы находим у Чернышевского в рецензии на книгу Л. Ранке. В результате первого сербского восстания 1804 г. против янычар, которые грабили, притесняли и оскорбляли сербов, отмечает Чернышевский, было упорядочено управление страной: ежегодно собирался общий сейм, скупщина, гражданские дела стал вести сенат, в который входили депутаты из 12 областей (1857, 3, IV, 21—22, 24, 27). Второе сербское восстание 1815 г. под предводительством Милоша Обреновича, считал автор, было еще одним шагом на пути к национальной независимости. Но только после Адрианопольского мира турецкое правительство в 1830 г. обнародовало указ, обеспечивающий самостоятельность Сербии (1857, 3, IV, 28—30).

В статье «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию» Чернышевский и Обручев как бы подводят итог полувековой национально-освободительной борьбы сербского народа, имевшей «сообразно с обычаями сербского племени... чисто демократический характер» (1859, 3, III, 87). Авторы специально акцентировали внимание на демократичности сербских национально-освободительных движений. В России в это время назревала революционная ситуация, и идеолог народной революции Чернышевский не раз подчеркивал, что народные массы являются основной революционной силой. Кроме того, в статье обращалось внимание на то, что сербы не путем переговоров и реформ, а в результате революционной борьбы, «с оружием в руках приобрели себе и свободу политическую, и с нею народно-экономическую независимость» (1859, 3, III, 87). Политическая направленность подобных высказываний была совершенно очевидна и не могла вызвать сомнений у читателей «Современника». Чернышевский намечал задачи борьбы для русской революционной демократии и революционеров других стран.

Подчеркивая стремление турецких и австрийских сербов к воссоединению, Чернышевский и Обручев выражают твердое убеждение, что надежда на это для австрийских сербов «не исполнится иначе, как при сильном потрясении Австрии событиями вроде происшествий 1848 года» (1859, 3, III, 104). Откровенно намекая на революционные выступления, авторы статьи высказывают мысль, что сербам, да и другим народам, не следует ждать помощи извне, а с оружием в руках бороться за свою независимость.

Одной из основных причин революционных движений в национально-независимых странах революционеры-демократы считали остатки фео-

дально-крепостнической системы, отсталость сельскохозяйственного производства. Неустановленный автор статьи о Дунайских княжествах лаконично и емко определяет причину восстания 1848 г.: «...на вершине колоссальные состояния, внизу нищета» (1858, 8, I, 266). Чернышевский в статье «Суеверие и правила логики» пишет, что в Венгрии «сельское хозяйство до сих пор остается под господством методов обработки совершенно первобытных. Еще меньше усовершенствований имеет сельское хозяйство в Трансильвании...». Отсталость сельского хозяйства этих частей Австрийской империи так велика, «что статистика, говоря о земледелии в Западной Европе, никак не думает и вспоминать о восточных областях Австрии...» (1859, 10, I, 506).

Решение национального вопроса в Австрийской империи было затруднено довольно сложными отношениями между населявшими ее народами. Это обстоятельство не раз отмечалось в «Современнике». Так, Пыпин в статье «Два месяца в Праге» и других публикациях указывал, что чехи, живущие бок-о-бок с немцами, против присоединения Австрии к Германии; немцы, живущие в Богемии, будут стремиться к такому соединению при первой попытке революционного выступления чехов. Существуют разногласия моравов и словаков с чехами. Мадыры грозили порабощением славянам, входившим в состав Венгрии. Раздираемые национальной рознью, вместо борьбы с общим врагом, славяне для защиты прав своей народности от немецкого и венгерского влияния стали поддерживать действия ненавистного им австрийского правительства (1859, 4, I, 324, 328; 1860, 2, III, 300—301). Однако, как точно определено в одном из политических обзоров Чернышевского, Австрия вероломно обманула все ожидания славян. Подавив с помощью царской России революцию, Австрия не только «уничтожила прежнюю венгерскую конституцию, повергла мадыров в полнейшее рабство», но и «с неблагодарным презрением поработила те самые национальности, которые наиболее помогли ей против венгров» (1859, 2, III, 357).

В годы революционной ситуации в России (1859—1861) почти в каждом обзоре международных политических событий Чернышевский рассказывал о революционном движении в Венгрии, о борьбе ее народа за независимость. Венгерскую революцию 1848 г. он оценивал как яркое и очень важное событие в истории борьбы за свободу народа: «Такие факты, как восстание 1848 года, славные победы над австрийцами, свирепые казни, следовавшие за подавлением восстания,— такие факты не забываются народом не только в десять, не забываются и в пятьдесят лет» (1859, 7, III, 201). И Чернышевский показывал, что, несмотря на реакцию, наступившую после подавления революции, венгерский народ снова полон решимости бороться за свои права. Так, 15 марта 1860 г. в годовщину революции была организована демонстрация с участием не только венгров, но и валахов, немцев, словаков. Полиция с оружием в руках помешала проведению демонстрации, вероятно, провоцируя народ на восстание, которое можно было бы подавить с помощью военной силы. Но венгерское правительство напрасно думает, пишет Чернышевский, что залить кровью восстание в Пеште значило бы задушить национальное чувство по всей Венгрии (1860, 4, III, 556).

Многие материалы о событиях в Венгрии направлены против либерализма во всех его формах и проявлениях. В политических обзорах не раз показывалась необоснованность надежд, возлагаемых либералами на реформы, на конституцию монархического многонационального государства, существующую только на бумаге и не дающую реального национального освобождения и политических прав и свобод подвластным народам, страх либералов перед революционными настроениями народных

масс. С особой силой звучит со страниц «Современника» призыв к революционной борьбе. Никакие реформы, утверждает Чернышевский, не приведут к расширению свобод, если власть основана на военном деспотизме (1859, 12, III, 335). А так как Австрия «не захочет отозваться от господства над Венгрию без борьбы», то «едва ли можно избежать военной развязки венгерского вопроса» (1861, 6, II, 503). Чернышевский, признававший прогрессивность освободительных, революционных войн, видел в них действенную силу, способную разрушить старый режим: «Без войны,— писал он,— ...не может и Венгрия достичь осуществления своего стремления к самостоятельности; не могут южные славяне и румыны достичь национальной организации» (1859, 6, III, 464).

Вопросы национально-освободительного движения народов были неразрывно связаны с проблемой взаимопомощи и союза в борьбе с общим врагом — военно-феодальными монархиями. Материалы «Современника» свидетельствуют о постепенном перерастании возникшего в конце XVIII — начале XIX в. у отдельных народов стремления к национальной независимости в понимание необходимости совместной борьбы против своих угнетателей и воссоединения разрозненных частей нации. На страницах журнала было показано, что мысль о возможном славянском единстве, «о целом славянстве», объединенном общностью происхождения, близостью языков, сходными путями исторического развития, впервые зародилась у чехов и «повела за собой общее движение австрийских славян, сообщилась сербам и болгарам», нашла сторонников и в России (1859, 3, I, 132). Пыпин в статьях «Два месяца в Праге» и «Вячеслав Гаика» подробно проследил, как это направление общественной мысли зародилось сначала в чешской литературе, получило в ней довольно широкое распространение и развилось вместе с ростом национального самосознания. При этом было наглядно показано, что вначале «общеславянские симпатии... еще не приобрели практического значения», т. е. не стали частью политической программы борьбы за национальную независимость (1859, 3, I, 144, 146—148, 159, 173; 1861, 3, II, 19, 23).

Останавливаясь на итогах первого славянского съезда (1848) в Праге, на который собрались чехи, мораване, словаки, поляки, русины, словенцы, хорваты, сербы и далматинцы, Пыпин обращает внимание читателей на то, что в манифесте съезда говорилось о началах полного равноправия всех народов; участники съезда хотели также заключить договор о защите славянской народности, но этот проект остался неосуществленным, так как съезд не закончил свою работу из-за начавшегося пражского восстания. В заключение Пыпин пишет, что о «славянской взаимности лучше продолжать говорить еще в будущем времени...», когда она будет основана, как он надеется, на «свободном развитии национальностей» (1859, 4, I, 325—326, 358, 370).

В связи с распространением идей славянского единства, писал Пыпин, взоры многих славян были обращены к России, в «могущественную поддержку» и помощь которой они верили. Россия была великой державой, единственной из всех славянских стран, сохранившей национальную независимость. Западные державы, в первую очередь Австрия и Германия, были обеспокоены ростом политического влияния России среди славянских народов. Австрийское правительство умышленно преувеличивало значение этого факта, чтобы, ведя борьбу с ним, иметь возможность еще больше поработить ненемецкие народы империи. «Когда Австрия увидела фантом панславизма,— читаем мы в одном из политических обозрений Чернышевского,— она удвоила свои усилия германизировать славян и венгров. Тогда Меттерних совершил два последние дела своего министерства — присоединение Кракова и Галицийскую резню...» (1859, 2, III, 356).

Кроме онемечивания славян, австрийское правительство проводило политику их разъединения, по поводу которой Чернышевский писал: «...Австрия служит источником смут на востоке и все ее стремление до сих пор состояло в том, чтобы развлекать силы восточных племен внутренними смутами, чтобы отнять у них возможность сблизиться с австрийскими провинциями» (1859, 6, III, 449). Австрийское правительство сеяло национальную рознь, натравливало одну нацию на другую, давая различные обещания, пыталось поссорить сербов и хорватов с венграми. «Чрезвычайно важен вопрос, — замечает Чернышевский, — пойдут ли и ныне кроаты и сербы против венгров, как пошла в 1848 году» (1861, 3, II, 183—184).

Чернышевский не раз на страницах «Современника» возвращался к вопросу о губительных последствиях славяно-венгерской розни для революции 1848 г. «В 1848 году, — писал он, — австрийское правительство спаслось враждою между славянами и венграми: теперь едва ли повторилась бы со стороны венгров ошибка, восстановившая против них славян, и со стороны славян ошибка, предавшая их движение в руки австрийцев». Венгры и тогда уже начали понимать желательность примирения со славянами, а приобретенный ими за прошедшее с тех пор десятилетие «тяжелый опыт развил понятие о необходимости взаимного согласия для преодоления врага, который равно беспощаден оказался и к обманутым славянам, ему предавшимся, и к побежденным венграм» (1859, 7, III, 200—201). Славяне также «начинают понимать, что только союз с венграми может спасти их» (1859, 12, III, 339—340). В противоположность славянофилам, Чернышевский не выделяет освободительную борьбу славян в какое-то обособленное национальное славянское движение, а, будучи по своим взглядам интернационалистом, всеми возможными средствами доказывает необходимость союза и совместной борьбы всех угнетенных народов (в том числе венгров и славянских народов Австрийской империи).

На страницах «Современника» неоднократно затрагивалась проблема взаимной помощи народов в борьбе с общим врагом, проблема проникновения идеи взаимопомощи в сознание славянских и других народов. Так, Чернышевский писал, что венгры считают союз с кроатами (хорватами) одинаково полезным для той и другой нации, и если кроаты хотят остаться независимыми от Венгрии, венгры готовы удовлетворить их национальные стремления (1861, 4, II, 493). Венгры поняли, что только союз и равные права с другими зависимыми народами Австрийской империи могут обеспечить их собственные национальные права и автономию. Однако Чернышевский предупреждает славян от повторения в начале 1860-х годов ошибок 1848 г. Они не должны поддаваться обещаниям австрийского правительства и выступать против Венгрии (1861, 7, II, 189).

Говоря об отношении сербов к национальному объединению Дунайских княжеств, а румын — к событиям 1859 г. в Сербии, Чернышевский и Обручев отмечают, что, по-видимому, эти народы «понимают, что должны действовать дружно и что федерация их разных племен — необходимое условие для приобретения и сохранения их свободы» (1859, 3, III, 104). Идея федерации не раз возникала в процессе национально-освободительной борьбы, но понималась различными политическими и общественными деятелями по-разному: одни стремились к федеративному устройству в рамках существовавших империй, другие — к объединению на федеративных началах только славянских стран, третьи — к союзу, где решающую роль будет играть Россия. Как показали в своих статьях и обзорах Чернышевский и Пыпин, чехи хотели, чтобы в Австрийской империи «земля каждого племени составляла особенное независимое целое, связанное с другими соседними государствами только союзом на равных пра-

вах», так как все «разноплеменные части» государства «могли бы ужиться только под формою федерации» (1861, 6, II, 502; 1859, 4, I, 324—325).

Не у всех русских общественных деятелей и ученых были четкие представления о формах единства народов. В. И. Ламанский, например, писал лишь о «необходимости взаимного общения между отдельными ветвями славянского племени», ратовал за выработку единого литературного языка. По этому поводу в «Современнике» появилась статья И. А. Пиотровского «Погоня за лучшим», в которой автор высказал мнение о том, что «вопрос о языке тесно связан с вопросом о народности. Если язык должен оставаться неприкосновенным, то народность и подавно». «Всякую мысль можно выразить на всяком языке, и для того, чтобы язык был общим, мало для него быть совершенным... Чтобы наш язык был изучаем другими славянскими отраслями, для этого необходимо, чтобы литература наша имела вес и значение» (1861, 8, II, 247). В этих высказываниях можно усмотреть мысли автора о равноправии наций и языков и о том, что русский язык приобретет авторитет у других народов тогда, когда сама Россия станет передовой страной, т. е. когда в ней произойдут социально-политические изменения.

Многие материалы «Современника» были направлены против славянофильско-панславистского понимания единства славянских народов. М. А. Антонович в отзыве на книгу «Отголоски славянской поэзии» отмечал, что славянофилы хотят «подогреть и воспламенить уже было остывшие радужные мечты о соединении великого славянского племени во едину семью, главою которой и оплотом будем мы...», хотя у славян идеал совершенно иной: «у них на первом плане не целость и величина семьи, а счастье племен» (1862, 1, II, 38, 42—43). Чернышевский в статье «Народная бестолковость» резко критикует завоевательные тенденции во взглядах славянофилов, которые стремились «пробудить в славянских племенах желание добровольно искать нашего покровительства, возбуждая в них племенную ненависть ко всем другим цивилизованным народам, развивая в этих племенах мысль, что сами по себе они слишком слабы, что они без нашей помощи ничего не могут сделать для себя и что только под нашим покровительством могут они сохранить свою народность» (1861, 10, II, 301).

«Современник» как орган русской революционной демократии старался рассеять эти вредные заблуждения, доказывая, что дело освобождения славянских народов находится в их руках. Чернышевский в несколько завуалированном виде внушал читателям мысль о том, что Россия может быть оплотом борьбы славян за национальное и социальное освобождение только при условии уничтожения феодально-крепостнического строя, экономической отсталости, решения своих социально-политических проблем. Ведь «у могущественного русского орла,— заявлял он,— очень много своих домашних русских дел», это — «очень важные внутренние реформы, не оставляющие нам ни времени, ни средств впутываться в чужие дела» (1861, 10, II, 295).

Н. Г. Чернышевский справедливо замечал, что сентиментальные излияния славянофилов о могущественной русской поддержке «положительно вредят делу австрийских славян» и славян Турецкой империи. «Наша помощь,— убеждал Чернышевский,— не нужна вам, была бы вредна вам... Не рассчитывайте же на нас, а ищите сил в самих себе... Вот образ мыслей и действий, внушаемый нам любовью к славянским племенам» (1861, 10, II, 296, 300—301). Необходимо учитывать, что Чернышевский, говоря так, имел в виду помощь реакционного русского самодержавия; в то же время, он и его последователи всегда выступали за взаимную помощь и поддержку революционных организаций и движений разных стран.

В статье «Самозванные старейшины», написанной по поводу славянофильского послания «К сербам», Чернышевский резко критикует И. С. Аксакова и его сторонников, которые, выдавая себя за представителей всего русского народа, пытались внушить «славянским братьям», что «славянин вполне славянином вне православия быть не может», таким образом, поляки, лужичане, словаки, чехи, хорваты «не должны считаться вполне славянами». По его мнению, это очень вредная теория, направленная, фактически, на разъединение славян и проповедовавшая «смирение и братолюбие», тогда как славяне ожидали советов, имеющих практическое значение в их борьбе (1862, 3, II, 50—51, 57). При всем уважении к национальным чувствам угнетенных народов и признании прав на самостоятельное развитие каждой нации, Чернышевский считал более важным решение сословного (т. е. классового) вопроса. Эту мысль он неоднократно проводит на страницах «Современника». В статье «Национальная бестактность» он говорит о важности союза прогрессивных национально-освободительных сил разных народов (в частности, русинов и поляков, «людей разного племени, но одинакового общественного положения») в борьбе против их сословных (классовых) врагов, реакционных господствующих классов. Именно в этом смысле он утверждает, что нельзя «ждать себе пользы от борьбы с другими племенами», нужно «искать дружбы с ними» (1861, 7, II, 5, 6, 9).

Публикации «Современника» о славянских и балканских народах являются ценным научным материалом, всесторонне отражающим революционно-демократические взгляды редакции. Изучив материалы журнала по истории народов региона, можно прийти к выводу, что в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. утвердилось направление, которое с новых методологических позиций подходило к изучению истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы с древнего периода до середины XIX в. Революционно-демократическое направление представляло собой еще одну ступень в развитии демократической линии в русской историографии, еще один шаг на пути к марксистско-ленинскому этапу в изучении истории.

Л. ТИТОВА

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕШСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Чешский театр, являясь частью общеевропейской театральной культуры и подчиняясь общим закономерностям европейского художественно-исторического процесса, имеет в своем развитии ряд особенностей, обусловленных спецификой чешского исторического развития и отличающих путь его развития от пути формирования театральных культур других европейских стран, находившихся в более благоприятных исторических условиях.

Развитие чешского театра, начавшееся довольно рано (его можно проследить по источникам начиная с XII в.), было приостановлено белогорским поражением 1620 г., в результате которого Чехия потеряла независимость и попала под власть Габсбургов. Резко изменилась экономическая и культурная жизнь страны. Неуклонно и настойчиво проводится политика германизации, государственным языком объявлен немецкий, уничтожаются чешские книги, из памяти народа стирается само упоминание о национально-культурной самостоятельности чешского народа.

Несмотря на эти тяжелые условия, в области театральной культуры можно отметить большие достижения. Чешская гуманистическая драматургия достигла своей вершины в творчестве «учителя народов» Яна Амоса Коменского (1592—1670), который в отличие от крупнейших религиозных реформаторов: Э. Роттердамского, М. Лютера и других, ставивших в школе библейские пьесы, расширил функции школьных пьес, сделав их составной частью обучения.

Для чешской театральной культуры XVII—XVIII вв. характерно большое значение кукольного театра в общественно-культурной жизни страны. В то время, когда Чехия представляла собой австрийскую провинцию, где чешский язык был запрещен и драматические и оперные представления давались на немецком, итальянском и французском языках и предназначались преимущественно для господствующего в городах немецкого населения, кукольники несли в самые отдаленные уголки страны пьесы на родном языке. «Комедия за крейцар», т. е. театр с дешевыми билетами, театр для самых широких слоев населения мог существовать и в небольших городах и селах, что также способствовало его популярности в стране. Кукольный театр был первым профессиональным театром, использующим чешский язык. Чешские кукольники многое сделали для распространения и развития родного языка, пробуждения интереса народа к национальной истории, на материале которой строилось большинство пьес этого театра, для ознакомления народа с театральной культурой, с произведениями мирового репертуара.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют о громадном разнообразии, самобытности, красочности народного чешского театра XVII—XVIII вв. Побелогорский народный театр развивался главным образом в сельской среде и в небольших городах. Он был тесно связан с другими областями народного искусства, прежде всего с песней, музыкой. Это был театр на чешском языке. Он укреплял патриотические чувства, способствовал развитию родного языка, формировал вкусы. Народ выражал здесь свои эстетические взгляды, свои социальные и политические симпатии и антипатии.

Профессиональный чешский театр многим обязан народному театру. Из его репертуара был почерпнут интерес к актуальным темам, народным характерам, усвоено внимательное отношение к живому и образному языку народа. Народный театр стал живым звеном, связавшим театр побелогорской эпохи с культурой нового времени. Спецификой театрального развития Чехии XVIII в., однако, была ориентация не столько на чешский народный театр, сколько на иноязычный профессиональный театр, в первую очередь немецкий.

Первые сведения о профессиональном драматическом театре в Чешских землях датируются концом XVI в. Английские, итальянские и немецкие труппы в течение XVII—XVIII вв. играли для королевского двора, знати, а также для городского населения. Обращаясь к средним и низшим городским слоям, актеры этих трупп вынуждены были считаться с чешской средой. Это проявлялось не только в выборе тем, но и во введении в текст пьес чешских песен, целых пассажей на чешском языке, а иногда и сюжетов из чешской истории, в использовании чешских имен, топографических названий и пр. Местное влияние проявлялось также и в участии актеров — чехов в иноязычных профессиональных труппах, что стало особенно характерным для первой половины XVIII в. Все это создавало определенные предпосылки для появления профессионального театра на чешском языке, хотя процесс этот тормозили последствия побелогорских социальных перемен, ставшие особенно заметными в культурной жизни Чехии начиная с 60-х годов XVII в.

В условиях наступления новой эпохи — национального возрождения — театр, как и вся художественная культура, претерпевает значительные изменения. Центр развития чешской театральной культуры переносится в города, прежде всего в Прагу. Будители — деятели национального чешского возрождения, создающие чешский профессиональный театр и формулирующие его программу, считают чешский народный театр примитивным, неспособным противостоять развитой немецкой театральной культуре, в соревнование с которой вступает рождающийся новый чешский театр.

Традиции народного театра слабеют, отступают на задний план по сравнению с влиянием, которое оказывает на городской театр возрождения соседство иноязычного профессионального театра. «Народный театр, принимающий импульсы формирующегося городского профессионального театра, постепенно уподобляется ему, вместе с тематикой перенимает его художественные формы и теряет свой специфический художественный характер»¹. Процесс отмирания чешского народного театра, начавшийся в последней трети XVIII в., продолжается в течение всего XIX в. Его можно проследить в творчестве некоторых чешских авторов, например, Фр. Водседалека, пьесы которого еще тесно связаны с народной традицией, но в то же время испытывают несомненное влияние пражского профессионального театра.

¹ «Dějiny českého divadla», sv. 1. Praha, 1968, s. 327.

Постепенно, с конца XVIII в., на смену чешскому народному театру приходят новые формы театральной культуры — городской профессиональный театр и близкий ему любительский театр в чешской провинции. В эпоху чешского национального возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.) театр решает не только профессиональные, но и выполняет большие общенациональные задачи. Отсутствие национальной и социальной самостоятельности, гонения, которым подвергалась чешская культура, политика онемечивания, активно проводимая властями, — все это обусловило в этот период важность борьбы на культурном фронте, и в то же время определило место театра в процессе консолидации нации, в национально-освободительной борьбе.

На начальном этапе национальное движение не имело ни своей общественной трибуны, ни организационного центра. Оно проявлялось в самых различных формах, прежде всего в сфере культуры, причем в таких ее областях, которые были рассчитаны на широкие слои населения. Это явилось одной из причин того, что театр занял важное место в общественной жизни Чехии. Театральные представления позволяли собирать и сплачивать на основе общего языка неоднородное в сословном отношении городское общество. Большим преимуществом театра было и то, что он не предполагал широкой образованности и даже грамотности своих зрителей. Популярность в Чешских землях народного театра, кукольников также в значительной степени предопределяла ту большую роль, которая выпала на долю театра уже в начальный период национального возрождения.

На этом этапе доминирующая роль театра определялась не художественным совершенством драматургии, не уровнем исполнительского мастерства актеров, а прежде всего национальным характером чешского театра, ставшего центром общественно-культурной жизни.

Уже в этот ранний период возрождения значение чешского театра в культурной жизни определяется будительской интеллигенцией весьма разносторонне: во-первых, как чисто просветительское, облагораживающее нравы всех сословий и состояний, во-вторых, как способствующее развитию отечественного языка.

На следующем этапе возрождения, в первое двадцатилетие XIX в., формирующееся национальное общество придает важное значение борьбе за самобытный характер отечественной культуры и широко привлекает к этому движению и театр. Чешский театр должен стать выразителем «национального духа» и в то же время театром, имеющим высокий профессиональный уровень. Лишь в этом случае он сможет на равных участвовать в широко развернувшейся борьбе за «синхронизацию» с европейской культурой, обеспечить чехам в этой области равноправное положение с другими народами.

Борьба за национальный характер чешского театра развертывается в этот период прежде всего в области репертуара и театральной критики, которая активно включается в формирование чешской художественной культуры. Благодаря деятельности ведущих чешских драматургов, в первую очередь Я. Н. Штепанека и В. К. Клипперы, удается освободиться от преобладавшего в эти годы немецкого влияния в области драматургии, сделать первые значительные шаги на пути осуществления одной из основных предпосылок формирования национальной театральной культуры — создания оригинального чешского репертуара. Полностью эта задача будет решена лишь во второй половине 40-х годов.

В 20-е годы был сделан большой шаг вперед в повышении художественного уровня чешского театра, в борьбе за усиление эстетического воздействия театральной культуры на население, в первую очередь в области музыкально-драматического искусства. Музыкальный характер театра —

одна из наиболее ярких специфических особенностей чешской театральной культуры на протяжении всего ее развития. Речь идет об успехах, которых добился чешский музыкальный театр уже в XVIII в. (чешское народно-музыкальное творчество, деятельность И. Бенды), о том большом месте, которое отводилось музыкально-драматическим жанрам на первых чешских профессиональных сценах («Боуды», «У Гиберну», Сословного театра), о популярности оперных спектаклей во всех слоях чешского общества, о славе, которой заслуженно пользовались чешские певцы и музыканты за границами Чехии, в театральных коллективах крупнейших европейских городов.

В первой трети XIX в. особо возрастает роль музыки в утверждении национальной самобытности театрального искусства и всей чешской культуры в целом. Музыка, наряду с театром, является ведущим видом искусства этого времени. Характерной для Сословного театра 20-30-х годов была тесная связь драматургического и оперного репертуара. «Опера была тогда, при Яне Непомуке Штепанеке (одном из директоров Сословного театра в 1824—1834 гг. — Л. Т.) высшей художественной и политической школой пражской чешской публики»².

В творчестве Фр. ШкROUPA — создателя первой чешской оригинальной оперы «Дротарь» (1826) — можно видеть первые шаги утверждения национальной самобытности чешской музыкально-театральной культуры.

Вслед за утверждением в музыкально-сценическом искусстве отечественного языка и национальной тематики, в начале XIX в. разворачивается движение за профессионализацию чешской музыкально-театральной культуры. Первые чешские оперные спектакли исполнялись любителями, однако уже в моцартовских спектаклях 20-х годов были заняты профессиональные певцы Сословного театра. (В эти годы в Сословном театре Праги были поставлены: «Дон Жуан», 1825; «Волшебная флейта», 1829; «Похищение из сераля», 1829; «Все они таковы, или Школа влюбленных», 1831.) Существование профессионального чешского оперного ансамбля стало знаменательным фактом в развитии чешской театральной культуры. Его высокий художественный уровень, признание не только чешской, но и немецкой критики, патриотизм чешских исполнителей, выражавшийся в предпочтительном участии в чешских спектаклях, нередко в ущерб личным интересам — все это свидетельствовало о значительном шаге вперед в борьбе за самостоятельность и развитие чешской театральной культуры. «...Лишь наши оперы прославляли чешский язык, лишь наши оперы были поставлены так, что и завистник, и жестокосердный враг должны были признать справедливость похвал чешскому языку. Наши оперы были гордыми соперниками немецких, и постановки на чешском языке многих из них были осуществлены так, как в Праге немцы на своем языке их никогда и не видели», — писал Й. К. Хмеленский³.

Исключительно важное значение для формирования чешской театральной культуры имели 30—40-е годы XIX в. Во всех ее областях укрепляется профессионализм. На чешскую сцену приходят произведения с сюжетами из народной жизни и из отечественной истории, художественное осмысление которых давало зрителям уроки патриотизма и гражданского мужества. Исторические героические драмы Й. К. Тыла и его пьесы-сказки вошли в историю национального театра наравне с лучшими драматическими произведениями второй половины XIX в. Переводятся произведения европейских драматургов-романтиков. Обращение к творчеству Шекспира и Шиллера также значительно обогащает репертуар чешского театра.

² Ibid., sv. 2, s. 107.

³ J. K. Chmelenský. Sebrané spisy veršem i prosou, díl V, sv. 1. Praha, 1870, s. 271.

В 30-е годы особо интенсивно проявляется еще одна специфическая сторона чешской театральной культуры — любительский театр. Это была уже третья волна в истории развития любительского театра. Начало его связано с деятельностью первых чешских пражских сцен («Боуды», «У Гиберну»). В конце XVIII в. любительский театр еще испытывает сильное влияние народного чешского театра, от которого он, собственно, отталкивается. Наиболее зримо эта смена народного театра любительским отражается в репертуаре, который включает параллельно традиционный репертуар народного театра и пьесы, идущие на сценах новых пражских сцен (причем последние — с некоторым опозданием), но ее можно проследить и в сценическом оформлении, и в исполнительском искусстве любительских театров.

Второй волной в развитии любительских сцен, особенно так называемых «домашних» театров в Праге и провинции можно считать 20-е годы XIX в. В прессе этого времени можно встретить немецкий термин «Theaterwurth», характеризующий усиление интереса к театральному искусству в широких кругах, преимущественно горожан.

Небывалое распространение по всей стране любительского театра в 30-е годы отнюдь не свидетельствовало о возвращении чешского театра к любительской стадии, а о расширении сферы его влияния, усилении его общекультурной роли в Чехии. Любительские театры имели особо важное значение в театральной жизни Чешских земель в эпоху национального возрождения. Они проделали огромную работу по активизации общественно-культурной жизни всей страны, воспитанию национального самосознания чешского народа, подготовке восприятия профессионального чешского театра. В 20—40-е годы на сценах этих театров утверждаются первые оригинальные произведения чешской драматической литературы. Нередко именно из любительских театров выходили актеры, составившие впоследствии профессиональную труппу мастеров чешского сценического искусства. Любительские спектакли стали первыми общественными собраниями, первыми манифестациями молодого буржуазного общества. Каждый спектакль на чешском языке превращался в патриотический праздник, значительное событие, привлекающее большое количество народа.

В конце 30-х годов любительские труппы существовали в 131 городе Чехии. Любительский театр рассматривался будителями не только как подготовительный этап, предшествующий созданию профессиональной самостоятельной чешской сцены, но и как особая, имеющая свою самостоятельную ценность область культуры, одно из средств воспитания народа, формирования национального сознания, и потому заслуживающая внимания и поддержки.

Определяющей чертой чешского театрального развития была присущая ему с первых шагов глубокая демократичность, обусловленная спецификой чешского исторического процесса. Об этом свидетельствует и густая сеть любительских театров, для которой трудно найти аналогию в других странах. Театр предназначался для самых широких слоев населения, состоящих преимущественно из мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников. Среди его зрителей были и представители интеллигенции: чиновники, студенчество. Уже в конце XVIII в. Прага обладала достаточным количеством зрителей, чтобы обеспечить систематическую деятельность нескольких чешских пражских сцен. Следует отметить, что чешский театр мог рассчитывать, особенно в зимний период, на население городов и сел, лежащих вблизи Праги. Пресса не раз отмечала ту поддержку, которую оказывало пражскому театру патриотически настроенное население всей страны.

Быт городских и сельских низов был главной темой большинства произведений национальных драматургов: достаточно вспомнить популярность «местных фарсов» Пр. Шедивого, комедий Я. Н. Штепанека и В. К. Клицперы, «Фидловачку» Й. К. Тыла и его драм-сказок. Эти произведения, созданные непосредственно в годы революционного подъема, тесно связанные с современностью, увлекающие богатой фантастикой, ярко демонстрируют демократический характер формирующегося национального театра Чехии. Создавая прекрасные образы героев из народа, смело борющихся за свое счастье и свободу, этот театр сознательно ориентировался на интересы и вкусы народа, выступал от его имени.

Демократический характер чешского театра проявляется с особой силой в обстановке революционной ситуации 40-х годов, когда театр наиболее полно раскрывает свои возможности общественного воздействия, становится трибуной утверждения революционных идеалов, переносит на сцену проблемы и живую атмосферу времени. Театр в этот период пользуется повышенным общественным вниманием. По вопросам театра высказываются крупные общественно-политические деятели, о нем ведутся споры и дискуссии в печати, некоторые эпизоды из театральной жизни этих лет становятся важнейшими событиями культурной жизни страны.

Ярким примером этого может служить премьера героической драмы Й. К. Тыла «Ян Гус» в Сословном театре 26 декабря 1848 г. Из отзывов пражской прессы мы узнаем, что за полтора часа до начала спектакля вся площадь перед театром была заполнена народом. В антрактах к этой толпе выходили те, кто смог попасть в зрительный зал, и передавали содержание каждого акта⁴. В спектакле «не было ни одной фразы, касающейся пороков церкви, которая бы не заглушалась аплодисментами»⁵. С такой реакцией чешский театр встретился впервые. Ее вызвала сила революционного звучания пьесы, смелость драматурга, развернувшего перед восставшей Прагой картину бескомпромиссной борьбы с реакцией и предательством.

В высшей степени злободневные свободолюбивые идеи пронизывали романтические драмы-сказки Тыла, в которых комментировались события революционных лет. Не случайно пьеса «Упрямая баба» (1849) была названа современниками «политической школой народа»⁶. Неотъемлемую часть этой пьесы, пронизанной антифеодалной сатирой, составляли боевые куплеты, в которых автор высказывал свое отношение к современной обстановке в стране. Политический характер чешского театра подчеркивало в глазах современников и то обстоятельство, что почти все его ведущие деятели — Й. К. Тыл, Й. И. Колар, Я. Кашка и другие были участниками освободительной борьбы.

Важной специфической чертой формирования чешской театральной культуры было то, что на протяжении всего национального возрождения театральный вопрос являлся составной частью борьбы общества за национальное самоутверждение, показателем национальной зрелости. Естественно, что в течение почти ста лет (от первых спектаклей на чешском языке в 80-е годы XVIII в. до открытия первого самостоятельного профессионального Временного театра в 1862 г.) этот вопрос не оставался неизменным.

Если в конце XVIII в. речь шла о создании постоянного чешско-немецкого театра, в первые десятилетия XIX в. отстаивался чешский репертуар на сцене пражского Сословного театра, то с 30-х годов развертывается движение за отделение чешского театра от немецкого, за создание

⁴ J. L. Turnovský. Život a doba J. K. Tyla. Praha, 1892, s. 194.

⁵ Цит. по: «Listy z dějin českého divadla», sv. 1. Praha, 1954, s. 233.

⁶ «Bohemia», 20 III 1849.

самостоятельной национальной профессиональной сцены. В это время чешский театр имеет свой репертуар, своих актеров, использует отечественную литературу, музыкальное искусство. «Национальный театр, помимо даже репертуара, т. е. само здание, возбуждает уже народный патриотизм», — подчеркивал А. Н. Островский⁷. Его отсутствие в эти годы воспринимается как факт запаздывания в развитии национальной культуры и закономерно вызывает беспокойство всех слоев чешского общества.

С особой силой активизируется театральный вопрос в революционные 40-е годы. В 1845 г. был сделан серьезный шаг к созданию самостоятельной чешской сцены. Представительная группа чешской интеллигенции и зажиточных пражан (около 140 человек) подала прошение чешскому земскому сейму о передаче в их руки «привилегии Иосифа II» — юридической основы постановок чешских пьес. В течение последующих лет разорбатываются основы и принципы «Товарищества чешского театра», которое должно было взять на себя все дела, связанные с его строительством, а в будущем руководило бы его деятельностью. Австрийское правительство, хорошо осознавая значение чешского театра в общественной жизни страны, запретило создание «Товарищества».

В период революции, когда театральный вопрос особенно обостряется, в кампанию за создание самостоятельного чешского театра в Праге включается К. Гавличек, призывавший уступить для чешских спектаклей половину вечеров Сословного театра⁸. Гавличек повторяет здесь, собственно, идею, вынашиваемую им еще в первой половине 40-х годов: «...необходимо как следует прикрикнуть на сословную комиссию, — писал он К. Запу из Москвы 30 апреля 1844 г., — сказать им прямо в глаза: что же мы, чехи, у себя в Чехии (...) будем собирать милостыню на чешский театр? Где это видано, чтобы народ, живущий в Европе и насчитывающий шесть миллионов, не имел даже своего театра? Мы не должны забывать, что мы живем у себя дома, а немцев лишь терпим! Мне кажется (...) можно было бы добиться, чтобы сначала хотя бы дважды в неделю, с 7 до 10 вечера играли по-чешски, а по-немецки с 4 до 6. Когда же кончится срок контракта со Штогером, следует позаботиться, чтобы кто-либо из патриотов взял театр в свои руки. Таким образом постепенно можно будет вытеснить немецкий театр»⁹. План К. Гавличека одобряется в 1848—1849 гг. радикалами-демократами, которые тогда же в своем центральном органе «Пражски вечерни лист» выступают за строительство специального здания для чешского театра.

В решение чешского театрального вопроса активно включаются в этот период и немцы. Согласно плану графа Ностица, поддерживаемому некоторыми деятелями чешской культуры, Сословный театр следовало отдать немецкой и чешской драме, а для немецкой оперы построить специальное здание.

Иную позицию в этом вопросе занимает Й. К. Тыл. Как театральный практик он понимает, что половинчатое решение нереально по многим соображениям — художественным, экономическим и пр. Он предлагает немедленно приступить к созданию самостоятельного чешского национального театра и обращается при этом не к властям, а ко всему народу: «Может быть нам удалось бы выстроить храм национальной Музы на средства нации? — пишет Тыл в апреле 1848 г. — у нас теперь театр должен стать могучим рычагом для возвеличивания нации»¹⁰. Й. К. Тыл выдвигает демократический принцип создания чешского национального театра:

⁷ А. Н. Островский. Полное собрание сочинений. т. 12. М., 1952, с. 160.

⁸ К. Havlíček. Korouhev naše. «Pražské noviny», 19 III 1848.

⁹ Цит. по: Z. Quis. Korrespondence K. Havlíčka. Praha, 1903, s. 136—137.

¹⁰ J. K. Tyl. O umění. Praha, 1951, s. 124, 126.

«Наш театр должен находиться в сердце и руках публики, он должен быть делом всей нации. Тогда он расцветет, к нашей радости и славе!»¹¹.

В его статьях этого времени впервые прозвучала мысль, претворенная в жизнь через 35 лет, когда в Праге, наконец, было возведено здание пражского Национального театра. Идея Тыла, с одобрением встреченная в широких кругах чешского общества, стала «генеральной линией в решении чешского театрального вопроса»¹². Девиз «народ — себе», под которым проходил всенародный сбор средств на строительство Национального театра, был одним из важнейших политических лозунгов национально-освободительной борьбы чешского народа в течение всего XIX столетия.

Осенью 1850 г., уже в период начавшейся баховской реакции, в Праге было основано Общество по созданию чешского Национального театра. В своей деятельности оно стремилось удержать завоевания, достигнутые в области культуры в революционный период, подготовить силы для давно вынашиваемого плана — создания самостоятельной чешской профессиональной сцены.

Говоря о специфике формирования чешской театральной культуры, нельзя не остановиться на ее важнейшей стороне — драматургии. Бурное развитие театра, собравшего вокруг себя представителей самых широких слоев чешского населения, предъявляло серьезные требования к чешской драматургии. За короткий период была создана большая драматическая литература. Если накануне открытия первого чешского профессионального театра «Боуда» (1786) существовало лишь семь пьес на чешском языке, то через шесть лет их было свыше трехсот¹³.

В чрезвычайно интенсивном развитии чешской драматургии и репертуарной политики обнаруживаются интересные закономерности. Прежде всего, для первых шагов чешского театра характерна параллельность чешского и немецкого репертуара. Зависимость была настолько сильной, что проявлялась не только в соотношении переводной и оригинальной драматургии (в 80—90-е годы XVIII в. оригинальные пьесы составляли около трети всего репертуара на чешском языке), но и накладывала отпечаток на характер оригинального чешского творчества. Следует подчеркнуть, однако, что речь шла не о пассивном эпитонстве, а об активном включении переводов и переделок в чешский литературный процесс, который протекал согласно местным общественно-историческим условиям и опирался на богатые чешские традиции. Особенно выразительно проявился творческий характер восприятия в области музыкально-драматических жанров. Это были первые попытки наметить пути перехода от театра на чешском языке к чешскому театру. От переделок и адаптаций, типичным признаком которых становится локализация сюжета, приближение пьесы к местным условиям и т. д., ведут нити к пьесам первых чешских драматургов — В. Тама, А. Й. Зимы, Пр. Шедивого, Я. Н. Штепанека, В. К. Клицперы и др.

Спецификой чешского театрального процесса уже на первом этапе национального возрождения становится предпочтительное отношение драматургов к жанру исторических пьес. Эти произведения, которые носят на рубеже XVIII—XIX вв. подзаголовки: «оригинальная патриотическая драма», «драма из патриотической истории», «историческая патриотическая пьеса с пением» и т. д., давали наибольшие возможности для воплощения теоретических принципов театра, каким его представляли себе будители конца XVIII в. Патриотические драмы с тематикой из чешской истории, служащие актуальным общественно-политическим потребностям, составляли значительную часть репертуара Сословного театра и в 20-е годы

¹¹ Ibid., s. 137—138.

¹² «Dějiny českého divadla», sv. 2, s. 331.

¹³ J. D o b r o v s k . Dějiny české řeči a literatury. Praha, 1936, s. 171.

ХІХ в. Наиболее плодотворным драматургом этого направления был Я. Н. Штепанек, настойчиво советовавший писателям искать темы в чешской истории, обращаться к тем ее эпохам и событиям, в которых отразились благородство и героизм национального характера¹⁴. В драматических произведениях такого рода Штепанек видел большой патриотический и воспитательный смысл.

Историческая драма становится важнейшим жанром в репертуаре чешского театра и в революционные 40-е годы. В этом жанре наиболее полно раскрывается актуальная проблематика, выясняются связи между обществом и личностью, осуществляется стремление к постановке больших общественно-нравственных и политических вопросов. Уже с этого времени историческая драма начинает определять репертуар чешского театра второй половины ХІХ в. Большинство оригинальных драм, поставленных на чешской сцене в конце 40-х годов, имело общую характерную черту — это были пьесы о современности, но созданные на историческом материале. На первом месте здесь стоит историческая драматургия Й. К. Тыла: «Кровавый суд, или Кутногорские рудокопы» (1847), «Ян Гус» (1848), «Кровавые крестины, или Драгомира и ее сыновья» (1848), «Жижка из Троцнова и битва у Судомержиц» (1849) и др. Поднимая национально-историческую проблематику в годы, непосредственно предшествующие революции и в период самой революции, Тыл фиксировал внимание на переломных, кризисных моментах исторического процесса. В условиях этого времени историческая тематика, отражавшая национально-освободительную борьбу чешского народа, приобрела политическое звучание и, ассоциируясь с конкретными событиями действительности, превращалась в остросовременную тему.

Если в конце ХVІІІ в. история, воспринимаемая с просветительской точки зрения, предоставляла драматургам возможность обнаружить в различных по времени и месту действия обстоятельствах сходные нравственные конфликты, если в начале ХІХ в. историческое прошлое рассматривалось чешскими авторами, прежде всего с точки зрения традиций национальной самобытности народа, то в 40-е годы, в обстановке революционной ситуации в область исторической литературы начинает проникать социальный анализ. Драма Тыла «Кутногорские рудокопы» стала первым значительным произведением европейской драматургии с тематикой восстания рабочих, прологом к мировой литературе о пролетариате.

Уже в первых чешских спектаклях, осуществленных на сцене Ностицкого театра, «Боуды», «У Гиберну» и др., театральные деятели-просветители уделяли значительное внимание проблеме крепостного права. Интерес к этому вопросу, представлявшему собой существенный момент внутренней политики йозефинизма, стал специфической чертой чешской драматургии конца ХVІІІ — начала ХІХ в. Этим чешский театр значительно отличался от пражских немецких сцен, а также немецких театров в Братиславе, Брно, Кракове, Пеште, Любляне и других городах империи¹⁵. В то же время в этом можно видеть еще одно свидетельство демократических устремлений нового чешского театра уже на раннем этапе его развития. Пьесы о крестьянских восстаниях способствовали установлению более тесного контакта с публикой, которая отчасти состояла и из вчерашних крестьян.

Существенную роль в создании национального репертуара чешского театра сыграли в 30—40-е годы ХІХ в. комедии Штепанека, Клицперы, драмы-сказки Й. К. Тыла. Они заложили традицию синтетического спек-

¹⁴ J. N. Š t ě p á n e k. Divadlo, díl. I. Praha, 1820.

¹⁵ F. S e r n ý. Měnivá tvář divadla aneb Dvě století s pražskými herci. Praha, 1978, s. 12.

такля, ставшую характерной для чешской театральной культуры вообще. В таком спектакле сочетаются драматургическое действие, танец и пение. Это придает ему яркость и красочность, позволяет насытить его богатым колоритом народной жизни, сохраняет общедоступность народных зрелищ, к которым, в свою очередь, восходит этот жанр. Здесь ярко проявляется и другая сторона чешского театра — его пристрастие к пародии, сатире, иронии, что придавало фарсам и комедиям чешских драматургов-классиков общественную остроту и публицистичность. Эти традиции на более высокой ступени были продолжены и развиты А. Ирасеком, К. Чапеком, Восковцем и Верихом. Влияние их можно проследить и в репертуаре современных чехословацких «малых театров».

Формирование национального репертуара, выделение новых сценических форм и драматургических приемов проходило одновременно с эволюцией чешского актерского искусства. Мы уже говорили о том, что процесс профессионализации чешского театра протекал в исключительно трудных условиях, наложивших отпечаток и на исполнительское искусство. Кадры актеров первых чешско-немецких профессиональных театров состояли в основном из представителей молодой чешской интеллигенции, не имевших профессиональной подготовки. Вплоть до 1824 г., когда в Сословном театре были введены регулярные чешские спектакли, актеры не получали вознаграждения за свою работу. Чтобы обеспечить себе более надежный источник существования, они часто вынуждены были поступать на государственную службу, совмещая ее с деятельностью в театре.

Развиваясь в контексте немецкой театральной культуры, чешский театр не мог пройти мимо образцов сценического искусства Вены и Берлина. Чешские актеры вольно или невольно заимствовали манеру игры немецких исполнителей. В этом была несомненно и своя положительная сторона, стимулирующая развитие чешской театральной культуры. Но уже с первых шагов нового чешского театра наблюдается стремление к самостоятельности чешского актерского искусства. Для начального этапа возрождения трудно еще говорить о национальном стиле игры, хотя определенные тенденции чешского репертуара (введение сцен из быта низких и средних городских и сельских слоев в пьесы с пением, комедии, фарсы, использование сюжетов из отечественной истории в патриотической драме и т. д.) настойчиво ставили перед актерами задачу овладения иными приемами игры.

Начиная с 80-х годов XVIII в. в прессе появляются статьи, авторы которых обращают внимание на несомненный вред, который приносит исполнительскому мастерству чешских актеров двуязычный репертуар «Боуды» и других пражских сцен. В статьях подчеркивалось, что исполнительское искусство может совершенствоваться лишь на «естественном» языке, т. е. на чешском репертуаре.

За период национального возрождения в общих чертах была создана отечественная школа актерской игры. Главная заслуга в ее формировании принадлежит актерам «тыловский дружины»: Я. Кашке, Я. Лапицу, М. Форхгеймовой, К. Шимановскому, Й. Секире и другим, закладывающим своей деятельностью основы чешского сценического реализма. Романтическая стихия в актерской практике Сословного театра в 40-е годы необычайно ярко проявилась в творчестве и деятельности другой группы чешского ансамбля (Й. И. Колар, А. Манетинская, Ф. Крумлоский), с успехом выступающей на ином репертуаре, представленном в чешском театре этого времени — классике, в первую очередь пьесах Шекспира, французских пьесах с тематикой буржуазной или аристократической среды, оригинальных исторических драмах, главным образом, Й. И. Колара и Й. Фрича. Творческая манера этих актеров была теснее связана с пражской немец-

кой актерской школой, чем исполнительское искусство актеров-реалистов, воспитанных на «драматических картинах из жизни» и пьесах-сказках Й. К. Тыла.

Обе эти группы, определявшие в 30—40-е годы лицо чешского ансамбля Сословного театра, много сделали для формирования национальной актерской школы. Оказав большое влияние на современников, исполнительское искусство этих актеров наметило линию дальнейшего развития чешской театральной культуры.

Вместе с развитием драмы и актерского творчества эволюционирует и общая художественная форма спектакля. Реалистические тенденции произведений национальной драматургии, идущих на сцене чешского театра, подчеркиваются также бытовой обстановкой, одеждой крестьян, ремесленников, служанок. Действие их обычно разворачивается на фоне городского или сельского повседневного пейзажа. Начиная с 40-х годов XIX в., элементы национального колорита появляются и в декорациях (главным образом в творчестве художника Сословного театра Т. Меснера).

В силу определенных исторических причин профессиональный чешский театр стал складываться в эпоху, когда во многих европейских странах уже существовала высоко развитая театральная культура. Но проходит немногим более полувека, и чешский театр вливается в поток европейской театральной жизни как равноправный и притом глубоко национальный театр. За период возрождения был создан чешский профессиональный театр на родном языке. Большую роль сыграл любительский театр в чешской провинции. Была воспитана армия талантливых театральных деятелей — драматургов, актеров, музыкантов, критиков. Ведущее место в репертуаре театра отводится драматическим произведениям, отражающим «национальную жизнь в самых разнообразных ее проявлениях» (Й. К. Тыл). Чешское музыкально-сценическое искусство завоевывает широкое признание. Закладываются основы чешской театральной эстетики и критики.

Эпоха возрождения придала театру общенациональное значение, сделав его средством «просвещения и воспитания народа» (В. Там), «школой отечественного языка и искусства» (В. Крамериус), и, наконец, тесно связав его с «делами общественной жизни», в которых он «занимает первое место» (Й. К. Тыл).

Чешская театральная культура была чрезвычайно важным фактором и показателем национального единства. Театр в Чехии играл значительную роль в формировании и углублении национального самосознания, утверждении чувства национального достоинства, активно включался в социальную и национально-освободительную борьбу, на всех этапах своего развития подчинял свою деятельность потребностям национального утверждения.

Г. И. ТИРАСПОЛЬСКИЙ

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ И ПРИЧИНАХ УТРАТЫ БОЛГАРСКОГО СУБСТАНТИВНОГО СКЛОНЕНИЯ

Утрата болгарским языком субстантивного склонения привлекала пристальное внимание славистов нескольких поколений. Такой устойчивый интерес определялся необычной судьбой болгарской падежной системы на фоне истории других славянских языков, сохранивших (за исключением македонского) позднеобщеславянский механизм субстантивного склонения без его существенных типологических модификаций. Другим обстоятельством, приковавшим внимание исследователей к эволюции болгарской деклинальной системы, было, по-видимому, внешнее сходство этой эволюции с тем, что произошло в грамматическом строе ряда германских и романских языков, которые некогда обладали развитой падежной системой имени, но впоследствии в значительной степени или полностью лишились ее.

Существует несколько точек зрения на условия и причины падения болгарской субстантивной деклинации. Странники гипотезы, которую можно назвать с у б с т р а т н о й, утверждают, что развитие аналитизма в болгарском языке было результатом языкового смешения славянских племен с иноязычными аборигенами Балканского полуострова¹. Лингвисты, выступившие с критическим анализом названной концепции, выдвинули следующие контраргументы: субстратное влияние на болгарский язык не было сколько-нибудь значительным, поскольку оно не нашло соответствующего отражения в болгарской лексике; из балканских языков лишь болгарский претерпел наибольшие утраты в падежной системе, что исключает деструктивное влияние на него со стороны греческого, румынского и албанского языков, сохранивших субстантивную деклинацию; указания на субстратные воздействия не подкрепляются достоверными фактами и ненадежны в хронологическом и культурно-историческом отношениях². Некоторые исследователи в поисках решения проблемы обратились к внутренним процессам в истории болгарского языка. Так возникли фонетическая и предложная гипотезы. Согласно первой из них, главной причиной падения субстантивной деклинации в болгарском языке была прогрессирующая омонимия падежных флексий, вызвавшая смешение падежных форм и их последующее устра-

¹ Из последних работ, отстаивающих эту гипотезу, см. М. М. Г у х м а н. К вопросу о развитии анализа в индоевропейских языках. «Ученые записки I МГПИИЯ, т. II. Вопросы грамматики». М., 1940, с. 28.

² К. Н. М е у е г, *Der Untergang der Deklination im Bulgarischen*. Heidelberg, 1920, S. 19—24; К. М и р ч е в. Историческа граматика на българския език, 2-ро изд. София, 1963, с. 264—265.

нение³. Сторонники предположной гипотезы усматривают основное условие разрушения болгарской падежной системы в широком распространении предложных конструкций, которые вытеснили и заменили собой деклинальные формы⁴. Обе гипотезы подверглись критике, выявившей их серьезные недостатки⁵. Подчеркивалось, что, хотя омонимия падежных флексий и широкое употребление предлогов показательны для всех славянских языков, это не помешало подавляющему большинству из них сохранить развитую систему деклинального формоизменения.

К рассмотренным гипотезам примыкает концепция, согласно которой главным условием разрушения болгарских падежных форм был их синкретизм⁶.

Наиболее осторожной и вместе с тем симптоматичной для зашедших в тупик поисков является концепция, объединяющая слегка переработанные аргументы всех перечисленных выше гипотез в конгломерат положений⁷, которые при всей их содержательности лишены ключевой идеи, открывающей новую теоретическую перспективу в решении поставленной проблемы.

Для достижения этой цели прежде всего необходимо принять во внимание два ряда условий функционирования категории падежа: общеязыковые и частнолингвистические. С общеязыковой точки зрения категория падежа должна рассматриваться в совокупности с другими грамматическими средствами, обеспечивающими выполнение языком его коммуникативной, мыслеформительной и других функций. Но так как категория падежа существует не во всех языках и оформляет не все потенциально склоняемые части речи, она не принадлежит ни к абсолютным, ни к статистическим языковым универсалиям. Эта категория относится к тем единицам грамматического строя, существование которых в конкретных языках возможно, но не обязательно. С общеязыковой точки зрения ее, таким образом, следует определить как ф а к у л ь т а т и в н у ю грамматическую категорию.

Будучи факультативной, категория падежа в конкретных языках может попасть в условия либо благоприятные для ее существования, либо не благоприятствующие ему. В общем виде неблагоприятные для деклинации условия сводятся к следующим: 1) наличие в данном языке системы средств, функционально эквивалентных падежным формам; 2) развитая синонимия падежных форм, вызывающая нейтрализацию их семантических противопоставлений; 3) фонетическое ослабление падежных аффиксов.

По своим деструктивным последствиям перечисленные условия неравноценны. Так, фонетическое ослабление падежных экспонентов, не поддержанное наличием функционально эквивалентных деклинации средств, не способно вызвать утрату склонения, ибо в противоположном случае языку будет нечем компенсировать разрушенную грамматическую категорию и он выйдет из состояния коммуникативной пригодности. В этих условиях падежные аффиксы оказывают фонетическим изменениям функционально-семантическое сопротивление. Например, в баварском и австрийском наречиях немецкого языка выработался так называемый «усиленный дательный падеж», который возместил утрату разли-

³ Л. Милетиц. Старото склонение в днешните български говори. «Сборник за народни умотворения», т. II, 1890, с. 226 и сл.

⁴ К. Н. Мейер. Ibid., S. 22, 27.

⁵ К. Мирчев. Там же, с. 264; В. И. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969, с. 168.

⁶ Е. В. Чешко. История болгарского склонения. М., 1970.

⁷ И. Дуриданов. Пътят на българския език от синтетизъм към аналитизъм. «Български език», 1957, кн. 1, год. VII, с. 11—12, 15; К. Мирчев. Там же, с. 265.

чия между фонетически совпавшими в местоименном склонении дательным и винительным падежами единственного числа. Аналогичный процесс имел место и в падежной парадигме множественного числа некоторых восточносредненемецких диалектов⁸. В диалектах современных балтийских языков омонимия падежных показателей возможна прежде всего между формами в пределах одного грамматического числа. Формы же различных грамматических чисел могут быть омонимичными лишь в том случае, если они не являются формами одного и того же падежа. Когда появляется опасность фонетического совпадения окончания какого-либо падежа разных грамматических чисел, обычно одно из таких окончаний заменяется флексией другого типа склонения, наиболее близкого данному⁹. Употребление в туркменских диалектах кыпчатских показателей дательного и винительного падежей объясняется прежде всего тем, что заимствованные кыпчатские формы выражены более отчетливо, чем туркменские, и не допускают аффиксальной омонимии¹⁰. Хрестоматийным является пример вытеснения древнерусского родительного падежа мн. числа типа *столь*, омонимичного именительному падежу ед. числа, более выразительной формой типа *столовь*.

Прогрессирующая синонимия падежных форм, которая, бесспорно, ослабляет и нейтрализует их семантическую противопоставленность, может стать разрушительным для деклинации фактором лишь в том случае, если семантической нейтрализации падежных противопоставлений сопутствует их фонетическая нейтрализация. Последняя же, как было отмечено выше, осуществляется лишь при условии, когда в соответствующем языке наряду с категорией падежа имеются функционально эквивалентные ей средства. Таким образом, решающим условием падения форм субстантивного склонения следует считать наличие в данном языке их функционально-семантических эквивалентов. Что же касается фонетического ослабления деклинальных показателей, а также развитой синонимии в системе падежей, то эти факторы сами по себе не способны привести к разрушению деклинации и должны квалифицироваться как сопутствующие условия этого процесса.

Общелингвистическим эквивалентом падежных форм является лексическая сочетаемость слов. Падежное формоизменение служит для уточнения смысловых отношений между полнозначными компонентами словосочетаний, однако в ряде случаев эти отношения достаточно ясны благодаря только лексическим значениям. Так, если рассмотреть комбинацию слов *мальчик, комар, укусить*, нетрудно заметить, что их лексическая семантика с необходимостью прогнозирует такое грамматическое оформление, при котором эти слова выстраиваются во фразу *комар укусил (кусает, укусит) мальчика*. Но лексическая семантика далеко не всегда с полной определенностью намечает содержание смысловых отношений в словосочетании, ср. *подарок брата* и *подарок брату*. Поэтому лексическая сочетаемость слов лишь частично компенсирует утрату категории падежа. Более опасным конкурентом деклинации являются предложные (последложные) конструкции, состоящие из несклоняемых служебного и автосемантического компонентов (ср. русск. *в метро, из кино, про кенгуру*) или — как единица пограничного характера — из склоняемого полнозначного слова и неизменяемого служебного, напр. русск.

⁸ В. М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. М., 1976, с. 584—585.

⁹ Э. П. Зинкявичус. Роль омонимии в развитии падежных форм (На материале балтийских языков). В сб. Категория падежа в структуре и системе языка (материалы научной конференции). Рига, 1971, с. 158—159.

¹⁰ «Принципы описания языков мира». М., 1976, с. 171—172.

в городе. Преимущество предложных конструкций перед лексической сочетаемостью слов обеспечивается меньшей зависимостью первых от лексического контекста и связанной с этим стереотипностью их моделей. Лексическая сочетаемость слов, воплощаемая в типовых разновидностях словопорядка, и закрепленные речевой практикой модели предложных конструкций в конкретных языках сосуществуют и взаимно дополняют друг друга в роли эквивалента падежных форм.

Как известно, в старославянском языке, который по своим особенностям был, по-видимому, весьма схож с древнеболгарским, имелась довольно развитая система предложно-падежных конструкций¹¹, таивших в себе потенциальную опасность вытеснения и разрушения деклинальной системы. Существование во многих современных славянских языках падежного формоизменения с предложно-падежными и предложно-беспадежными конструкциями свидетельствует, однако, о том, что наличие эквивалентов деклинации превращается из условия в причину ее разрушения не всегда. Такое превращение возможно лишь в том случае, если функциональное равновесие между деклинацией и ее эквивалентами резко нарушается в пользу последних. Именно такое явление имело место в истории болгарского языка и именно оно вызвало утрату его субстантивного склонения.

Славистика не располагает письменными памятниками, в которых последовательно отражен процесс падения болгарской субстантивной деклинации, что в решающей степени препятствовало уяснению условий и движущих сил этого процесса. Но, к счастью для славистики, один из важнейших этапов болгарской деклинальной эволюции получил свою письменную фиксацию, уникальную как по условиям создания, так и по научному значению. Заслуга в разыскании, публикации и первичному истолкованию этих драгоценных материалов принадлежит известному болгарскому языковеду Л. Милетичу¹². Ему удалось обнаружить богослужебные тексты XVI в., которые были составлены потомками болгар, взятых в плен между 1261 и 1266 гг. войсками венгерского короля Стефана V и поселенных в Трансильвании. Важнейшей особенностью этих текстов, названных Л. Милетичем седмоградскими, является отражение в них своеобразных форм, компонентами которых выступают склоняемое существительное и с к л о н я е м ы й постпозитивный член. Л. Милетич считает, что подобные формы существовали «во всех болгарских наречиях, которые восходят к староболгарской эпохе»¹³, и такая возможность вполне подтверждается фактами из современных болгарских диалектов. Так, например, в южной подгруппе рупских говоров употребляются реликтовые формы типа *братуму* «брату», *можетуму* «мальчику», представляющие собой комбинацию склоняемого существительного и члена. Аналогичные формы зарегистрированы в смолянском, хвойненском и ряде других диалектов современного болгарского языка¹⁴.

Членные формы в устном болгарском языке приобрели статус грамматической категории не позднее XII—XIII вв., хотя и не получили адекватного отражения в тогдашней письменности¹⁵, которая ориентировалась на архаические нормы памятников кирилло-мефодиевской эпохи. Существенной особенностью, отличавшей эти формы от соответствующих единиц современного болгарского литературного языка, была, как уже

¹¹ К. И. Ходова. Падежи с предлогами в старославянском языке. М. 1971.

¹² Л. Милетич. Седмоградските български и техният език. «Списание на Българската академия», кн. XXXIII. София, 1929.

¹³ Там же, с. 31.

¹⁴ Ст. Стойков. Българска диалектология. 2-ро изд. София, 1968, с. 86, 90, 92.

¹⁵ И. Дуриданов. Там же, с. 9—10.

отмечалось, склоняемость члена, сопровождавшего параллельные падежные формы существительного и составлявшего с последними грамматическое целое¹⁶.

Поскольку склоняемый член, дублируя падежные формы староболгарского существительного, представлял собой их функциональный эквивалент, он в совокупности с предложными конструкциями и лексической сочетаемостью стал сильным конкурентом именного склонения. Опасность такой конкуренции для субстантивного формоизменения усиливалась также из-за постпозитивного употребления этого служебного слова, вследствие чего член «заслонял» именную падежную флексию от грамматически связанных с ней форм других полнозначных слов, ср. примеры из указанной работы Л. Милетича (воспроизводим их в кириллической транскрипции): *да загребеме трупа-таго* «погребем тело»; *фаф Маттеутуму книгата* «в книге Матфея»; *рекъл на чилака-ток* «сказал человеку». Падежная форма существительного в этих условиях становилась избыточным грамматическим дубликатом деклинальной формы члена, попадала в своеобразную синтаксическую изоляцию и превращалась поэтому в грамматический балласт. В конечном счете это привело к падению болгарского субстантивного склонения.

Возможность такого хода развития событий в истории болгарской деκлинации подтверждается типологически сходными явлениями в других индоевропейских языках. Румынские существительные, некогда обладавшие развитой падежной системой, ныне почти полностью утратили ее и выражают синтаксические отношения главным образом при помощи постпозитивного склоняемого артикля, ср. им. и вин. пад. ед. ч. *lupul* «волк», род. и дат. пад. ед. ч. *lupului* (нечленная форма *lup*)¹⁷. Есть основания считать, что, подобно староболгарскому, румынский склоняемый постпозитивный артикль сыграл решающую роль в падении субстантивной деκлинации и представляет собой живое свидетельство давнего этапа той типологической эволюции, которую пережил болгарский член. В пользу выдвигаемой здесь гипотезы свидетельствуют также факты немецкого и голландского языков. Прилагательные в этих языках имеют своеобразную систему склонения, функционирование которой определяется следующими основными правилами: 1) если перед прилагательным нет склоняемого артикля или неличного местоимения, падежные формы дифференцируются самим прилагательным (сильное склонение); 2) если прилагательное сопровождается склоняемым детерминативом, оно утрачивает способность различать формы косвенных падежей (слабое склонение); ср. род., дат. и вин. падежи ед. ч. немецкого словосочетания *interessanter Text* «интересный текст» в слабом склонении: *interessant-en Textes*, *interessant-em Text*, *interessant-en Text* и те же формы в сильном склонении: *des interessant-en Textes*, *dem interessant-en Text*, *den interessant-en Text*.

Вопрос о причинах появления в болгарском языке постпозитивного члена относится к дискуссионным¹⁸. Точка зрения, согласно которой болгарский член в определенной степени продолжает собой общеиндоевропейские тенденции¹⁹, представляется достаточно убедительной, од-

¹⁶ О членных формах современного болгарского языка см. Ю. С. Маслов. Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии. В сб. Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971.

¹⁷ Подробнее о современном румынском склонении существительных см. Т. А. Репина. Аналитизм романского имени. Л., 1974, с. 29—39.

¹⁸ Обзор и анализ соответствующих концепций см. Р. Г. Пиотровский. Формирование артикля в романских языках. М.—Л., 1960, с. 105—106.

¹⁹ Э. А. Макаев. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977, с. 79.

нако рассматривать его только как древнеиндоевропейское наследие было бы неверным. Это наследие не является прерогативой болгарского языка, однако лишь в болгаро-македонском ареале славянских языков постпозитивный член получил статус грамматической единицы, тогда как в других зонах славянского лингвистического мира, например, в северновеликорусской, он так и не возвысился над лексическим уровнем²⁰. Грамматикализация староболгарского члена определялась, бесспорно, и другими факторами, среди которых важнейшим была балканская языковая интерференция. Поскольку из компонентов балканского языкового союза издревне обладал артиклем только древнегреческий, можно предположить, что именно его влияние на болгарский язык в этом отношении было решающим. Известно, что греческий язык вплоть до 30-х годов прошлого столетия занимал в жизни болгар столь значительное место, что передовым деятелям болгарской культуры приходилось энергично призывать своих соотечественников к борьбе с языковой эллиноманией и к возрождению родного языка²¹. В староболгарскую эпоху, когда письменно обработанный национальный язык был достойным лишь узкого круга славянских книжников, влияние греческого языка на болгарский было, по-видимому, не только меньшим, но и большим.

В ходе типологической эволюции староболгарский член утратил надежные формы и в современном болгарском литературном языке находится вне declinatio. Необходимо установить, почему эта единица болгарского языка не сохранила склоняемости подобно артиклям румынского, новогреческого, немецкого и некоторых других языков.

Как известно, в болгарском языке отсутствует и, можно с уверенностью предположить, отсутствовал и неопределенный член. Эта особенность болгарского языка сыграла решающую роль в утрате склоняемости определенным членом. В эпоху падения субстантивной declinatio утратившие склоняемость существительные в необходимых и достаточно частых случаях употреблялись в нечленной форме. Поскольку последняя не сопровождалась склоняемым неопределенным артиклем, а членная форма была оснащена склоняемым показателем определенности, между рядами этих форм возникла резкая структурная асимметрия, угрожавшая грамматической целостности староболгарского существительного, ср. примеры из седмоградских памятников: *да погребеме трупа-таго* (членн. форма) — *из твой труп* (нечленн. форма); *вери-туй* «вере» (членн. форма) — *сас вере* «с верой» (нечленн. форма). Устранение этой опасной асимметрии было достигнуто путем элиминирования падежных форм определенного члена.

Подобная асимметрия не могла возникнуть в румынском, новогреческом, немецком и других языках, где употребляются соотносительные пары склоняемых определенного и неопределенного артиклей, что и обеспечивает устойчивость их падежной системы.

Обобщая изложенное, можно в следующей тезисной форме описать условия, причины и последовательность утраты болгарского субстантивного склонения:

1. Общей предпосылкой падения болгарской субстантивной declinatio является факультативный характер категории падежа.

²⁰ С. И. Иорданиди. Из наблюдений над употреблением постпозитивного *-т* в русском языке XVII в. (На материале сочинений Аввакума.) В сб. Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.

²¹ Г. К. Венедиктов. Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения. В сб. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 217.

2. Решающую роль в утрате болгарским языком деклинального формоизменения существительных сыграло наличие в староболгарском языке склоняемого определенного постпозитивного члена, кардинально нарушившего баланс между субстантивной категорией падежа и функционально эквивалентными ей средствами.

3. Употребляясь с первоначально склоняемой формой существительного, изменяющийся по падежам постпозитивный член занимал в словоформе конечную позицию, что изолировало и без того избыточную падежную флексию существительного от грамматически связанных с ней слов и постепенно привело к ее угасанию.

4. После утраты болгарскими существительными категории падежа между их членными и нечленными формами возникла резкая структурная асимметрия, обусловленная отсутствием у склоняемого определенного члена его склоняемого неопределенного коррелята.

5. Устранение этой асимметрии было достигнуто благодаря элиминации падежных форм определенного члена, что стало заключительным актом в процессе утраты болгарским существительным падежного формоизменения.

Д. С. ИЩЕНКО

ХИЛАНДАРСКИЙ СПИСОК СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ПОУЧЕНИЙ ФЕОДОРА СТУДИТА

В богатом рукописном собрании Хиландарского монастыря на Афоне (Греция) хранится рукопись № 387, сербская, на бомбицине, второй половины XIII в. 6 листов из этой рукописи находятся в Москве, в ГБЛ, собр. Григоровича, № 1700; как показывает текст, они следовали между современными л. 190 и 191 рукописи Хил. В ГБЛ имеется и микрофильм Хил. (поступл. № 66—1975).

Указанная рукопись содержит перевод огласительных поучений из Малого катехизиса Феодора Студита, авторитетного византийского законодателя монашеской жизни (759—826). Она представляет собою самый ранний список славянского перевода поучений Феодора Студита и один из немногих южнославянских списков этого перевода.

Охарактеризуем рукопись Хил. 387 и ее содержание ¹.

Прежним местопребыванием рукописи была типикарница (келья) св. Саввы Сербского, находящаяся в Карее, на Афоне. Здесь рукопись была открыта В. И. Григоровичем. Описывая свою поездку на Афон в 1844 г., В. И. Григорович отметил, что в карейской типикарнице св. Саввы он обнаружил 45 рукописей (все сербского извода), которые, «распадаясь от времени и небрежения, составляют... неотъемлемую собственность келии». Перечисляя их, он назвал и поучения Феодора Студита, на «хлопчатой бумаге» ². Как установил Ф. Е. Петрунь на основании реестров, составленных В. И. Григоровичем, упомянутые выше 6 листов были вывезены из Карей ³.

Через 20 лет после В. И. Григоровича К. П. Дмитриев-Петкович подтвердил наличие в карейской типикарнице 45 славянских рукописей, напомнив, что то же их количество отметил и В. И. Григорович ⁴. По-видимому, рукопись Хил. и в последующие годы находилась в типикарнице св. Саввы, а не в Хиландарском монастыре, так как в описаниях рукописей этого монастыря, составленных Леонидом ⁵ и Саввой Хиландарцем ⁶,

¹ Автор приносит глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову за указание на эту рукопись и микрофильм и за ценные сведения.

² В. И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции. Изд. 2. М., 1877, с. 27—28 (изд. 1. Казань, 1848).

³ Ф. Петрунь. Рукописна збірка В. І. Григоровича. Бібліографічні замітки. «Праці Одеської центральної наукової бібліотеки», І. Одеса, 1927, с. 141.

⁴ К. П. Дмитриев-Петкович. Обзор Афонских древностей. «Записки АН», т. VI, приложение № 4, СПб., 1865, с. 5—6.

⁵ Леонид. Славяно-сербские книгохранилища на святой Афонской горе, в монастырях Хиландаре и святом Павле. ЧОИДР, М., 1875, кн. 1.

⁶ Sava Chilandarec. Rukopisy a starotisky Chilandarské. «Věstnik královsky české společnosti náuk», roč. VI. Praha, 1896.

она не значится ⁷. Но, как сообщил нам Д. Богданович, рукопись значится под № 231 во втором, неопубликованном каталоге хиландарских рукописей, составленном Саввой в 1906 г.; по предположению Д. Богдановича, она была перенесена из Кареев в Хиландар в период между 1895 и 1906 гг., отделяющий написание второго каталога от первого ⁸.

В настоящее время рукопись хранится в Хиландарском монастыре. О ней упоминает Дж. Радоичич, который, не говоря о ее названии и содержании, отмечает, что рукопись № 387 — единственная из хиландарских рукописей, написанная на бомбицине, что она относится к XIII в. и является старейшей сербской бумажной рукописью ⁹. Она включена также в каталог микрофильмов хиландарских рукописей, имеющих в университете штата Огайо (США), где отнесена к XIV в. и предположительно названа старейшим сербским документом ¹⁰. Есть упоминание о рукописи и в каталоге выставки, состоявшейся в Белградской народной библиотеке в 1973 г.; здесь она определена как относящаяся ко второй четверти XIII в. и являющаяся старейшим сборником догматических и моральных поучений сербской редакции ¹¹.

6 листов рукописи, находящиеся ныне в ГБЛ, описаны А. Е. Викторовым ¹², правильно определившим, что отрывок содержит два поучения Феодора Студита из Малого катехизиса: № 47 и 48. А. Е. Викторов отнес рукопись к XIV—XV вв. В «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» отрывок охарактеризован как сборник слов и поучений (без указания на Феодора Студита) конца XIII — начала XIV в. ¹³

Как видим, общего описания всей рукописи нет, а расхождения в ее датировке у разных ученых значительны.

Рукопись Хил. 387 написана очень крупным уставом; в настоящее время в ней 366 л. бомбицины. Из-за обрыва правого края первого листа заглавие сохранилось лишь частично: на с... пас... прѣпо(д)бнаго... нашего есудор... .. мена. стодудис... .. чения ка оучени... .. него (т. е. на стгую паскоу. прѣпо(д)бнаго ѡца нашего есудора иго мена. стодудискаго поучениа ка оученикомъ него). На л. 279, перед началом очередного поучения, находится другое заглавие: прѣпо(д)бнаго ѡца нашего игомена ¹⁴ есудора. стодудискаго. поучениа и прочиганиа. кѣтѣхъ стѣхъ. ка срѣде же и петакѣ. кѣго годѣца. Таким образом, здесь, как и в большинстве греческих списков Малого катехизиса, собрание поучений разделено на две части, причем поучения, относящиеся к первой части, имеют надписание о дне произнесения, а те, которые входят во вторую часть, надписаний не имеют. На л. 364 об. —

⁷ В статье Ж. Татича, специально посвященной типикарнице св. Саввы, ничего, к сожалению, не сказано о находившихся там рукописях, и лишь упомянуто, что типик (устав) св. Саввы высечен там на каменной плите (Ж. Т а т и ч. Сихастерија (посица) св. Саве у Кареев. «Гласник Скопског научног друштва», кн. VII—VIII. Одељење друштвених наука, 3—4. Скопье, 1930, с. 135—139).

⁸ Письмо Д. Богдановича к автору статьи от 15 I 1976.

⁹ Б. С. Р а д о ј и ч и ћ. Старе српске повеље и рукописне књиге у Хиландару. Извештај о њиховом проучавању у новембру и децембру 1952 г. В кн. Б. С. Радојичић. Књижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба. Нови Сад, 1967, с. 318 (перепечатка из журнала «Архивист», II, 2, 1952).

¹⁰ Hilandar Slavic manuscripts. A checklist of the Slavic manuscripts from the Hilandar monastery available on microfilm at the Ohio State University libraries. Compiled by Mateja ma Matejić and Predrag Matejić. Columbus, Ohio, 1972, p. 13.

¹¹ «Изложба српске писане речи». Београд, 1973, с. 18.

¹² А. Е. В и к т о р о в. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, с. 14, № 20.

¹³ «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, с. 211, № 402.

¹⁴ Так в рпк.

366 помещено послесловие: *амина сказаниага¹⁵ чѣтениама. ка стѣне постѣ. и ка инѣ дни кои соуть задѣ написани. на стѣоу паскоу. по пасцѣ.* (далее перечислены все дни, к которым приурочены помещенные в рукописи поучения); заканчивается послесловие так: *...поучениа и прочитаниа... ка срѣде же и петѣке вѣс(го) годица задѣ ицие.* (более поздним почерком приписано: *яко нѣже*).

Правописание рукописи рашское, т. е. близкое к болгарскому, характеризующееся употреблением йотированных гласных, различием *ѣ* и *я*¹⁶. Буква *ю* иногда написана в рукописи зеркально (овал слева, а мачта справа). Правописание Хил., как и всех сербских рукописей, полностью отражает такие сербские особенности, как употребление *ou* на месте юса большого, *e* на месте юса малого, *z* на месте обоих редуцированных; в тексте широко представлены морфологические и лексические сербизмы¹⁷.

Особенности орфографии и языка рукописи, использование бомбицины не противоречат отнесению рукописи ко второй половине XIII в.

Список содержит (вместе с Григ. 1700) 104 поучения, одно из которых, на л. 277, не принадлежит Феодору Студиту: это слово на пасху, надписанное именем Иоанна Златоуста, часто находящееся и в греческих списках среди поучений Феодора Студита (его начало: *яще кто блг(о)чл(с)нѣ и блгоубавнѣ...*).

Остальные 103 поучения принадлежат Феодору Студиту. 101 из них — это поучения Малого катехизиса (МК). Полный греческий текст МК состоит из 134 поучений, нумерация которых в большинстве греческих списков стабильна¹⁸; этой нумерации придерживаемся при характеристике славянского перевода МК.

В списке Хил. находятся поучения МК № 1—104, кроме № 36, 39 и 58. Однако в ряде других списков поучения 36 и 58 имеются, и только МК 39 в раннем славянском переводе неизвестно. Пропуск МК 39 можно объяснить тем, что в греческих списках МК четыре поучения, № 38—41, обычно имеют одинаковое надписание *εις τὸς βίους τῶν πατέρων* (в Хил. оно передано *ка житиага стѣха ѿца* для МК 38 и 41, а МК 40 надписано на паметѣ *стѣха ѿца*), и, вероятно, поэтому одно из четырех поучений было механически пропущено. Отсутствие МК 39 в славянских списках позволяет предположить, что этот пропуск восходит к первоначальному переводу и был, возможно, уже в греческом списке, служившем оригиналом для переводчика. Аналогично объясняется и пропуск МК 36: в греческих списках часто одинаковое надписание для МК 36 и 37, *μετὰ τὰ φῶτα* (в Хил. — по проскѣтциени для МК 37); но наличие МК 36 в ряде других славянских списков (например, рукопись ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамское, № 604,

¹⁵ Так в ркп.

¹⁶ О рашском правописании см. В. А. Мошин. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей. В кн. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973, с. 61.

¹⁷ Еще Дж. Даничич писал о сербизации языка, характерной уже для самых первых сербских памятников, где было сербизовано все, что требовалось сербизировать (см. Б. Даничич. Језик старе српске књижевности. В кн. Стара књижевност. Приредио Ђ. Трифуневич. Београд, 1972, с. 240. Статья написана в 1862 г.). И. Грицкат предположила даже, что церковнославянский язык сербской редакции был создан не на основе старославянского языка, а самостоятельно, на собственной диалектной основе (И. Грицкат. Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975, с. 28 и сл.; цитируем по реферативному журналу «Общественные науки за рубежом». Серия 6. Языковедение. М., 1977, № 2, с. 68); оговорки относительно этой гипотезы см. в рецензии Н. А. Мещерского на указанную книгу И. Грицкат («Вестник ЛГУ», 1977, № 8, вып. 2, с. 152).

¹⁸ См. издание греческих текстов МК: E. A u r a y. Sancti patris nostri et confessoris Theodori, studitis praepositae Parva Catechesis. Parisiis, 1891.

русская, XVI в.) говорит, что в этом случае утрата произошла на славянской почве. Понять отсутствие МК 58 позволяет другой список (рукопись Югославянской академии в Загребе, собр. Верковича, № IV d4, сербская, конец XIII — начало XIV в.), в котором МК 58 имеет неправильное заглавие, совпадающее с заглавием МК 59 (*ω како кратко и ластно сакрашати нама днии постиние ка надежди безконачные жизни вместо о единении и любке*); ошибочное повторение заглавия в каком-то списке этого типа вызвало в списке — предшественнике Хил. вторую ошибку: пропуск одного из двух одинаково озаглавленных поучений, а именно МК 58.

Кроме этих 101 поучения, Хил. содержит еще 2 поучения Феодора Студита; они расположены среди поучений МК, но относятся к Большому катехизису (БК): на л. 250 находится поучение № 69 из первой книги БК, а на л. 265 об. — поучение № 11 из третьей книги БК. Ни первая, ни третья книги БК не были переведены у славян; указанные поучения из этих книг переводились, несомненно, вместе с поучениями МК, в массу которых они были вкраплены уже в некоторых греческих списках. Например, в рукописи ГИМ, Син. греч. № 207 (376/363) содержатся 75 поучений МК, среди которых находится 76-е поучение¹⁹, оказавшееся БК III, 11, как в Хил.

Хил. содержит наибольшее количество поучений МК, переведенных у славян. Идентифицируем их в соответствии с нумерацией, принятой в греческих списках МК, и укажем соответствующие листы рукописи Хил. (см. табл.).

л.	№ поуч.	л.	№ поуч.	л.	№ поуч.	л.	№ поуч.
1	1	120	27	216	55	291об.	79
3	2	124об.	28	220об.	56	294об.	80
5об.	3	129	29	223об.	57	297	81
8	4	133	30	227	59	300	82
11	5	137об.	31	230	60	303об.	83
15	6	142об.	33	233	61	306	84
19	7	145	34	236об.	62	309об.	85
23	8	148	35	239	63	311	86
26об.	9	151об.	32	244	66	314об.	87
35об.	10	154об.	40	247	67	317об.	88
41	11	158	37	250	БК I, 69	320об.	89
45	12	162	43	253	64	323об.	90
49	13	166	38	256	65	326	91
54об.	14	170об.	41	258	69	329	92
60	15	174	42	260об.	70	332	93
65	19	177об.	44	263	68	335	94
69	16	181	45	265об.	БК III, 11	337об.	95
73об.	17	186	46	268об.	71	341об.	96
77об.	18	Григ. 1700, л. 1	47	271	72	345	97
82об.	20	Григ. 1700, л. 6	48	274об.	73	348	98
88	21	194об.	49	277	Ио. Злат.	350об.	99
93	22	198об.	50	279	74	353	100
100	23	200об.	51	282об.	75	355об.	101
104	24	205	52	284об.	76	358	102
109	25	209	53	286	77	360	103
114	26	211об.	54	288об.	78	363	104

¹⁹ В л а д и м и р. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. I. Рукописи греческие. М., 1894, с. 246—247. Автор описания, отметив наличие в рукописи этого поучения, не идентифицировал его.

Поучения МК 105—134, очевидно, не были переведены; они не встречаются ни в одном славянском списке (только МК 125 и 126 имеются в некоторых русских списках, представляющих особый перевод, не связанный с Хил.). Греческие списки МК того состава, который отражен в Хил., указать трудно²⁰.

Есть немало оснований считать, что перевод МК, представленный в Хил., является сербским, выполненным в XIII в. Список Хил., несомненно, был отделен от протографа несколькими промежуточными списками: в нем имеются явно вторичные пропуски текста, выявляемые в сопоставлении с другими списками (южнославянскими и русскими, ни один из которых не содержит, однако, такого большого количества поучений, как Хил.; они составлены в результате выборки из перевода, представленного в Хил.).

Показателем происхождения перевода следует считать характерную лексику, в данном случае южнославянскую. Яркие лексические южнославянизмы наблюдаются в тексте Хил. в значительном количестве. Они наглядно выявляются при сопоставлении Хил. с русскими списками того же перевода, пришедшего на Русь, по всей видимости, в результате второго южнославянского влияния. Один из самых ранних русских списков — рукопись ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамское, № 604, начало XVI в.; здесь содержатся 55 поучений Феодора Студита. Список восходит к южнославянскому образцу. При сравнении соответствующих поучений Хил. и Иос.-Вол. находим как лексические совпадения, так и расхождения, поэтому следует принимать во внимание не все южнославянизмы в Хил., а лишь те, которые имеются и в Иос.-Вол.: в случае расхождения трудно решить, какое слово является первоначальным, так как южнославянизм мог появиться в Хил. в результате сербизирующего редактирования или, наоборот, мог быть устранен из русских списков при редактировании на Руси. Так, например, не показательны слова *бѣлачугъ*²¹ (Хил., л. 228: понеже јако бѣлачугъ шѣбкедши ѡ каи скоени; ср. Иос.-Вол., л. 342: понеже јако гривно обкедши о каи скоени); *коудъ* (Хил., л. 140: богатытка жизнь прѣмкнуоуци за сребрмовита коудъ; ср. Иос.-Вол., л. 271 об.: богатытка жизнь премеаюци за сребрмвѣта прибиткода); здесь перед нами лексические расхождения.

Однако многие южнославянизмы, употребленные в Хил., повторяются и в Иос.-Вол. и обладают поэтому большей доказательной силой для определения происхождения перевода. Приведем ряд примеров.

Хрѣлъ, *хрѣлстѣ*. Эти слова встречаются в тексте МК 95 (Хил., л. 337—341 об.; Иос.-Вол., л. 300—304): и ѡ(а) икоунописца хрѣла икоунописца (Хил.); и ѡ(г) иконописца хрѣлъ иконописца (Иос.-Вол.); ср. в обоих списках: о сеи хрѣлсти хрѣлстѣи . и ѡ хитрости хитрстѣи. Слова отсутствуют в словаре И. И. Срезневского²², а в словаре Ф. Миклошича,

²⁰ Такова, возможно, греческая рукопись XVIII в. из Афонского монастыря Эсфигмену, № 99, включающая 105 поучений Феодора Студита, но по описанию С. П. Ламброса установить это с точностью нельзя из-за отсутствия в нем перечня заглавий и начал поучений (P. Lambros. Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos. I. Cambridge, 1895, p. 182).

²¹ Специально об этом слове см. K. N. Menges. Slavo-altajische Wortforschungen. Türk. *bilözik* etc. Festschrift für Dmytro Cyževskij zum 60. Geburtstag. Berlin, 1954, S. 179—181.

²² Значения слов и их распространение определялись по словарям: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, I—III. М., 1958; F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865; Вук С. Караџић. Српски рјечник. Беч, 1852; Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, I—III. Београд, 1863—1864; П. А. Лавровский. Сербско-русский словарь. СПб., 1870; F. Iveković. I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zageb, 1901; И. И. Толстой. Серб-

построенном преимущественно на материале южнославянских памятников, находим *хрзал* и *хрзалста* — *ars* (искусство). Ср. с этим с.-х. *хрли*, *хро* (и *врли*) — ‘добрый, здоровый, сильный, быстрый’. *Воунапорзѣ* огня и *воунапоромъ* пожизаемыхъ (Хил., л. 310 об.); *огнемъ* и *соун’поромъ* пожизаемы (х) (Иос.-Вол., л. 264). Это слово со значением ‘сера’ известно всем южнославянским языкам: с.-х. *сумпор*; болг. *сумпор*, *сумпур*, *синпур*, *симпур*; словен. *sumrog*, *sumreg*; макед. *сумпор*. У Срезневского слово отсутствует, но приведено у Миклошича. *Грозница*: *кѣсте* како *грозницю* *сдрѣжимъ* (Хил., л. 138 об.); *кѣсте* како *грозницю* *сдрѣжимъ* (Иос.-Вол., л. 270). Слово отсутствует в словаре Срезневского, есть у Миклошича и Даничица. В южнославянских языках оно употребляется в значении ‘лихорадка, горячка’. *Личити са*: *иво* *югда* *моужа* *казаньбита* *женоу*... и *ома* *личитъ* *моу се* (Хил., л. 7); ...и *ома* *личитъ* *са емѣ* (Иос.-Вол., л. 369). У Срезневского этот глагол дан в значении ‘лицемерить’, не относящемся к рассматриваемому случаю, но у Миклошича находим: *красити са* и *личити са*; такая синонимия характерна для южнославянских языков: с.-х. *личити се* — прихорашиваться, принаряжаться, франтить (*личити* — красить, малевать, размалевывать); словен. *ličiti se* — помадиться, прихорашиваться; макед. *личи* — красить, украшать, ср. также болг. *личен* — красивый, видный.

Показательны также случаи изменения или искажения в Иос.-Вол. непонятого для русских переписчиков южнославянского слова, отраженного в Хил., что свидетельствует о первичности южнославянизма.

Облюбити: *юже* *нѣкто* *ц(т)* *сицѣхъ* *дѣкоу* *сѣбълюбика* (Хил., л. 140 об.); *еже* *нѣкто* *ц(т)* *сицѣкы* (х). *оѣдъ* *кзълюбикъ* (Иос.-Вол., л. 271 об.). В Иос.-Вол. чтение явно вторично. У Срезневского глагол *облюбити* дан только в значении ‘облюбовать, выбрать’, но у Миклошича он приведен в употреблении, соответствующем тексту Хил.: *дѣкоу* *сѣбълюбикъ* *блудно*. В с.-х. *облюбити* — ‘поцеловать, расцеловать’, а также ‘обесчестить девушку’; в том же значении и болг. *облюбен*.

Стопанско: *аце* и *пастира* *троужаетъ* *во се* *пасе* *стадо*. *ра(а)учета* *во се* *за* *надеж(а)оу* *мз(а)ы*. *аце* *ли* *за* *стопанско* *оугож(а)ение* (Хил., л. 324); В Иос.-Вол. здесь: *за* *стпѣ* *ноко* *оугож(а)ение* (л. 285 об.). Искажение данного притяжательного прилагательного вызвано отсутствием в русском языке мотивирующего существительного (его нет у Срезневского), присутствующего южнославянским языкам: с.-х. *стопанин*, болг. *стопанин*, *стопан*, макед. *стопан*.

Помимо характерной южнославянской лексики, отметим наличие в тексте Хил. большого количества непереуведенных греческих слов, что также свидетельствует в пользу южнославянского происхождения перевода; в Иос.-Вол. эти слова во многих случаях заменены, первичность греческого слова несомненна. Например, МК 29: *яко* *иконормахи* (Хил.), *яко* *иконорморци* (Иос.-Вол.); МК 38: и *потакатита* *потакатитоу* (Хил.), и *покорникъ* *покорникѣ* (Иос.-Вол.); МК 30: *ничто* *же* *ногече*. *такмо* *прахатига* *наша* (Хил.), *ничто* (ж) *ногаче*. *токомо* *кжпю* *нашу* (Иос.-Вол.).

скохорватско-русский словарь. М., 1970; А. Л. Д ю в е р н у а. Словарь болгарского языка (по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати). М., 1885—1889; Н. Геров. Речник на българския език. I—V. Пловдив, 1895—1905; С. М л а д е н о в. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941; С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1975; М. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895; Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963; К. Г а в р и ш. Македонско-русски речник. Скопје, 1969.

Все приведенные примеры — лишь небольшая часть многочисленных языковых фактов, свидетельствующих о южнославянском (вероятнее всего, сербском) происхождении перевода Малого катехизиса Феодора Студита. Афонское происхождение предполагал для этого перевода А. И. Яцимирский (по Нямецкому списку ²³, содержащему меньше поучений, чем Хиландарский, который был А. И. Яцимирскому не известен). Добавим, что содержание и характер данного переводного текста вполне соответствует той характеристике, которую В. Ягич дал древнесербской монастырской литературе, подчеркнув, что охотнее всего переводились аскетические произведения и что в переводах господствовала полная зависимость от греческого оригинала ²⁴.

²³ А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. ИОРЯС, т. VII, кн. 1, СПб., 1902, с. 124.

²⁴ В. Ягич. История сербско-хорватской литературы. Древний период. Казань, 1871, с. 194—197.

Ю. Ф. ИВАНОВ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. ЛЮБОВИЧА

В последнее время среди советских историков заметно возрос интерес к русской дореволюционной историографии и к вопросам становления советской исторической науки. Появившиеся статьи, обзоры, монографии существенно обогатили наше представление о процессах, происходивших в русской историографии на рубеже XIX и XX вв. Но еще далеко не все из тех, кто внес ощутимый вклад в отечественную науку, получили всестороннюю оценку в марксистской литературе. К ним относится и Николай Николаевич Любович¹.

Николай Николаевич родился 16 марта 1855 г. в местечке Тульчино Подольской губернии в дворянской военной семье. Формирование юношеских воззрений Н. Н. Любовича проходило в условиях пореформенной России, когда усилилось внимание к истории, от которой ждали ответа на многие животрепещущие вопросы. После окончания гимназии с золотой медалью молодой человек поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, среди профессуры которого господствовали консервативные настроения. Независимо держался только проф. И. В. Лучицкий, искавший свои пути в науке. Методологическая основа общесторических взглядов И. В. Лучицкого была позитивистской. Ее профессор передал своим ученикам: Н. Н. Любовичу, В. К. Пискорскому, Е. В. Тарле, В. А. Мякотину. К концу жизни Лучицкий стал пересматривать свою методологию, некоторые его ученики овладели марксизмом. Любович в основном остался верен позитивизму почти до конца жизни.

В 70-е годы XIX в. И. В. Лучицкий занимался историей кальвинизма во Франции и вообще интересовался историей XVI в. Его труды содержали много впервые публикуемых данных из французских архивов. Но главное даже не в них, а в новом подходе к анализу явлений: за борьбой католицизма с гугенотством, представлявшим кальвинизм во Франции, И. В. Лучицкий обнаружил социальную борьбу различных сословий, партий, общественных классов.

Лучицкого давно интересовала история Нидерландской революции. И он предложил своему ученику заняться этой темой. Так было написано студенческое сочинение Любовича «Марникс де Сент-Альдегонт как политический писатель». Советом университета оно было удостоено золотой

---

¹ См. о нем: В. И. Пичета. К истории славяноведения в СССР. «Историк-марксист», 1941, № 3; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, с. 504; А. Г. Беспалова. Член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Любович (1855—1935). В кн. Ростовский Государственный университет 1915—1965. Отв. ред. С. Е. Белозеров. Изд-во Ростовского ун-та, 1965.

медали и опубликовано². Содержание труда гораздо шире его заглавия. В позитивистской социологии в то время было распространено мнение, что в обществе реальны только отдельные личности, и потому к социальным явлениям следует подходить с точки зрения психологии индивидуумов. Общество понималось как коллектив, взаимодействие между отдельными членами которого определяется в первую очередь их личными качествами. Такая постановка вопроса исключала необходимость анализа расстановки классовых сил и позволяла объяснить возникновение конфликтов эмоциональными, интеллектуальными и т. п. причинами³. Но Лучицкий такой метод отверг, а за ним пошел и молодой Любович. Он старался объяснить изучаемые им исторические явления социально-экономическими факторами. В своей первой работе начинающий исследователь высказал несколько важных мыслей, имеющих принципиальное значение для понимания его взглядов. Н. Любович обратил внимание на то, что нельзя приписывать происхождение Нидерландской революции «единственно религиозным причинам». Подчеркивая национальную и социальную сторону движения, он писал: массы «принимали реформаторство, инстинктивно чувствуя, что этим они выражают оппозицию тому гнету, тем притеснениям, которым так безрассудно подвергли испанцы жителей Нидерландов». Любович вновь и вновь возвращается к идее, что «религия сделалась руководящей нитью в достижении известных политических целей» и придерживался ее во всех своих работах. Автор показал участие в революции народа. Дворянство позволило себя подкупить, духовенство не представляло собой опоры для борьбы с испанским королем, и только низы действовали наиболее решительно⁴. Таким образом, Любович выдвинул передовую концепцию по вопросу борьбы Нидерландов с Испанией в XVI в., что объясняется влиянием И. В. Лучицкого и общим подъемом исторической науки в России, происходившим в 60—70-х годах XIX в. Несмотря на несовершенство исследовательских приемов Любовича, его первый научный труд и по важности заключенных в нем мыслей, и по степени использования источников резко отличался от других студенческих сочинений, удостоенных золотых медалей и печатавшихся в «Университетских известиях» конца прошлого столетия. Труд Н. Любовича — подлинно самостоятельная работа. Она явилась первым оригинальным сочинением на русском языке по истории Нидерландской революции⁵.

После окончания Киевского университета Любович год работал учителем истории в Каменец-Подольской гимназии, а с мая 1878 г. по август 1880 г. готовился к получению профессорского звания по кафедре всеобщей истории университета⁶. Его научными руководителями Совет университета назначил И. В. Лучицкого и Ф. Я. Фортинского, видимо, чтобы последний влиял на Любовича в более консервативном духе. Но подлинным научным руководителем был И. В. Лучицкий.

В период обучения на молодого историка заметное влияние оказал Л. Ранке, который являлся крупным авторитетом и для Лучицкого.

² Н. Н. Люб о в и ч. Марникс де Сент-Альдегонт как политический писатель. «Университетские известия» (далее — УИЗв.). Киев, 1877, № 3—6, 10.

³ В это время в русском переводе появилась книга американского протестантского историка Д. Л. Мотла «История Нидерландской революции и основания Республики Соединенных провинций», т. 1—3 (СПб., 1865—1871), написанная с таких теоретических позиций. Работа прославляет Вильгельма Оранского и связывает все успехи движения с его личными качествами.

⁴ Н. Н. Люб о в и ч. Марникс де Сент-Альдегонт..., с. 2, 39, 115, 145.

⁵ Книга П. Н. Кудрявцева «Осада Лейдена в 1573 и 1574 гг.» (М., 1855) носит компилятивный характер.

⁶ «Академические списки императорского университета Св. Владимира (1834—1884)». Киев, 1884, с. 32.

Н. Н. Любович соглашался с Л. Ранке в том, что главной базой исторического исследования должны стать официальные документы, донесения дипломатов, переписка различных крупных деятелей и т. п. Но богословско-мистические концепции Ранке влияния на Любовича не имели. Более того, по ряду принципиальных вопросов он довольно резко критиковал Ранке. В то время Любович занялся польским кальвинизмом. Вопрос о проявлении кальвинизма у разных народов поднимался преднамеренно. Русские историки-позитивисты в то время искали доказательства своей теории единства человечества, под которым подразумевали внутреннее единство человеческих способностей и общественных инстинктов, тождество законов, управляющих психической и социальной жизнью. Н. И. Кареев сформулировал это следующим образом: «...сущность исторического процесса везде одинакова (именно — просим заметить — сущность процесса, а не ход истории) ...»⁷. Вот они и искали проявления социальной сущности кальвинизма в разных странах. Начинаящий ученый усердно занимался в библиотеках, в государственных и частных архивах многих городов Российской империи⁸, а также за ее пределами. Он изучал сочинения польских и литовских антиринитариев, синодальные акты реформаторских и антиринитарских церквей и другие исторические документы, относящиеся к истории реформации в Польше. В. Закржевский и другие польские ученые, занимавшиеся до Н. Н. Любовича историей реформации, не изучали переписку западноевропейских реформаторов с польскими протестантами. Русский ученый обратил внимание на эти источники, просмотрев все наиболее известные издания писем европейских реформаторов. Он пришел к убеждению, что без данной переписки многие вопросы истории реформационного движения в Польше останутся невыясненными. В частности, вопрос о том, почему в одной части страны получило распространение лютеранство, в другой — кальвинизм. Н. Н. Любович считал, что лишь из переписки можно узнать, почему в целом пропаганда кальвинизма в Польше шла успешнее, чем пропаганда лютеранства. Только переписка позволяла восстановить историю закулисной борьбы на Западе между кальвинизмом и лютеранством за упрочение и усиление своего влияния в Польше. Переписка давала возможность выяснить отношение польского реформационного движения к западноевропейскому. Наконец, она же, по мнению Любовича, давала материал для понимания причин быстрого развития польской реформации и такого же быстрого ее упадка⁹. Конечно, здесь чувствуется известная переоценка данного вида источников, но в совокупности с другими они действительно могли дать многое.

Задача была сложная. Заканчивал свою диссертацию Любович, уже работая в Варшавском университете, куда его назначили, как тогда говорили, исправляющим должность доцента. Обстановка в университетах Российской империи в 80-е годы отличалась усилением реакционного режима. В Варшавском университете она осложнялась стремлением царского правительства превратить это высшее учебное заведение в орудие русификаторской политики. Попечителем Варшавского учебного округа тогда был А. Л. Апухтин, которого редактор газеты «Варшавский днев-

⁷ Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. СПб., 1897, с. 29.

⁸ «Отчет о занятиях стипендиата для приготовления к профессорскому званию Н. Любовича в архивах и библиотеках Варшавы, Петербурга, Вильны и Слуцка». УИЗв., 1879, № 11.

⁹ Там же, с. 51—52. Теперь нам ясно, что на большую часть этих вопросов можно ответить, выяснив социальную структуру страны. Современную постановку вопроса см. J. T a z b i g. Spoleczny i terytorialny zasileg polskiej reformacji. «Kwartalnik historyczny», 1975, № 4.

ник» Н. В. Берг называл «фельдфебелем» за преследование всего либерального. Н. И. Кареев в неопубликованных мемуарах «Прожитое и пережитое» вспоминает первый разговор с А. Л. Апухтиным. Попечитель ему сказал: «Ваш ректор весьма отменно Вас аттестовал, но мне, скажу Вам, до вашей учености дела мало, а русского направления я от всех буду требовать»¹⁰.

В такой обстановке приступил к работе Н. Н. Любович. И она оказала на него влияние. Он был очень осторожен в своих суждениях. В лекциях, выдвигая сколько-нибудь радикальное положение, Любович обычно или тут же смягчал его многочисленными оговорками, или ссылаясь на авторитет известных иностранных ученых. Он сторонился своих коллег и сдружился лишь с Н. И. Кареевым, тогда экстраординарным профессором. В упомянутых мемуарах Н. И. Кареева сказано: «Моей коллегой по кафедре был Н. Н. Любович, русский, но занимавшийся особенно много польской историей, к которой относились обе его диссертации. С Любовичем, несмотря на многие несходства в характерах и взглядах, я очень сошелся и никогда не прерывал приятельских отношений, заезжал к нему в Варшаву, даже останавливался у него, как и он, приезжая в Петербург, первым делом обращался ко мне»¹¹. Кареев укрепил в Любовиче желание заниматься историей реформации, так как сам придавал ей исключительно большое значение.

В науке того времени господствовало мнение, что реформацию подготовили три основных фактора: появление великих религиозных мыслителей подобно Виклефу, Гусу, Лютеру, Цвингли, Кальвину, идеи которых опровергали застывшие догмы католицизма; деятельность государей, стремившихся порвать связь церкви с римской курией и подчинить ее светской власти; психические особенности народов, у которых ум и воля преобладали над религиозным чувством и экзальтацией, что позволяло им более рационально относиться к религии.

Любович напечатал вступительную лекцию к курсу «История реформации»¹², который удалось ввести в учебные планы университетов в годы общественного подъема. В лекции Любович развил идею, что кальвинизм являлся всего лишь средством выражения социальной борьбы. Еще более аргументирована эта мысль в его магистерской диссертации¹³ — широком исследовании, выполненном на основе огромного количества источников. Автор писал: «При изучении религиозных движений источник их происхождения обыкновенно ищут в религиозном настроении общества»; он же считал «невозможным не согласиться, что религиозное чувство играет действительно важную роль в религиозных движениях», но все же определяющее значение в них принадлежит общественно-экономическим отношениям, и религия в подобных случаях служит для движения только знаменем¹⁴. В диссертации в качестве причин реформации, как и у В. Закржевского¹⁵, на первый план выдвигалась борьба шляхты с духовенством, начавшаяся в XVI в., но Любович утверждал, что эта борьба шла не за религиозные принципы, а за политическое и экономическое преобладание. Автор показал, что реформация захватила в основном высшие слои общества и немецкое мещанство, в польском народе она прочных

¹⁰ ОРГПБЛ, ф. 119, к. 44, ед. хр. 5, с. 6.

¹¹ Там же, с. 12.

¹² Н. Н. Люб о в и ч. Общественная роль религиозных движений. Варшава, 1880.

¹³ Н. Н. Люб о в и ч. История реформации в Польше. Кальвинисты и авитринитари. Варшава, 1883.

¹⁴ Там же, с. 1, 2.

¹⁵ W. Z a k r z e w s k i. Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce 1520—1572. Lipsk, 1870.

корней не имела. С точки зрения сегодняшней науки можно предъявить автору целый ряд претензий. Он, с возможной тщательностью описывая события и явления, обычно следует позитивистскому принципу — не ставить вопрос: «Почему?», а задавать лишь вопрос: «Как?», что не может удовлетворить читателя, воспитанного на иных методологических основах. Любович в этой монографии продемонстрировал, что он не является слепым подражателем своего учителя. Он доказал, что в своей основе польская реформация отличалась от реформации в других странах Европы.

Центральная мысль Н. Н. Любовича о том, что религиозная борьба являлась формой выражения борьбы социальной, была новаторской¹⁶, и даже наиболее прогрессивным буржуазным ученым показалась чрезмерной. Н. И. Кареев, одобряя основные положения автора, заметил: «Он только, на мой взгляд, слишком выдвигает вперед общественно-экономические отношения, когда дело идет о явлении, имеющем прежде всего культурный характер»¹⁷.

Монография оказала значительное воздействие на Я. Бидло — исследователя истории общины чешских братьев¹⁸. В то же время обращение Н. Н. Любовича к социально-экономическому фактору для выяснения причин реформации встретило со стороны реакционных ученых колкие нападки. Анонимный рецензент писал: «Постановка дела как будто новая и в духе современной историографии, мечтающей найти в экономических отношениях ключ к разгадке возможно большего числа исторических явлений. Но не все то хорошо, что ново, или лучше сказать: „все хорошо на своем месте и всякий метод требует нормального приложения“»¹⁹.

Защита диссертации состоялась в декабре 1883 г. на Ученом совете историко-филологического факультета Киевского университета. Большая часть из 15 выставленных автором тезисов носила частный характер. Наиболее принципиальное значение имели тезисы, раскрывающие понимание Любовичем причин возникновения и упадка реформации в Польше. Они и были главной темой дискуссии.

После защиты магистерской диссертации Н. Н. Любович становится доцентом, а в 1885 г. занимает место экстраординарного профессора и с прежней интенсивностью продолжает научные поиски²⁰. Интересы ученого были разнообразны, но особое внимание он проявлял к истории Польши. Следует отметить, что он занялся изучением Польши тогда, когда в России трудов по ее внутренней истории до середины XVIII сто-

¹⁶ Незадолго до книги Н. Н. Любовича вышла монография: И. Ж у к о в и ч. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. СПб., 1882. В книге, написанной на основе опубликованного материала, доказывается, что реформационное движение в Польше подготовлено филиацией идей, в частности гуситских, которые расчищали «путь для проникновения в Польшу силы, взволновавшей в XVI в. весь западноевропейский мир...» (с. 63).

¹⁷ Н. И. К а р е е в. Политическая экономия и теория исторического процесса. «Историческое обозрение», т. II. СПб., 1891, с. 108. Впрочем, впоследствии Кареев изменил мнение: «Открытие экономической подкладки реформационного движения, особенно стремление к изучению реформации с этой стороны, относится к самому последнему времени», специально оговаривая: «У нас об этом впервые заговорил Н. Н. Любович в начале восьмидесятых годов в своей вступительной лекции: „Общественная роль религиозных движений“». (Н. И. К а р е е в. История западной Европы в новое время, т. II. СПб., 1908, с. 14, прим. 5.)

¹⁸ Я. Бидло посвятил Н. Н. Любовичу свою книгу (J. B i d l o. Jednota bratrska v prvím vyhanství (1548—1561). Praha, 1900).

¹⁹ «Киевская старина», 1884, март, с. 48.

²⁰ Отчет Н. Н. Любовича о заграничной командировке на летнее вакационное время 1886 г. см. «Варшавские университетские известия», 1887, № 8; Н. Н. Л ю б о в и ч. Землеровское собрание рукописей. Там же.

летия почти не было (Н. И. Кареев сумел назвать всего лишь две работы)²¹, и Любовичу в ряде вопросов пришлось идти непроторенными путями. Результатом дальнейших исследований явилась докторская диссертация, защищенная в марте 1890 г. в Киевском университете²². В том же году Любович становится ординарным профессором. В диссертации Любович объясняет возникновение католической реакции в Польше не внешними причинами, не действиями кардинала Гозия, как П. Жукович, а внутренними, которыми умело воспользовались римская курия и иезуиты. Автор доказывает, что «иезуиты в указанную нами эпоху (конец XVI в. — Ю. И.) не могли еще играть главной роли в борьбе с протестантизмом... Число иезуитов в Польше было еще слишком недостаточно в данное время для целей утверждения католицизма в ней, и на это жалуются нунции. Польша составляла только часть Австрийской провинции иезуитского ордена и из нее была образована самостоятельная провинция в 1576 г.»²³. Отбросив внешнюю причину, ученый искал внутренние. Однако выявить их с необходимой глубиной и полнотой, объяснить классовой обусловленностью ученый так и не сумел. Он видел только раздор различных сект, появление антиринитариев, отсутствие налаженной протестантской пропаганды. Чтобы выявить основы контрреформации, следовало четко представлять классовую основу протестантизма в Польше и вообще сущность феодализма, который Н. Н. Любович в тот период трактовал с формально-юридической стороны.

Автор доказывал, что борьба с протестантизмом не составляла главной задачи иезуитов в Польше, а что они были призваны Стефаном Баторием для выполнения его политических целей: проведения католизации Руси и подготовки таким образом почвы для отторжения ряда русских земель. В своей книге Любович использовал источники, добытые в Ватиканском архиве, незадолго до этого открытом для работы историков. Интересная по содержащимся в ней идеям, богатая по фактическому материалу работа получила хороший отзыв русских и польских историков. Из польских историков рецензии дали В. Закржевский²⁴ и С. Птапицкий²⁵. Н. И. Кареев по поручению Академии наук написал отзыв на монографию²⁶. Рецензенты единодушно отметили научное достоинство книги. В. Закржевский писал, что Любович рассмотрел «историю реформации в Польше так подробно и обстоятельно, а главное на основании столь широких изысканий по источникам, что другой такой книги о том же предмете не было еще ни на одном языке»²⁷. Вместе с тем уже тогда были заметны недостатки научного метода Н. Н. Любовича, вытекавшие из его позитивистских взглядов. В. Закржевский отметил, а Кареев с этим согласился, что строго хронологический порядок изложения не позволил автору группировать вместе однородные факты для необходимых обобщений и характеристик²⁸.

Кризис буржуазной историографии сказывался на научной деятельности Любовича. Он, как и его учитель, больше интересовался социально-экономическими вопросами, задумывался над ролью классовой борьбы.

²¹ Н. И. Кареев. Падение Польши в исторической литературе. «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1888, сентябрь, отд. 2, с. 1.

²² Н. Н. Любович. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890.

²³ Там же, с. 356 и сл.

²⁴ «Kwartalnik historyczny», 1890, № IV.

²⁵ ЖМНП, 1890, май.

²⁶ Н. И. Кареев. Отзыв о сочинении профессора Любовича под заглавием «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше». В кн. Отчет о четвертом присуждении премии Макария митрополита Московского. Приложение к 70 тому записок Академии наук, № 2. СПб., 1892.

²⁷ «Kwartalnik historyczny», 1890, № IV.

²⁸ Ibid.

В 1893—1894 гг. Н. Н. Любович работал в Германии и Франции, собирал материалы по социально-экономической истории городов Западной Европы в XIV—XV вв. В результате появилась брошюра о налоговом обложении немецких мещан²⁹. Итогом новых научных интересов автора явилась и другая его брошюра — «Статистический метод в приложении к истории» (Варшава, 1901). Любович увидел внутри средневековой городской общины условия для серьезных социальных конфликтов, пытался понять их природу. Обращаясь к студентам, Н. Н. Любович говорил: «...ничто не может так ярко осветить причину борьбы между теми или другими общественными классами, как точные цифры, свидетельствующие об их материальном, имущественном положении»³⁰.

В своих работах он показал, что целый ряд городских восстаний XIV и XV вв. вызван политикой городской верхушки, желающей «свалить всю тяжесть платежа налогов главным образом на плечи низших классов...»³¹. В то же время сохранилось одно высказывание историка, которое можно понимать, как полное отрицание им наличия классовой борьбы в средневековом обществе. 24 декабря 1904 г., выступая по докладу Н. А. Дубровского «Исторические воззрения Петрарки в связи с вопросом о науке его времени», сделанном в Обществе истории, филологии и права при Варшавском университете, он говорил: «...докладчик современное представление о борьбе классов переносит в XIV в. Это неправильно. В эпоху Петрарки происходила борьба партий, фамилий за власть, а не классов»³². После нескольких замечаний конкретного характера Любович вновь возвращается к этой мысли: «Современные идеи историку... не следует переносить на XIV в. и подчеркивать борьбу классов»³³. В чем же тут дело? Конечно, Любович имел самое общее и смутное представление об истории классовой борьбы и не решался не признавать, ни отрицать ее.

К 500-летию Грюнвальдской битвы ученый сделал доклад, используя хронику Длугоша и большую литературу вопроса. Доклад интересен тем, что историк остановился на внутренней жизни государства, созданного Тевтонским орденом. Говоря о Грюнвальде как блестящей военной победе³⁴, Н. Н. Любович настаивал на том, что не военное поражение явилось причиной заката ордена. Упадок ордена — результат внутренних противоречий между дворянством и городами³⁵. В этом он следовал точке зрения польского историка А. Прохаски³⁶, не учитывая того обстоятельства, что после поражения при Грюнвальде, орден был вынужден под давлением польского короля ослабить ограничения, установленные для польских купцов на его землях. Прекратилась сосредоточенная в руках Тевтонского ордена торговля хлебом, который в принудительном порядке скупался у подданных.

К столетию Отечественной войны 1812 г. Любович сделал доклад «Варшава в 1812 г.»³⁷, в котором объяснялась позиция поляков в войне. Они надеялись, что Наполеон восстановит польское государство. Историк

²⁹ Н. Н. Люб о в и ч. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV—XV вв. Варшава, 1904.

³⁰ Н. Н. Люб о в и ч. Лекции по новой всеобщей истории. Ростов-на-Дону, 1916, с. 336.

³¹ Н. Н. Люб о в и ч. Хозяйство и финансы..., с. 3.

³² «Записки общества истории, филологии и права при Варшавском университете», вып. 5. Варшава, 1911, с. 31.

³³ Там же, с. 32.

³⁴ Н. Н. Люб о в и ч. Грюнвальдская битва. Варшава, 1911, с. 21.

³⁵ Там же, с. 16.

³⁶ А. Р г о с х а с к а. Krol Wladislaw Jagiello, t. 1—2. Kraków, 1908.

³⁷ Н. Н. Люб о в и ч. Варшава в 1812 г. Варшава, 1913. К данной работе тесно примыкает его статья «Наполеон в Варшаве в 1812 году». «Записки общества...», вып. 6. Варшава, 1912.

относился с пониманием к настроениям польских деятелей, но не соглашался с теми, кто считал, что Наполеон в 1812 г. действительно желал возрождения Польши³⁸. Этот материал ученый использовал и в лекционных курсах.

В 1908 г. появилась пространная брошюра Н. А. Дубровского о Варшавском университете³⁹. В ней педагогическая деятельность профессора Любовича представлена в самых мрачных красках. Правда, он там прямо не называется. Дубровский ограничивается довольно ясными намеками: «Вот мелькает образ профессора всеобщей истории, у которого мне пришлось прослушать курсы новой истории (в 1898—1899 acad. году), истории Греции, истории католической реакции (1899—1900 acad. году) и истории XIX в. (1900—1901 г.)»⁴⁰. Это те курсы, которые вел Любович. Несколькими страницами ниже автор называет его «проф. Л.»⁴¹. И, наконец, на стр. 128 своего труда Н. Дубровский говорит, что фамилия профессора созвучна с фамилией «Лейбов». Вот как отзывается Дубровский о курсе новой истории, прочитанном проф. Любовичем: «Ничего решительно оригинального, свежего и интересного этот курс не представляет собою, будучи каким-то беспорядочным хаосом имен, исторических курьезов и анекдотов, аляповатой компиляцией давным-давно прочитанных и забытых „пособий“, путаницей исторических представлений и явлений. Это был, несомненно, распространенный Иловайский, только без его своеобразной простоты и стройности». Как видим, обвинение чрезвычайно тяжкое, но не единственное: «...профессор ничего решительно не давал, чего нельзя было найти у Лависса и Рамбо». «Трусливый профессор сознательно вычеркивал из истории XIX в. все, что составляет смысл и суть этой истории...». Про его лекции по истории Греции сказано: «Весь курс древней истории в руках нашего профессора превращался в жалкое лепетание о никому не нужных явлениях и фактах». Затронул Дубровский и практические занятия, которые проводил Любович: «Практические занятия по новой истории представляли собою просто комедию...». Словом, обрисована чрезвычайно неприглядная картина преподавательской деятельности Н. Н. Любовича. Не ограничиваясь этим, Н. Дубровский изображает Н. Н. Любовича ярким антисемитом и полонофобом⁴².

Давайте посмотрим, что представлял собою человек, заклеивший Н. Н. Любовича. Н. А. Дубровский в VII классе Кутаисской гимназии начал переписываться с Н. И. Кареевым, к которому относился восторженно. В 1897 г. Дубровский поступает в Варшавский университет. Имея рекомендацию Кареева, он отправляется к Любовичу, где «был им принят весьма любезно»⁴³. Первое знакомство произвело на Дубровского прекрасное впечатление: «...испытывал высочайшее наслаждение, получивши возможность свободно говорить и слушать об интересующих меня вопросах. Хотелось бы мне познакомиться с ним поближе, дабы иметь возможность бывать у него чаще, говорить с ним откровенно, иметь в нем руководителя в предстоящих мне научных занятиях...»⁴⁴. В дальнейшем это впечатление укрепляется; он пишет, что «от души полюбил Любовича» и с его помощью познакомился «поближе с историей»⁴⁵. Позже Дубровский снова пишет: «Николай Николаевич не отказывает мне ни в чем, это

³⁸ Подобное мнение высказывали представители краковской исторической школы. Например, см. S. A s k e p a z u. O srgawie polskiej w r. 1812. Kraków, 1912.

³⁹ Н. Д у б р о в с к и й. Официальная наука в Царстве Польском. СПб., 1908.

⁴⁰ Там же, с. 25.

⁴¹ Там же, с. 73.

⁴² Там же, с. 27—28, 34—38, 128.

⁴³ ОРГПБЛ, ф. 119, к. 9, ед. хр. 119.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, к. 5, ед. хр. 122.

касается именно идей, — таким образом удовлетворяет мне и делает жизнь лучше и интересней. Добрый и хороший он человек, не правда ли? И я его люблю за это»⁴⁶. Но Дубровский пока еще на 1 курсе и, возможно, что хороший наставник и ученый в то же время весьма посредственный преподаватель. Тогда было бы понятно, что мнение Дубровского сложилось позже, под впечатлением прослушанных лекций. Но оказывается, что уже на 1 курсе он посещал занятия профессора. В очередном письме к Карееву Дубровский откровенничает: «Иногда в свободное время ходим на лекции Николая Николаевича по истории XIX в. и даже не в свободное время... лучше было и полезнее слушать Николая Николаевича, чем Кулаковского»⁴⁷. Наступил следующий учебный год. «В настоящее время я на втором курсе, — сообщает Н. Дубровский. — Продолжаю заниматься под руководством Николая Николаевича, в которого я положительно влюблен»⁴⁸. Общение студента с профессором все более и более принимает целенаправленные формы. Николай Дубровский под руководством Любовича изучает историю Италии, итальянский язык. «Больше обращаю мое внимание — опять-таки по указанию Ник. Ник. — на общее изучение истории Запада»⁴⁹, и далее: «у Николая Николаевича по-прежнему работаю. В наст. вр. занимаюсь изучением педагогических воззрений итальянских гуманистов. Вообще я занимаюсь преимущественно эпохой Возрождения». Спокойно и обстоятельно сообщает Дубровский о практических занятиях: «По примеру прежних лет Ник. Ник. ведет у нас практические занятия, состоящие в чтении донесений папских нунциев из Германии, в их разборе и в изучении пользования ими для научных целей, а также в писании студентами рефератов преимущественно по экономической истор. Зап. Евр.»⁵⁰. Сам Дубровский на практических занятиях сделал доклад «Социальный, политический и экономический строй Европы в XIII—XIV вв.». О Любовиче он пишет: «В нынешнем году Николай Николаевич читал публичные лекции по эпохе Возрождения. Успех он имел громадный. Аудитория, можно сказать, ломилась от массы слушателей и грома рукоплесканий. Нам, студентам 1-го и 2-го курсов читал Новую Историю, — и на меня произвело большое впечатление изложение истории Реформации. Оригинальные взгляды, яркая иллюстрация, замечательный подбор фактов, блестящая критика чужих взглядов на этот предмет и умение представить всю картину движения со всеми источниками, разветвлениями и результатом — все это поражало ум, волновало воображение. Как жаль, что Николай Николаевич никогда не записывает своих лекций, а читает их на память!»⁵¹. Последний теплый отзыв Дубровского о своем учителе датирован 9 января 1900 г. А далее наступает охлаждение⁵².

Какие бы ни были причины расхождения, они не могут служить оправданием для клеветнического выступления. А сохранившиеся письма Н. А. Дубровского свидетельствуют против того, что он напечатал в своей брошюре. Но имеется и другая возможность проверить справедливость

⁴⁶ Там же, ед. хр. 123.

⁴⁷ Там же, ед. хр. 124 (Письмо от 7 апреля 1898 г.). П. А. Кулаковский читал этнографию.

⁴⁸ Там же, ед. хр. 126 (Письмо от 2 октября 1898 г.).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, к. 9, ед. хр. 148 (Письмо от 5 октября 1899 г.).

⁵¹ Там же. Через несколько лет Н. Дубровский будет говорить другое: «Профессор — мелкая сомнящаяся фигура, человек очень невежественный». (Н. Д у б р о в с к и й. Официальная наука в Царстве Польском, с. 30).

⁵² Причины его нам пока не известны. Может быть, когда-нибудь будут найдены бумаги Дубровского и его дневник. Н. А. Дубровский в 20-е годы работал на кафедре новой истории 1-го МГУ. (В. А. Д у н а е в с к и й. Советская историография новой истории стран Запада 1917—1941. М., 1974, с. 288, 333, 334.)

писания Дубровского. До нас дошли литографически изданные курсы Н. Любовича по истории древней Греции, по истории XIV—XVI вв., по истории XIX в.⁵³ Читая эти курсы, чувствуешь, что отзыв о них Н. А. Дубровского не вполне соответствует истине. Любович, беря пример с Лучицкого, насыщал свои курсы историографическим материалом. Это не дань моде или времени, Н. Н. Любович твердо уверен, что историографические экскурсии помогают усвоению конкретного материала. Он объяснял студентам: «Чтобы достигнуть ясности научного понимания при изучении какого-нибудь вопроса, необходимо предварительное знакомство с этапами, какие этот вопрос прошел в своем научно-историческом развитии»⁵⁴. Стараясь вызвать у слушателей интерес к историографическим проблемам, он говорил: «Достаточно взять в руки какую-либо историческую работу, чтобы определить, какие в момент ее написания господствовали в обществе направления, взгляды, тенденции»⁵⁵. Это положение встречается и в научных трудах Любовича. Например, анализ одной французской работы о Пруссии он начинает с констатации: «Несчастный исход войны 1870—1871 гг. заставил французов обратиться к серьезному ознакомлению со своей восточной соседкою»⁵⁶. Он подбирал очень интересные факты, однако не давал общей концепции. Историк понимал, что развитие производительных сил влечет за собой сильные изменения в социальных отношениях, но признавал за норму только эволюционное развитие. Он заявлял: «История не знает резких переходов от одной эпохи к другой. Нить исторического развития нигде не прерывается, нигде не имеет узлов. Эта непрерывность, эта эволюция народной жизни, органическое развитие жизни общества и государств, порождение одной цивилизации другой и не позволяет нам класть граней между теми или другими историческими эпохами»⁵⁷. Он осуждал «чрезмерности» революционных событий и делал исключение только для реформации: «Реформация была первой серьезной революцией на западе; это была революция религиозная, сопровождавшаяся в то же время целым рядом изменений в политическом, социальном и др. отношениях»⁵⁸. В то же время в лекциях Любович любил подчеркивать свою склонность к «вольнодумству». Поэтому в них много критических замечаний в адрес современного ему общества. Он критиковал капиталистическую прессу, парламентарную систему, показывая положение рабочего класса⁵⁹, говорил и о борьбе пролетариата с буржуазией в капиталистическом обществе, но вся эта критика велась с либеральных позиций, поскольку он марксизма не признавал. В его лекциях критиковалась колониальная система капитализма и национальное угнетение. Автор пытался, впрочем робко, теоретически осмыслить излагаемый материал, старался перекинуть мост от прошлого в современность, хотя исторические параллели — дело сложное, и не всегда они органически вписывались в структуру лекции. В целом можно сказать, что лекции Любовича в то время заслуживали положительной оценки и Н. А. Дубровский намеренно искажал преподавательскую деятельность Любовича. В работах и лекциях Любовича мы не найдем и намека на шовинизм.

⁵³ Н. Н. Люб о в и ч. История Греции. Варшава, 1913; е г о ж е. История XIX в. Ростов-на-Дону, 1916; е г о ж е. Лекции по новой всеобщей истории....

⁵⁴ Н. Н. Люб о в и ч. История Греции..., с. 13.

⁵⁵ Там же, с. 14.

⁵⁶ Н. Н. Люб о в и ч. Новый французский труд по истории Пруссии. «Историческое обозрение», т. V. СПб., 1892, с. 49.

⁵⁷ Н. Н. Люб о в и ч. Лекции по новой всеобщей истории..., с. 6.

⁵⁸ Там же, с. 3—4. Характерно, что Любович, выдвинув важное положение, сейчас же его смягчает рядом оговорок.

⁵⁹ Н. Н. Люб о в и ч. История XIX в., с. 25—26, 53, 68.

Да и не мог Н. И. Кареев дружить с шовинистом⁶⁰. Не дружили бы с Н. Н. Любовичем и многие поляки, будь он русофилом. А его коллега по университету А. Павицкий не дал бы теплого отзыва о его монографии «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше»⁶¹. Наконец, жандармское управление сообщало в Петербург: «Насколько можно было негласно дознать, Любович вообще сочувственно относится к полякам и сошелся уже с здешними польскими литераторами»⁶².

В конце лета 1915 г. закончился варшавский период жизни Н. Н. Любовича. В августе, когда германские войска подходили к Варшаве, университет эвакуировался в Ростов-на-Дону. В поспешных сборах Любович не успел захватить свою личную библиотеку и архив, что отрицательно сказалось на его дальнейшей научной работе. Нам известна только одна работа ученого, написанная в 20-е годы⁶³. В ней рассматриваются труды немецких и итальянских буржуазных историков, затрагивающих вопрос о первоначальном накоплении капитала. Работа свидетельствует, что ученый пытался овладеть марксистской методологией, но перестройка давалась ему с величайшим трудом. В 1924 г. Н. Н. Любовича избрали чл.-корр. Академии наук, что явилось «выражением уважения по отношению к маститому русскому ученому, которому наука обязана разработкой такого важного вопроса, как история реформации и католической реакции в Польше»⁶⁴.

О работе ученого в Ростовском университете мы черпаем сведения из статьи А. Г. Беспаловой. Она выяснила, что после окончательного установления Советской власти на Дону «Н. Н. Любович активно участвовал в строительстве новой высшей школы...»⁶⁵. Он принимал участие в восстановлении университетской библиотеки, разграбленной белогвардейцами (Деникин разместил в университете свой штаб). Продолжая чтение прежних курсов, он старался расширить их и переработать, приблизить к марксистскому пониманию. Он запрашивал харьковских ученых, нельзя ли оттуда получить нужные ему книги, которых нет в Ростове⁶⁶. В связи с перестройкой учебных планов Любович готовил новые курсы. Принимал он участие и в составлении первых советских программ по новой и новейшей истории. Однако годы брали свое, трудоспособность ослабевала, чаще стали удручать болезни, болели глаза. 1 апреля 1929 г. Любович ушел на пенсию. В 1935 г. его не стало.

Н. Н. Любович оставил след в историографии прежде всего как ученый, собравший огромный и ценный материал по истории польской реформации и контрреформации. Его работы ценны фактическим материалом, тем, что ученый всегда искал внутренние причины развития событий и явлений. Он отрицал теорию «героя» и «толпы», считая, что необходимо при выяснении роли отдельного лица «выяснить степень зависимости

⁶⁰ Тех деятелей, которые проводили русификаторскую политику, Кареев характеризовал иначе, чем Любовича. О В. В. Макушеве, например, заметил: «...зараженный ненавистью к полякам...» (ОРГПБЛ, ф. 119, к. 44, ед. хр. 5, л. 12).

⁶¹ А. Павицкий. Обзор современного состояния польской историографии. «Историческое обозрение», т. I. СПб., 1890, с. 214.

⁶² ЦГАОР, ф. 102, дп. 3, оп. за 1881 г., ед. хр. 1500, л. 7.

⁶³ Н. Н. Любович. Нарождение капиталистического хозяйства в Западной Европе. (Обзор трудов по экономической истории XIII—XV вв.). «Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ, № 43». Институт местной экономики и культуры при СКГУ, 1928, вып. 4.

⁶⁴ В. Бузескул, Ф. Успенский, С. Платонов. Записки об ученых трудах Н. Н. Любовича. «Известия Российской Академии наук», VI сер., т. XVIII. Л., 1924, № 12—18, с. 452.

⁶⁵ А. Г. Беспалова. Там же, с. 225.

⁶⁶ Архив АН СССР (ЛО), ф. 825, оп. 2, ед. хр. 238, л. 6.

личной инициативы от того, что дает среда»⁶⁷. Ученый внес определенный вклад в критику ряда устаревших историографических школ и направлений.

Работу по написанию научной биографии Н. Н. Любовича необходимо продолжить. Еще не составлена полная библиография трудов ученого. Не выявлен круг лиц, с которыми он общался. Выяснив эти вопросы, можно будет более детально проследить жизненный и творческий путь историка, оставившего большое научное наследие.

---

⁶⁷ Н. Н. Люб о в и ч. Вопрос о сущности исторического процесса. «Русская мысль», 1891, № 12, с. 116.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В ряду предпринятых Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в последние годы сравнительно-исторических и комплексных исследований истории и культуры народов и государств Центральной и Юго-Восточной Европы издательством «Наука» опубликовано уже несколько крупных коллективных работ принципиального значения. Эти работы различны по своей проблематике, посвящены разным эпохам и группам стран, не схожи по принятой в них методике исследования и изложения материала и имеют множество других отличий. К числу таких важных и очень разных работ относятся, с одной стороны, коллективные монографии о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на революционные процессы в странах региона¹, об исторической роли рабочего класса этих стран в осуществлении революционных преобразований², о значении решений VII конгресса Коминтерна в истории революционной и антифашистской борьбы компартий и трудящихся в этих странах³, а с другой стороны — комплексные сравнительные исследования о развитии литератур славянских и балканских народов в эпоху капитализма⁴ и в период строительства социалистической культу-

ры⁵. При всем различии этих работ, при всем своеобразии разработки своих проблем каждым авторским коллективом их объединяет то, что с выходом их в свет возрастают возможности конкретно и реально, а не только в общей постановке вопроса, рассмотреть и сравнить сходные социально-экономические, политические и культурные процессы, на деле выявить то действительно общее и действительно специфическое, что характерно для хода борьбы народов стран этого региона против феодализма и капитализма, за социальный прогресс, для поиска и определения ими путей и форм перехода к социализму, практических методов социалистического строительства. Названные выше и другие опубликованные уже работы такого рода убедительно подтверждают, на наш взгляд, правильность и научную эффективность взятого Институтом славяноведения и балканистики курса на развитие сравнительно-исторических исследований широкого плана, наряду с дальнейшей глубокой разработкой конкретных проблем в индивидуальных монографиях и статьях.

Новым достаточно убедительным свидетельством в пользу такого курса является вышедшая в свет в марте этого года книга об освободительных движениях народов Австрийской империи в период со второй половины XVIII в. до революции 1848—1849 гг. включительно⁶. Хотелось бы сразу подчеркнуть,

¹ «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977.

² «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977.

³ «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977.

⁴ «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века». М., 1976.

⁵ «Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Художественная проза начала 70-х годов». М., 1976.

⁶ «Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г.»

что подготовленная удачно подобранным и квалифицированным коллективом авторов и редакторов, интересно и эффективно применивших метод сравнительного исследования к процессам национального развития, формирования наций и национальных движений, — эта книга представляет собой серьезный шаг вперед в исследовании поставленной проблемы, содержит много важных теоретических обобщений и выводов, основанных на анализе весьма обширного круга источников и специальной литературы, включая наиболее важные публикации и издания самых последних лет.

Обилие включенного авторами в книгу конкретного материала, необычная и довольно сложная структура исследования, весьма широкий круг проблем, рассмотренных в нем, не позволяют здесь дать сколько-нибудь полное, а тем более исчерпывающее представление об этой книге. Ввиду этого постараемся познакомить читателей лишь с основным содержанием и особенностями труда, а также с некоторыми затронутыми в нем проблемами, представляющими, на наш взгляд, определенный интерес в научно-теоретическом плане.

Прежде всего посмотрим, как авторский коллектив сам определяет свою задачу, в чем он видит цель исследования.

Вот что говорится по этому поводу во введении к книге: исследование важной части проблематики истории освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму, выяснение социальных основ и программно-идеологических принципов различных течений в национальных движениях или, иначе говоря, анализ отношения к национальному вопросу разных классов и общественных слоев этих народов на различных этапах их истории (с. 7—8). Разви-

вая далее вопрос о задаче монографии, авторы подчеркивают, что видят ее в том, чтобы «определить общие черты и закономерности развертывания национальных движений в пределах региона, выяснить взаимодействие, с одной стороны, экономических и социальных процессов, с другой — национально-идеологических и политических, показать в конечном счете определяющую роль первых и воздействии последних на общество» (с. 8). Авторы уточняют, наконец, что их внимание сосредоточено преимущественно на идеологии и программах национальных движений, на системе взглядов и требований представителей разных общественных слоев в национальной области; что они считают своей задачей дать оценку роли отдельных классов и общественных слоев в движении, соотношения борьбы народных масс против эксплуатации с национальным движением (с. 9).

Удалось ли авторскому коллективу выполнить эту совокупность задач — разнообразных и сложных? Думается, что в целом удалось, хотя, разумеется, выходом в свет рецензируемого труда изложенная в нем проблематика отнюдь не закрывается и не исчерпывается. Более того, одним из существенных достоинств книги как раз и является то, что ее авторы по множеству затронутых ими вопросов дают энергичный толчок к продолжению и углублению исследований, к дискуссиям и поискам новых научных решений.

Книга состоит из двух частей, разбитых на 8 глав и 51 параграф, а также введения и заключения.

Первая часть посвящена возникновению национально-освободительных движений и их развитию до 1848 г. и содержит пять глав. В первой главе — «Монархия Габсбургов в эпоху позднего феодализма» — обстоятельно рассказывается о том, как складывалась многонациональная империя, каковы были ее этно-политическая структура и основные тенденции экономического развития. Особый интерес вызывают страницы, раскрывающие механизм господства Габсбургов. Во второй главе авторы подробно анализируют социальную структуру формирующихся наций, последовательно рассматривая ее с точки зрения социально-экономического положения, роли в обще-

М., 1980. Все члены редакционной коллегии (В. А. Дьяков, Т. М. Исламов, И. И. Лециловская, И. С. Миллер, А. С. Мыльников, В. И. Фрейдзон — ответственный редактор) выступают одновременно в качестве авторов основных глав и разделов. Кроме них в состав авторов входят В. С. Бондарчук, К. П. Гогица, Л. П. Лаптева, Н. М. Пашаева, Ф. И. Стеблій, И. В. Чуркина.

ственном развитии и политической активности дворянства, духовенства, крестьянства, ремесленников, и мелких торговцев, буржуазии, пролетариата и интеллигенции. Рассматриваются также роль городов в общественной жизни и специфика социальной эволюции и общественных движений в Австрийской империи. В третьей главе дается характеристика развития общественной мысли и национально-освободительных движений «по народам». Иными словами, для каждого из входивших в состав Габсбургской монархии народа эта проблема рассматривается в отдельном параграфе на конкретно-историческом материале (венгры, итальянцы, поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, сербы, румыны, украинцы). Четвертая глава посвящена международным и внутримперским связям освободительных движений в империи, включая связи, контакты и взаимоотношения с идейно-политическими течениями Западной Европы и России, а также между собой.

Глубокий и серьезный сравнительный анализ конкретно-исторического материала этих четырех глав лежит в основе заключительной и наиболее интересной пятой главы первой части книги — «Общественная мысль и национально-политическое развитие народов Австрийской империи: сравнительная характеристика». В этой главе содержатся наиболее важные теоретические обобщения и выводы относительно путей развития общественной мысли и формирования программ освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи в период с конца XVIII в. до 1848 г., о национально-освободительных движениях как системе, об этапах развития общественной мысли и идеологии этих движений, о социальной обусловленности и идейных принципах их политических программ (включая различные варианты идеи славянской взаимности, австро-славизм, иллиризм, национально-политические программы венгров, поляков, итальянцев и т. д.), о проблеме сотрудничества славян, о формах национально-освободительной борьбы. Глава подводит нас к революционному взрыву 1848 г., помогая читателю представить себе и оценить степень «зрелости» каждого наро-

да с точки зрения предстоящего участия в революционных событиях.

Этим событиям и участию в них народов Австрийской империи посвящена вторая часть книги — «Революция и контрреволюция 1848—1849 гг.». Она открывается шестой главой, содержащей краткий обзор основных этапов революции в империи в связи с революционными событиями в Европе, рассказывающей об освободительной войне венгерского народа и завершающейся характеристикой причин поражения революции. Эта глава является хорошим общим фоном для рассмотрения событий в каждой из составных частей Габсбургской монархии. На этом фоне седьмая глава подробно рассказывает об общественно-политических движениях и их программах этого периода у каждого из народов империи, об их участии и реальной роли в революционных событиях, характеризует идейно-политические направления, определившие в конечном итоге позицию и место народов империи и их социальных слоев и группировок в революции 1848—1849 гг.

Материал шестой и седьмой глав стал исходным для заключительного типологического анализа общественно-политических течений и их программ в период революции и завершающей книгу восьмой главе. В ней рассматриваются, прежде всего, революционные концепции ликвидации абсолютизма, завоевания национальной независимости, практическое преломление этих концепций в революционной борьбе итальянцев, венгров, поляков, в отдельных выступлениях радикальных демократов других национальностей империи. Подробно анализируются национально-политические течения реформистского характера (австро-славизм и федерализм). В специальном разделе прослеживается развитие идеи славянской общности в ходе революции (включая вопрос о позиции царизма и о взглядах М. А. Бакунина). Особое внимание уделено Славянскому съезду в Праге в июне 1848 г. и выявлению на нем идейно-политических позиций различных течений славянских национально-освободительных движений. Весьма интересен, содержателен, хотя, может быть, и не во всем бесспорен раздел главы, по-

священный раскрытию характерных черт массовых движений и форм политической борьбы в годы революции. По сути дела, здесь делается серьезная попытка сопоставить идейно-политические платформы и программы с реальным ходом социальной и национально-освободительной борьбы, выявить и оценить с практически-политической точки зрения как позиции, так и реальную роль в ходе классовых и национальных столкновений различных социальных групп и национальных движений в событиях революционных лет.

Особый интерес представляет заключительный раздел главы (и всей книги) — «Маркс и Энгельс о некоторых проблемах национальных движений в Австрийской империи в 1848—1849 гг.». Хорошо известно, что попытки ревизионистских элементов (не говоря уже об идеологах буржуазии) исказить и опорочить позицию и тактику основоположников марксизма в революции 1848—1849 гг., обвинить их в «германском шовинизме» путем жонглирования отдельными цитатами и формулировками вне контекста их общей революционной теории, продолжают по сути дела до сих пор. При этом на первый план часто вытаскиваются пресловутые утверждения о «несправедливом» якобы отношении Маркса и Энгельса к славянам и о «немарксистской» будто бы оценке ими перспектив развития славянской государственности. Как нам представляется, в заключительном разделе книги авторы и редакторы, опираясь на широкий анализ статей и других материалов Маркса и Энгельса, относящихся к периоду революции, в том числе опубликованных в изданном в 1976 г. 43-м томе их Сочинений новых материалов, а также на серьезную и многолетнюю аналитическую работу в этой области группы сотрудников ИМЛ при ЦК КПСС, сформулировавших свои принципиальные выводы и оценки во вводных статьях и комментариях к соответствующим томам Сочинений Маркса и Энгельса, дали правильную и сравнительно полную характеристику их взглядов, достаточно энергично и убедительно опровергающую всяческие измышления по этому поводу.

Раздел о позиции и взглядах основоположников марксизма по затронутым в книге проблемам помещен в конце по-

следней главы, но сами эти взгляды, как и соответствующие высказывания В. И. Ленина, составили исходную теоретическую основу всего исследования, что и позволило авторскому коллективу в целом успешно решить стоявшие перед ним задачи.

Если говорить об общем впечатлении о книге как сравнительно-историческом исследовании комплекса важных проблем периода перехода от феодализма к капитализму, формирования буржуазных наций и развития национальных движений в землях Австрийской империи, то оно, бесспорно, положительное. Не вызывает сомнений исходная позиция авторов, констатирующих, что в многонациональной Австрийской империи национальный вопрос стал одним из центральных, что одним из основных проявлений социально-политического угнетения здесь являлся гнет национальный и что ввиду этого буржуазно-демократические преобразования не могли быть осуществлены без решения национального вопроса. Верно, что, таким образом, борьба за национальное освобождение угнетенных народов Австрийской империи в этих условиях являлась одной из важных форм освободительного движения (с. 5). Поставив, и вполне обоснованно, в центр своего исследования именно национальные движения, как имевшие первостепенное значение в тогдашних перипетиях социально-политической и национальной борьбы, авторский коллектив сумел нарисовать широкую, основательно документированную, реалистическую картину этих движений, их классовой сущности и места во всей системе освободительных движений народов империи. И это является важным положительным итогом работы авторского коллектива. Следует, однако, заметить, что из-за такого подхода авторов степень разработанности в книге вопросов борьбы национальной, с одной стороны, и иных форм освободительной борьбы и соответствующих им социально-политических движений, с другой, не одинаковы: проблематика национальных движений исследована и изложена значительно полнее и глубже. Ввиду этого представляется, что, возможно, правильнее было бы назвать книгу «Национально-освобо-

дательные движения народов Австрийской империи». При этом речь идет не о неравной полноте изложения тех или иных проблем, вытекающей из неравномерности их исследования в историографии соответствующих стран и в советской исторической литературе. Такая неравномерность заметна и в рассматриваемой книге, но она понятна и объяснима. Здесь же речь идет о том, что многообразные формы экономической, социальной, политической борьбы различных классов и социальных групп народов Австрийской империи, их общественных движений затронуты и рассмотрены здесь прежде всего и главным образом с точки зрения тех условий, той обстановки, в которых разворачивались движения национальные, а не сами по себе. Это не значит, что такая проблематика отсутствует в книге. Она присутствует, но ее изложение носит все-таки характер второстепенный (по сравнению с национальной проблематикой), а иногда и иллюстративный. Что же касается характеристики этапов, форм, программ, классовой сущности и исторической роли движений национальных, то она представляется нам наиболее полной в советской исторической литературе, достаточно объективной, вскрывающей важную роль в этих движениях народных масс, радикально-демократических течений и групп, уточняющих наши представления по многим вопросам, входящим в тему исследования. Такому положительному итогу предпринятого исследования несомненно решающим образом способствовали примененный в нем сравнительно-исторический метод и тот весьма отрядный факт, что книга написана и отредактирована специалистами, каждый из которых своим ранее опубликованными монографическими исследованиями по этой теме уже способствовал ее углубленной разработке на соответствующем участке.

В качестве примера положительного результата коллективного исследования можно указать на итоговую оценку в книге такой важной и сложной политической концепции того времени, как «австрославизм» и связанные с ним федералистские программы национальных движений. Известно, что по вопросу об оценке исто-

рической роли австрославизма велось и ведется немало дискуссий, в ходе которых предпринимаются и попытки идеализировать, «обосновать» эту противостоящую интересам революции либерально-буржуазную концепцию, объявить ее «наиболее реалистичной» для того времени (спрашивается, кстати, с позиций каких же классов и политических направлений?). В книге австрославизм подвергается всестороннему анализу в ряде разделов — от его истоков до практических результатов политического применения в ходе революции. Авторы правильно указывают, что, добиваясь удовлетворения короной национальных и конституционно-политических требований славянской буржуазии и дворянства, австрославизм явился платформой сотрудничества либералов с правящей династией и имперской аристократией перед лицом революционных центробежных сил, конкретной формой соглашения с реакцией (с. 508). Настаивая на сохранении империи в ее исторических границах, — продолжают авторы, — австрофедералистская концепция была направлена против венгерского и итальянского народов, борющихся за независимость, сталкивалась с интересами объединения Германии. «Австрослависты и придворная партия опять-таки смыкались в необходимости подавления революционных движений, направленных на развал монархии» (с. 509). Нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что в условиях революции программа австрославизма была реакционной утопией, что с оформлением австрославистской концепции славянские либералы (кроме польских) упрочились в своей непримиримости к австрийской революции (с. 517), что в 1848 г. революционная и австрофедералистская (реформистская) национально-политические тенденции противостояли друг другу (с. 510). Совершенно справедливо авторы подчеркивают, что объективно деятельность либералов-австрославистов содействовала спасению габсбургского абсолютизма и что это означало политический крах австрославизма (с. 399), что австрофедералистские иллюзии были не только навивными, но и вредными для освободительных устремлений самих славян (с. 314), не говоря уже о других народах

империи. Принципиальная оценка авторами идей, программ и политической практики австрославизма относится, по нашему мнению, к важным положительным результатам исследования. Следует, правда, заметить, что рассмотрение в книге и восприятие читателями этой принципиальной проблемы сильно затруднены тем, что авторы касаются австрославизма в том или ином плане во многих местах книги (с. 178—179, 294, 310—315, 336—338, 347, 394—402, 501—510 и др.), иногда повторяются, а иной раз и сменяют акценты в оценках австрославистских концепций на разных этапах их развития. Заметим в связи с этим, что ввиду сложности «конструкции» книги повторы в ней вообще довольно часты. Часть их, например в разделах «по народам» и обобщающих, логически и тематически оправданы. Но многие повторения ничем не обоснованы и лишь перегружают книгу, некоторые главы которой и без того чрезмерно насыщены конкретно-историческим материалом, не являющимся необходимым для понимания и характеристики тех или иных рассматриваемых в работе процессов.

Говоря об акцентах и терминах при оценке исторической роли тех или иных социальных слоев, политических направлений, их места в революционных событиях, хотелось бы подчеркнуть, что некоторые из них нуждаются еще в доработке и уточнениях. Например, в отношении интеллигенции. Разумеется, роль интеллигенции в процессе формирования национальной культуры, выработки идеологических и политических принципов и программ освободительных движений и в ходе самих этих движений была велика. Однако содержащиеся в ряде разделов книги формулировки об интеллигенции как ведущей силе движений (с. 300), о ее выступлениях во главе трудящихся масс венгерских городов (с. 531), о возглавленных ею народных восстаниях в Италии (с. 532) и т. п. без необходимых уточнений могут создать преувеличенное представление о роли интеллигенции в революционных процессах того времени, о том, будто бы она выступала как некая самостоятельная политическая сила. Между тем очевидно, что интеллигенция не играла и не могла играть такой самостоя-

тельной роли в освободительных движениях, что она обслуживала и выражала интересы различных классов и социальных слоев, прежде всего — господствующих, что представители интеллигенции на разных этапах национально-освободительной и революционной борьбы примыкали к различным, в том числе противоборствующим лагерям, а некоторые из них побывали и на той, и на другой стороне баррикады. Кстати, сами авторы в разделе, посвященном специальной интеллигенции (с. 117—120), вполне уместно приводят известную мысль В. И. Ленина о том, что интеллигенция «...не представляет... никакой самостоятельной политической силы»⁷.

В книге поставлено еще множество интересных и принципиальных проблем, по которым можно было бы и, вероятно, следует обмениваться мнениями, а по некоторым и поспорить для пользы дела. Полагаю, что есть все основания настоятельно рекомендовать эту книгу специалистам, преподавателям, студентам и широкому кругу читателей, которые найдут в ней и конкретный материал и «пищу для ума». Нельзя в этой связи не высказать сомнения в разумности установившейся практики выпуска важной научной литературы по общественным наукам столь мизерными тиражами (в данном случае — 1300 экз.), что они не удовлетворяют спроса порой уже в первые дни после выхода их в свет.

Следует сказать также, что, на наш взгляд, принятая в издании система ссылок на источники и литературу, может быть предпочтительная по типографским соображениям, на деле крайне неудобна для читателя, не практична и затрудняет усвоение материала, вместо того, чтобы облегчать его.

Издание снабжено обширной библиографией, именным и географическим указателями, помогающими в работе с книгой. Однако не может не вызвать сожаления отсутствие какой бы то ни было характеристики литературы вопроса, не говоря уже об обстоятельном историографическом разделе. При всей сложности создания такого раздела в столь много-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 191.

плановой и «многонациональной» книге хотелось бы все же видеть в ней хотя бы общую принципиальную оценку основных направлений в историографии вопроса, которая помогла бы читателю сориентироваться в степени разработанности рассматриваемых в книге проблем,

более отчетливо представить себе тот конкретный вклад, который внесен авторским коллективом рецензируемой книги. А вклад этот серьезный и вполне заслуживает, по нашему мнению, положительной оценки.

И. И. Удалыцов

ИЗ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Мерой зрелости науки может служить ее умение по возможности объективно взглянуть на свое прошлое, чтобы яснее и глубже осознать свое настоящее, а тем самым избрать или хотя бы наметить путь в будущее. В этом отношении для нашего литературоведения последнего времени симптоматично создание таких трудов, как «Возникновение русской науки о литературе», «Академические школы в русском литературоведении», «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в.», а из исследований, посвященных отдельным ученым, например, книга И. К. Горского «Александр Веселовский и современность». Во многом подобная картина наблюдается с 60-х годов в гуманитарных науках Польши, а в последнее время в польской русистике. Несомненный интерес представляют польские работы, посвященные истории и теории изучения русской литературы и литературных связей с Россией. Так, например, коллективный труд «Studia z dziejów rusycystyki w Polsce» (Wrocław etc., 1976) является по сути первым опытом историко-литературного обобщения и теоретического осмысления достижений польской науки в области русской литературы и польско-русских литературных взаимосвязей от начала XIX в. и до наших дней¹. Сборник «Pi-

sarze i Krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce» (Wrocław etc., 1975) посвящен истории восприятия русской литературы в Польше XIX — начала XX в. (до 1914 г.)². Эта книга — плод объединенных усилий почти всех видных русистов Польши — широко освещает польско-русские связи и их роль в духовной жизни польского общества. Несомненным достоинством труда является обобщающая библиография польских откликов на произведения русских писателей и публикация фрагментов тогдашних польских литературно-критических работ о них.

Эти книги представляют несомненный интерес и заслуживают особого разговора.

б у р с к а я «Исследовательский метод и путь к синтезу русской литературы А. Брюкнера»; Я. В и н д а х «Славянофильская утопия в исследованиях русского романтизма М. Здзеховским»; А. Р а з ь н ы «Исследовательская лаборатория В. Ледницкого-русиста»; А. Р а з ь н ы «Критическая деятельность Т. Парницкого в сопоставлении с методологическими ориентациями»; Р. Л у ж н ы «Русистика послевоенного 30-летия и научная традиция».

² Основные положения этой книги, вышедшей под редакцией Б. Гальстера, Я. Каменковой и К. Сероцкой при участии А. Пиоруновой, реферировались Е. С. Твердисловой в сборнике «Зарубежное литературоведение и критика о русской классической литературе» (М., 1978, с. 208—223). Ранее эта же редколлегия подготовила коллективный труд, посвященный польско-русским литературным связям времен романтизма и неоромантизма «Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu», Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.

¹ Эту коллективную монографию, вышедшую под редакцией Р. Лужного, составляют следующие исследования: Р. Л у ж н ы «От славянофильства до славяноведения. Два века историко-литературного интереса к России в Польше (1800—1939). Принципы, состояние и потребности исследований», Л. Л и

В рамках же данного обзора их необходимо отметить и как проявление определенной и весьма знаменательной тенденции в польской славистике, и как плодотворный результат координации исследовательской деятельности и объединенных усилий польских ученых, и как своего рода фон для рассматриваемых ниже работ, возникших в кругу тех же научных задач и связанных с их решением актуальных проблем, стоящих перед нашей и польской славистикой³. В этой связи особого внимания заслуживает научная деятельность Я. Кульчицкой-Салони, имя которой хорошо известно в кругах наших университетских и академических ученых⁴. В вышедшей в 1974 г. книге «Польская литература 1876—1902 гг. и влияние Эмиля Золя» Я. Кульчицкая-Салони вскрывает интересную закономерность, которая по-новому освещает русско-польские литературные связи и роль русской литературы в развитии некоторых общеевропейских тенденций на польской почве. Открытие Я. Кульчицкой-Салони имеет более широкое — общетеоретическое — значение. Выявленные ею факты свидетельствуют о том, что логика литературных и культурных связей отнюдь не всегда соответствует географической или политической логике: так, литературно-теоретические и художественные творения Золя начинают приходить в Польшу не из Франции (с которой поляков связы-

вали давние общие традиции и особые симпатии и где проживала основная часть польской политической эмиграции), а через русское посредничество.

Следующая книга Я. Кульчицкой-Салони «Влодзимеж Спасович. Монографический очерк»⁵ посвящена видному критику и юристу, историку литературы и публицисту. Многогранная и плодотворная работа В. Спасовича (1829—1906), как и его обширное творческое наследие в равной, пожалуй, степени вошли в историю духовной жизни как Польши, так и России⁶. Особое место принадлежит Спасовичу в истории русской славистики, а в этой связи и в общекультурном сближении русского и польского народов, в достижении необходимого взаимопонимания даже в самые тяжелые исторические моменты. Так, именно в период борьбы поляков за национальное освобождение, в начале 60-х годов, Спасович, по предложению А. Н. Пыпина⁷ принимает участие в создании первого в России опыта истории славянских литератур (1 изд. — 1865 г.). В своем культурно-историческом изложении прошлого и настоящего польской литературы Спасович стремился к тому, чтобы «русская публика поняла бы польские идеалы, несмотря на свой критицизм, по их чело- вечности, чтобы она их полюбила — и тогда шаг громадный сделан бы был к взаимоуважению, а следовательно, и к сближению двух культур, разделенных китайской стеной предубеждения». В этом

³ Наряду с этими трудами, изданными Институтом литературных исследований ПАН следует отметить четыре выпуска издаваемой Институтом славяноведения ПАН серии «Польско-восточнославянские исследования» под редакцией Б. Бялоковича, выходящие с 1974 г. (См. рецензии И. К. Горского в «Советском славяноведении», 1976, № 1, 1977, № 2, 1977, № 4).

⁴ Автор монографии о Болеславе Прусе (1946) — восполняемой и переиздаваемой четырежды; монографии о Генрике Сенкевиче (1 изд. — 1960, 2 изд. — 1966); обширного исследования «Литературная жизнь Варшавы в 1864—1892 гг.», 1970), ряда работ о литературной критике второй половины XIX в., о литературных (в том числе польско-русских) связях, переводчик работ крупных ученых Франции и СССР, профессор, почетный доктор Московского университета, Я. Кульчицка-Салони с начала 50-х годов ведет научно-педагогическую работу в Варшавском университете.

⁵ J. Kulczycska-Saloni. Włodzimierz Spasowicz. Zarys monograficzny. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975.

⁶ В нашей литературе по традиции употребляется русифицированная форма имени Спасовича: Владимир Данилович. Деятельности Спасовича-русиста посвящена другая польская монография: E. Sławęcka. Włodzimierz Spasowicz jako krytyk literatury rosyjskiej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1969.

⁷ Судьбы этих двух сближившихся в 50-е годы ученых и публицистов в дальнейшем переплетались и были подвержены одним и тем же превратностям и отнюдь не случайным совпадениям: как и Спасович, Пыпин был вынужден покинуть Петербургский университет в том же 1861 г., а затем он, как и Спасович, с 1866 г. начинает сотрудничать в «Вестнике Европы».

отношении Спасовичу действительно удалось сделать многое, его труд был тепло встречен прогрессивной общественностью России и Польши⁸.

Делу сближения и достижению взаимопонимания русской и польской общественной среды служили и публичные лекции, литературно-критические статьи и публицистические выступления Спасовича в России о Польше, а в Польше о России. Этому же способствовали и два созданных им журнала — «Атенеум» в 1876 г. в Варшаве и издаваемый с 1882 г. совместно с Э. Пильтцем «Край» в Петербурге. Наследие Спасовича и сама его жизнь — интереснейший материал для изучения русского и польского прошлого второй половины XIX — начала XX в., русско-польских и польско-русских научных, литературных и общекультурных связей. Материал этот огромен в силу самой масштабности, которой отличалась деятельность Спасовича, и чрезвычайно актуален в связи с весьма интенсивными работами польских и советских исследователей, стремящихся воссоздать общую картину взаимосвязей в духовной жизни двух крупных представителей славянства. В этой связи книга Я. Кульчицкой-Салони представляет особый интерес не только для польского, но и для советского читателя. Автор — великодушный знаток польской и русской литературы и культуры второй половины XIX в. — в процессе работы над монографией собрала поистине колоссальный материал, осуществив необходимую селекцию (не рассматривается редакторская и издательская стороны деятельности Спасовича, его работы в области юриспруденции). В книге реконструируется биография Спасовича, «эволюция его воззрений, история его трудов и начинаний, а сквозь призму этого — проблемы, над решением которых билось польское общество XIX века» (с. 9). Анализ разнообразных по своему характеру, жанру, стилю и предназначению работ Спасовича вскрывает в связи свойственного ему исследовательского подхода с позитивизмом, а особенно с культурно-историческим методом

⁸ В этом отношении весьма знаменательным был польский перевод (1885—1891) работы Спасовича, сделанный видным литературным критиком А. Г. Бэмом.

И. Тэна. В то же время, постулируя особую роль литературы в общественной жизни, отстаивая концепцию литературы гражданской, требуя от писателей активного участия в борьбе за социально-политический прогресс, Спасович тем самым выходил за рамки системы Тэна, более того — вступал в противоречие с ней. Эта реконструкция метода Спасовича осуществлена Я. Кульчицкой-Салони на основе обширного материала весьма тонко и убедительно. В то же время, если ставить вопрос о самом генезисе метода Спасовича, то, анализируя литературно-теоретический аспект его концепции, было бы целесообразным провести сопоставление его воззрений со взглядами русской литературоведческой науки, с которой он был непосредственно связан и с представителями которой он тесно сотрудничал. Вероятно, не лишен значения и тот факт, что Спасович не имел специального филологического образования, а потому он мог почерпнуть в литературоведении и в личных контактах с русскими учеными «готовые» концепции, которые соответствовали его мировосприятию. Таким образом, не был ли Тэн Спасовича Тэном русской науки? В пользу этого предположения говорят и параллели в воззрениях Спасовича и Пыпина, равно как и сам факт более раннего (по сравнению с Польшей) распространения идей Тэна в России и их трансформация на русской почве. Разумеется, высказанное здесь нуждается в дальнейшей детальной проверке на конкретном материале. Однако, уже теперь можно сказать, что методологическое сопоставление глав, написанных Пыпиным и Спасовичем для истории славянских литератур свидетельствует в пользу такого предположения.

У нас имя Спасовича хорошо знакомо всем, кто интересуется культурной жизнью России второй половины XIX в. Но знакомо лишь фрагментарно и неполноту — так сказать, лишь в его русской части. Монография Я. Кульчицкой-Салони дает относительно полный его образ, а одновременно содержит новый и ценный материал о польской культуре и ее русских связях.

Об интересе польских литературоведов к русской славистической науке и исто-

рии изучения русско-польских связей свидетельствует работа известного русиста Ф. Селицкого, посвященная А. Л. Погодину⁹. Это исследование монографического характера, где научная деятельность русского ученого рассматривается во взаимосвязи с фактами его биографии, общественной ситуацией России и Польши и историей их взаимных контактов. Особое внимание Ф. Селицкий уделяет рассмотрению работ Погодина, посвященных польской истории, литературе, культуре и русско-польским отношениям в различных сферах духовной жизни. Освещая общественно-политические воззрения Погодина, автор отмечает его отрицательное отношение к официальной политике русификации, проводимой царизмом, его смелые выступления в период революции 1905 г., отражающие убеждения русского ученого в необходимости предоставления Польше независимости, преобразования русского императорского университета в Варшаве, профессором которого он был, в польский, национальный по своему характеру университет. Аналогичные по своей направленности мысли высказывались ученым в его публикациях, способствующих более близкому пониманию русской общественностью польской истории, культуры, современных проблем. В томе исследований «Главные течения польской политической мысли 1863—1907» (1907) открыто критиковалась польская политика русского царизма.

За свои убеждения А. Л. Погодин был лишен звания профессора и отозван в Петербург. Характеризуя воззрения и работы А. Л. Погодина, Ф. Селицкий привлекает материалы, связанные с отношением поляков к русскому ученому, польские рецензии на его труды, что следует отнести к особым достоинствам ис-

следования. Ценны и сопоставления некоторых выводов Погодина (например, в области связей русского и польского романа времен Просвещения и романтизма), которые потом нашли подтверждение в работах Ю. Кшижановского (1934) и З. Скварчиньского (1963).

Ценное для наших специалистов исследование Ф. Селицкого привносит новое в наши знания об одном из видных представителей отечественной славистики и существенно дополняет единственную у нас обобщающую работу А. В. Соловьева о Погодине¹⁰.

Литературно-славистические исследования А. Л. Погодина, как показывает Ф. Селицкий, сохраняют свое значение и в наши дни, причем из всего погодинского наследия польский ученый особо выделяет двухтомную монографию «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (М., 1912—1913) как самый фундаментальный труд на русском языке о великом польском поэте.

И если поляк В. Спасович содействовал сближению поляков и русских, будучи в Петербурге, то русский А. Л. Погодин многое сделал для взаимопонимания русских и поляков, начиная с периода своего пребывания в Варшаве.

Не случайно теперь эти страницы прошлого двух соседних народов привлекают внимание ученых СССР и Польши¹¹.

Новым исследованием, опирающимся на достижения как нашей, так и польской науки, является книга профессора МГУ Е. З. Цыбенко «Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв.» (Изд-во МГУ, 1978), где историко-литературные и теоретические проблемы являются стержневым пунктом систематизации, классификации и синтеза. За «Введением», где изложены актуальные вопросы сравнительного литературоведения и методологические принципы работы, следуют разделы «Польско-рус-

⁹ F. Sieliński. Aleksander Pogodin. «Ruch Literacki», 1978, z. 4/5. Здесь представляется целесообразным отметить широту научных интересов Ф. Селицкого, исследователя польско-русских литературных связей. Его работы охватывают разные периоды литературной истории от Средневековья до XX в. Новейшая книга Ф. Селицкого — учебник — вышла в Польше на русском языке (F. Sieliński. Русский фольклор. Wrocław, 1977).

¹⁰ А. В. Соловьев, А. Л. Погодин. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 23. М., 1958.

¹¹ Здесь представляется уместным выразить сожаление, что для этого видного слависта не нашлось места в «Краткой литературной энциклопедии».

ские литературные связи в XIX—XX вв. и их изучение», «Белинский в Польше», «Штырмер и Лермонтов», «Элиза Ожешко и русская литература», «Болеслав Прус и русская литература», «Сенкевич в России», «Рассказы Марии Конопницкой в русской критике (до 1917 г.)», «Творчество Жеромского в России и Советском Союзе», «Ярослав Ивашкевич и русская литература» и «Заключение», суммирующее общие выводы. Автором собран обширный материал как в области фактографии, так и предшествующих исследований по данной проблематике. Показателем кропотливости и добросовестности проделанной работы может свидетельствовать то, что вне поля зрения Е. З. Цыбенко практически не осталось ни одного значительного факта и ни одной серьезной работы, которые можно было бы упомянуть в связи с решением поставленных вопросов. Не может не imponировать и сам исследовательский подход автора.

Собранные материалы могут давать повод для эффектных концепций относительно влияний, воздействий, связей. Однако аргументированная констатация наличия связей возможна лишь при выявлении недвусмысленно документирующих их фактов, что, в сущности, отнюдь не всегда реально. С другой стороны — констатация типологического схождения возможна лишь при сопоставлении художественно аналогичных явлений (подобная поэтика, а не только мотив, тематика или образы) при полной уверенности (которая возможна лишь как результат исчерпывающих изысканий), что возможность контактов полностью исключена¹². Е. З. Цыбенко в этом отношении очень последовательна. Ее выводы тщательно выверены и осторожны. Эта осторожность — отнюдь не тождественна нерешительности, она — результат научной добросовестности, которая не позволяет серьезно ученому создавать концепции, лишённые такой фундаментальной основы, как факт, документ, национальные реалии исторической эпохи. Рассматри-

вая польско-русские связи и историю их изучения, Е. З. Цыбенко отмечает особенности различных взаимных контактов и драматизм истории двух соседних народов, убедительно полемизируя с устаревшими мнениями. Опираясь на фактографический материал и новейшие достижения нашей и польской науки, автор доказательно констатирует: «в русском и польском обществе постоянно существовало стремление к взаимному познанию и сближению» (с. 39). Этот первый раздел книги особенно интересен и потому, что здесь дается сжатый очерк истории изучения польско-русских взаимосвязей и состояния этой области исследований у нас и в Польше. Разделы, посвященные отдельным писателям — в сущности монографические исследования об их роли в духовной жизни соседнего народа. Можно с уверенностью сказать, что теперь без этих разделов не обойдется ни один ученый, стремящийся представить относительно целостный образ польско-русских взаимосвязей XIX—XX вв. и международную роль как представителей русской литературы — Лермонтов, Белинский, Тургенев, Толстой, Достоевский, Короленко, Чехов, Бунин — так и польских художников слова — Ожешко, Прус, Сенкевич, Конопницкая, Жеромский, Ивашкевич. В Заключении автор, обобщая свои историко-литературные наблюдения, констатирует особую активность связей русской и польской литератур во второй половине XIX в. и на рубеже XIX—XX вв. В теоретическом плане Е. З. Цыбенко выделяет разнообразие этих отношений — помимо перевода отмечаются адаптация (например, русские переделки произведений Ожешко и Конопницкой), подражание, влияние, инспирация, аналогия, типологическое сходство. «Рассмотренные факты — резюмирует автор, — показывают сложность, диалектичность взаимных связей и влияний, их часто опосредованный характер. Влияние не перечеркивает национальной самобытности творчества писателя, подчас приводит к созданию совершенно не похожего на возможный литературный источник произведения». И еще один вывод: «Конкретные факты польско-русских литературных связей

¹² Ср. А. В. Липатов. Литературные влияния и типологическая общность (Соотношение и критерии). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

подтверждают теоретическое положение о диалектическом единстве контактных связей и типологических схождений. Основой контактов польской и русской литератур была типологическая близость исторического и культурного развития России и Польши — при всем его национальном своеобразии в той и другой стране». Автор абсолютно прав, утверждая, что «сравнительное изучение отдельных произведений польских и русских писателей, исследование общего и отличного в них позволяет глубже выявить их национальную самобытность» (с. 270). Подтверждением этого является книга Е. З. Цыбенко.

Сравнительное изучение литератур — большая и перспективная работа, которая уже в силу своей специфики ставит перед необходимостью координации усилий ученых разных стран. В этой связи следует отметить плодотворность развивающегося сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР с Институтом литературных исследований ПАН, результатом которого помимо ряда симпозиумов, конференций и деловых встреч явились книги «Польский романтизм и восточнославянские литературы» (М., 1973) и «Польская и русская литературы на рубеже XIX—XX веков»¹³. Последняя книга — плод научной конференции, проходившей в Варшаве в ноябре 1974 г. Выбранный обоими институтами объект совместного рассмотрения чрезвычайно важен как в чисто хронологическом, так и проблемных аспектах. Конец XIX — начало XX вв. — это время зарождения и динамичного развития тех тенденций общественно-политической и духовной жизни, которым вскоре суждено было предопределить облик нашей эпохи: распространение социалистических идей и связанное с этим развитие самосознания трудящихся масс, а на поработанных землях — нарастающие борьбы за национальную независимость. В этом отношении судьбы России и Польши были особенно взаимосвязаны и драматичны.

Исторические судьбы народов отразились в их национальных литературах, которые в самые трудные годы истории были не только зеркалом народной души, но и своеобразным учебником жизни, живительным источником, вселяющим силы и веру в лучшее будущее. Именно поэтому исследование закономерностей общелитературного развития и отдельных его феноменов помогает понять не только эстетическую особенность явления, но и духовную сущность нации, преломленную в специфике художественного восприятия. Художественное и идейное, философское и социальное, эстетическое и этическое — все это органично взаимосвязано и взаимообусловлено логикой действия законов обратной связи. Стремление к раскрытию идейно-художественных явлений в такого рода диалектике их социального бытия является одной из наиболее характерных особенностей составивших книгу исследований, которые условно¹⁴ можно разделить на три категории: теоретические (в частности, Д. Ф. Марков «О некоторых типологических аспектах литературного процесса конца XIX — начала XX вв.», А. В. Липатов «Теоретическая проблематика стыка литературных эпох. Диалектика литературного развития, эволюция и перелом, проблемы периодизации», Р. Таборский «Опыт систематизации драмы в эпоху Молодой Польши»); историко-литературные (например, К. Выка «Почти стихийная мощь», В. А. Келдыш «Активный характер реализма (Из опыта русской литературы начала XX в.)», Я. Прокоп «Поэт и рынок»); сравнительно-сопоставительные (В. В. Витт «О типологическом схождении польской и русской прозы на рубеже XIX и XX веков», А. Г. Пиотровская «Русская критика о поэзии Молодой Польши», М. Выка «Бжозовский и русская стихи я», Н. А. Богомолова «Русские переводы поэзии Стаффа»). Так как основные положения всех этих работ отражены в опубликованном у нас реферате Центра на уч-

¹³ «Literatura polska i rosyjska przełomu XIX—XX wieku». Red. zesp. H. Filipkowska, R. Górski, W. Kiełdysz, W. Witt. Warszawa, 1978.

¹⁴ Условно, ибо такого рода разделение основано на той тенденции, которая превагуирует в данном исследовании и предопределяет главную цель научного поиска.

ной информации ПАН¹⁵, здесь — в соответствии с общим характером обзора — целесообразно остановиться на исследованиях, связанных непосредственно с сравнительным литературоведением. При этом следует отметить, что в общем контексте сборника работы, посвященные только польской или русской литературе приобретают особый интерес как своего рода параллельное исследование явлений и процессов, характерных для каждой из литератур в один и тот же исторический период. Полученные здесь выводы ценны для выявления общего и особенного в литературах и духовной жизни двух соседних народов. С этой точки зрения особое значение имеет открывающее коллективный труд исследование Д. Ф. Маркова. Рассматривая основные закономерности литературного развития в свете марксистской методологии, автор заострил внимание на роли критического реализма и связанного с ним генезиса социалистического реализма. На примерах из разных славянских литератур Д. Ф. Марков показывает, что модернизм не был всеобъемлющим явлением, а лишь существовал наряду с реализмом и испытывал его воздействие в творчестве наиболее талантливых и прогрессивных художников, которые в процессе идейно-эстетической эволюции, сближаясь с прогрессивными общественными движениями, в первую очередь с социалистическим учением, создавали реализм нового типа. Именно в этом проявилась ведущая роль реализма в мировом литературном процессе, его принципиальная философско-эстетическая противоположность преходящим модернистским веяниям, его жизненность и эволюция, приведшая к возникновению социалистического реализма.

На роли реализма сосредоточила внимание и В. В. Витт, которая считает неправомерным определение такого сложного и противоречивого периода как Молодая Польша термином модернизм. Автор отмечает новые качества реализма этого времени, обращая внимание на углубление в нем критического начала. Сложный диалектический процесс разви-

тия реализма рассматривается на примере творчества позднего Л. Толстого, Жеромского и Реймонта. В заключение В. В. Витт указывает на процесс вызревания элементов социалистического искусства в недрах польского критического реализма, постулируя изучение этой проблемы.

Русские мотивы в литературе и духовной жизни польского общества рубежа веков — ведущая тема исследования М. Выки, который рассматривает связи С. Бжозовского — крупного критика, писателя и революционного деятеля Польши с русским революционным движением, прослеживает, как эти связи отражались не только в его воззрениях, но и в художественных произведениях. М. Выка показывает характер воздействия Достоевского на польского писателя, чей роман «Пламя» рассматривается как своего рода монография о Народной Воле. «Русская проблематика, — констатирует исследовательница, — это для Бжозовского один из аргументов, составляющих концепцию „культурной души“, а также один из элементов ее структуры» (с. 180).

Работа А. Г. Пиотровской посвящена характеру и особенностям оценок молодопольской поэзии русской критикой рубежа XIX—XX веков. Собранные материалы свидетельствуют о живом интересе русской литературной среды к Польше. Автор отмечает критическое отношение прогрессивных русских литераторов к поэтам Молодой Польши и восторженные отклики русских декадентов. Автор приводит суждения А. И. Яцимирского, К. И. Храневича, П. С. Когана, К. Д. Бальмонта и др. Рост популярности польских писателей в России рубежа веков А. Г. Пиотровская объясняет наличием типологически подобных явлений.

Н. А. Богомолова рассматривает историю знакомства русских читателей с поэзией Стаффа до 1917 г., характер его популярности и первые русские отклики. Автор анализирует и сопоставляет разные переводы того периода и отводит особое место рассмотрению переводов, вышедших в наши дни из-под пера М. Цветаевой, А. Эппеля, А. Гелескула, В. Британишского.

¹⁵ См. Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом. Литературоведение». Серия 7, 1979, № 2.

В заключение следует отметить, что совместная разработка польско-русских литературных взаимосвязей учеными Института литературных исследований ПАН и Института славяноведения и Балканистики АН СССР продолжается, о чем свидетельствует и вышедший недавно

в Варшаве очередной том, посвященный литературным отношениям от средневековья до наших дней¹⁶.

А. В. Лунатов

¹⁶ «Tradycje i współczesność», Warszawa, 1978.

А. С. КЛЕВЧЕНЯ. *Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше*. Минск, 1978, 198 с.

В рецензируемой книге на богатом фактическом материале рассматривается становление и развитие марксистско-ленинской философской мысли в Польше с 70-х годов XIX в. до второй мировой войны.

В первой главе автор исследует возникновение социалистических организаций и распространение идей марксизма в Польше в 70—80-е годы XIX в. Он показывает, что идеи марксизма проникли в Польшу задолго до возникновения социалистических организаций. Уже в 1846 г. в апрельском номере познавательного ежемесячника «Роля» («Роль») была опубликована рецензия на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В 1848 г. выходит в свет в переводе на польский язык «Манифест Коммунистической партии».

Первые польские марксисты (Л. Кшивицкий, Л. Варыньский и др.) уделяли огромное внимание переводу на польский язык, изданию и пропаганде произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта работа осуществлялась ими в «трудной политической ситуации, идеологических и материальных условиях. Однако ни преследования, ни репрессии со стороны властей, ни противодействие буржуазной идеологии не могли остановить процесса распространения марксистских идей. Польские пионеры марксизма проявляли удивительную стойкость, мужество в преодолении трудностей, большую активность и творчество мысли» (с. 21).

Упорную и трудную борьбу пришлось вести польским марксистам (Л. Варыньский, К. Длуский, В. Пекарский, Ш. Дикштейн, Л. Кшивицкий и др.) с буржуазными идеологическими течениями («варшавский позитивизм» и др.) за распространение в Польше социалистической идеологии, за внедрение ее в рабочее и освободительное движение. В этой борьбе первые марксисты не всегда были последовательными, не избегали ошибок, преодолевать которые, как убедительно показывает автор, им помогала марксистская теория и тесная связь с революционным рабочим движением. Подчеркивается

значение марксизма-ленинизма и для развития коммунистического движения.

Распространение марксизма в Польше, отмечает автор, было вызвано объективными условиями: социально-экономическим, политическим и культурным развитием страны, ростом польского рабочего движения.

Вторая глава посвящена исследованию философских и социологических взглядов идеологов и теоретиков СДКПШП (Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, А. Варский и Ф. Дзержинский) и ППС-левицы (М. Кошутская и С. Рудныйский). Автор подчеркивает близость философских воззрений Р. Люксембург к марксистским по важнейшим вопросам гносеологии. Она последовательно отстаивала марксистский тезис о решающей роли практики в теории познания. Показан большой вклад Ю. Мархлевского в пропаганду марксизма, в раскрытие сущности экономического учения К. Маркса, материалистического понимания истории, научного социализма.

Третья глава посвящена разработке и пропаганде марксизма-ленинизма теоретиками Компартии Польши. А. С. Клевченя раскрывает деятельность видных теоретиков компартии (М. Кошутская, А. Варский, Ю. Лещиньский, Е. Рынг, Ю. Брун и др.), показывает отношение прогрессивных сил страны к Великой Октябрьской социалистической революции. Представители левых сил разъясняли трудящимся характер событий в России, понимая, какое важное значение для пролетариата Польши имеют социально-экономические и политические преобразования, проводимые Советской властью. Среди польских прогрессивных изданий появляются работы, посвященные Советской стране.

Автор показывает пути и методы пропаганды марксистско-ленинской теории: посредством легальной и нелегальной коммунистической печати, устных выступлений, распространения литературы, издававшейся на польском языке в СССР и различными путями доставлявшейся в Польшу.

В монографии освещается многогранная деятельность КПП по организации коммунистической печати, на страницах которой пропагандировалось учение классиков марксизма-ленинизма о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о революционных войнах, аграрном и национальном вопросах, о государстве и т. д., публиковались важнейшие документы Советской власти. Автор подчеркивает, что освоение марксистско-ленинской теории коммунистами Польши происходило в острой идеологической борьбе как против открытых врагов марксизма, так и «левых» элементов внутри партии. Распространение и изучение марксистско-ленинских идей революционерами имело большое теоретическое и практическое значение. Оно содействовало развитию марксистской мысли в стране, вооружению польского рабочего движения марксистско-ленинской теорией.

Отмечая большие достоинства рецензируемой книги, хотелось бы высказать некоторые замечания и пожелания. Подробнее и логически последовательнее могли быть изложены философские взгляды Р. Люксембург, Ю. Мархлевского, А. Варского, Ф. Дзержинского, а также крупнейшего теоретика КПС-левицы М. Кошутской, ярче выписана их революционная деятельность.

Больше следовало бы уделить внимания вопросам издания произведений классиков марксизма-ленинизма как в легальных, так и нелегальных условиях. Эти замечания, однако, не снижают научной ценности книги А. С. Клевчени, представляющей интерес для преподавателей, аспирантов и студентов философских и исторических факультетов университетов и пединституты.

С. А. Габрусевич, И. Я. Мараш

Současné problémy studia fašismu a antifašistického boje v Evropě mezi světovými válkami. Díl 1, 2. (Sborník k problematice dějin imperialismu. Svazek 5.) Ústav československých a světových dějin ČSAV. Praha, 1988

Современные проблемы исследования истории фашизма и антифашистской борьбы в Европе в межвоенный период.

Рецензируемый сборник является итогом научной конференции чехословацких и советских историков, состоявшейся 10—11 января 1978 г. в Праге.

По тематике статьи сборника сгруппированы в четыре основных раздела: 1) общетеоретические и методологические; 2) сравнительно-типологические; 3) посвященные истории фашизма и антифашистской борьбы в отдельных странах Центральной и Юго-Восточной Европы; 4) историографические.

Авторы статей первого раздела — К. Герман, А. Фалтыс, Р. П. Гришина — поднимают серьезные теоретические и методологические вопросы, имеющие большое значение для глубокого исследования классовой сущности европейского фашизма. В статье К. Германа — «Некоторые современные проблемы изучения фашизма и антифашистской борьбы» — подчеркивается, что фашизм возник в конкретной исторической ситуации общего кризиса капитализма. Фашизм был попыткой «превентивной» контрреволюции. Автор, проанализировав основные направления западной литературы о фашизме, пришел к выводу: буржуазная историография рассматривает фашизм, игнорируя антифашистскую борьбу, чтобы завалулировать ведущую роль

в ней коммунистов. В статье А. Фалтыса — «Актуальные вопросы исследования источников и корней фашизма» — аргументированно доказывается, что характеристика фашизма как открытой террористической диктатуры самых реакционных, шовинистических групп финансового капитала, данная VIII конгрессом Коминтерна, не устарела до сих пор. Поэтому сегодня марксистская историография определяет фашизм с самого начала его возникновения как орудие империалистической реакции, которая в условиях новой исторической эпохи перехода от капитализма к социализму пытается укрепить свою власть методами открытого насилия и установлением фашистских режимов с тем, чтобы потопить в крови рабочее и демократическое движение. Статья Р. П. Гришиной — «Некоторые методологические проблемы исследования истории фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» — посвящена специфике развития фашизма в этом регионе: некоторые черты фашизма были здесь стерты, четко выраженными, проявлялась неполнота компонентов, присущих фашистским партиям, организациям и фашистскому государству в целом. Наиболее удачной в советской историографии Р. П. Гришина

считает типологическую схему фашизма, предложенную А. А. Галкиным. Она выделяет основные признаки фашистского феномена, независимо от того, в какой форме он проявлялся, подробно останавливается на двух важных вопросах методологии изучения фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: роли государственно-монополистического капитализма в странах региона и конкретных социально-экономических мероприятий в политике завоевания масс фашистами. Р. П. Грипина справедливо считает целесообразным выделение периодов в развитии межвоенного фашизма.

Во втором разделе привлекает внимание статья А. Х. Клеванского «Опыт сравнительного исследования истории антифашистской борьбы 30-х годов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», в которой анализируется подготовленный в Институте славяноведения и балканистики АН СССР коллективный труд «VII конгресс Коминтерна и борьба за народный фронт в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (М., 1977). Этот труд явился первой попыткой в сравнительно-историческом плане осветить основные общие и специфические черты движения за создание широкого народного фронта борьбы против угрозы фашизма и войны в странах исследуемого региона. А. Х. Клеванский отмечает две специфические черты развития фашизма в этих странах: ни в одной из них фашистское движение не имело широкой социальной базы и массовой политической организации, для региона в целом было характерно существование право-экстремистских формаций фашистского типа. Это в значительной степени объяснялось мощным подъемом антифашистской борьбы, в ходе которой выросла активность во всех странах региона коммунистических партий, которые превратились в важный и действенный фактор общественно-политической жизни. Борьба за народный фронт привела к созданию и расширению основы сотрудничества антифашистских сил и была подготовкой международного антифашистского движения к вооруженной схватке с фашизмом. В статьях М. Тейхмана и В. Эрбана ставятся проблемы сравнительного исследования феномена фашизма в предвоенные годы и подчеркивается необходимость более комплексного подхода к изучению неофашизма.

Четырнадцать статей советских и чехословацких историков посвящены истории фашизма и антифашистской борьбы в отдельных странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Наиболее полно представлены различные аспекты исследования этих вопросов на примере Чехо-

ловакии: проникновение фашизма в политическую систему страны в межвоенные годы (И. Гарна), специфические черты словацкого фашизма (И. Каменец), политические партии и фашизм (Р. Квачек, Е. Ф. Фирсов, Б. Бадюра), формы антифашистской борьбы (Л. Сушко, В. Блодиг, К. Гиршлова). В статьях по чехословацкой тематике поднимаются вопросы, мало или совершенно не рассматривавшиеся до сих пор в историографии. Большинство из них основано на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Несколько статей посвящено антифашистской борьбе в Венгрии (Д. Черна), Болгарии (В. Бистрицкий) и Закарпатской Украине (С. Ю. Пруница). Несомненно вызовет интерес у специалистов статьи о специфике развития фашистских тенденций в политической системе Болгарии (В. Ф. Кадацкий), Румынии (М. Д. Ерещенко) и Польши (Э. С. Багинский).

Несомненное достоинство рецензируемого сборника заключается в широком критическом анализе тенденций современной буржуазной историографии фашизма (статьи В. Псотовой, Д. Моравцовой, П. Крживски, М. Червинковой и С. Раковой). Историография социалистических стран, подчеркивается в сборнике, используя подлинно научную марксистско-ленинскую методологию, достигла значительных успехов в исследовании фашизма и антифашистской борьбы. Вместе с тем, авторы ряда статей справедливо указали на определенные недостатки в подходе к этим проблемам, отметили те их аспекты, по которым марксистская историография еще не сказала своего слова. В книге помещены статьи, анализирующие развитие историографии фашизма и антифашистской борьбы в СССР (С. П. Пожарская), Болгарии (Р. П. Грипина), Венгрии (А. И. Пущкаш) и Чехословакии (Л. Нецкаржова). Отсутствие подобного анализа польской, румынской и югославской историографии вопроса является определенным недостатком сборника.

Большой интерес вызывает работа Г. Ткадлечковой об изучении истории фашизма итальянскими марксистами. Это единственная статья в сборнике, освещающая развитие марксистской историографии в капиталистической стране.

Рецензируемый сборник свидетельствует о значительных успехах, достигнутых советскими и чехословацкими историками в разработке столь важной и актуальной как в научном, так и в политическом плане, проблематики.

В. И. Беляева

Д. Б. МЕЛЬЦЕР, И. ТОНЧЕВ. *Национальной свободе Болгарии 100 лет.* Минск, 1978, 165 с.

Национальному освобождению Болгарии от османского владычества посвящена новая интересная работа, подготовленная профессором Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина Д. Б. Мельцером и доцентом Софийского университета им. К. Охридского И. Тончевым.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы в популярной форме, основываясь на известных и неизвестных источниках, воссоздать картину многолетней героической борьбы болгарского народа за свою свободу и независимость, показать освободительную миссию России в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг., поддержку и помощь широких кругов русской общественности болгарским патриотам, проследить исторические корни и традиции многовековой дружбы славянских народов.

Рассказывая об истории освободительного движения болгарского народа, авторы воссоздают картину тяжелейшего положения народных масс в период пятидесятилетнего османского ига, приводят многочисленные примеры героизма и мужества болгар в выступлениях против ненавистных османских поработителей. В книге специально подчеркивается, что многовековая борьба носила социальный и антифеодальный характер, убедительно показано, что с конца XVIII в. османская военно-феодальная система начинает разлагаться. Этот процесс заметно ускорился во второй половине XVIII в., когда на болгарских землях начинается национальное возрождение, его прямым следствием и стало массовое освободительное движение. В книге даны краткие, но достаточно емкие характеристики его основных этапов. Подчеркивается важная роль в подъеме революционной борьбы в 70-х годах XIX в. Г. Раковского, Л. Каравелова, Х. Ботева, В. Левского. Ярко отображена высшая точка этого движения — героическое апрельское восстание 1876 г. Проводится мысль, что, несмотря на поражение, значение болгарского национального восстания было велико; оно получило широкий международный резонанс. Особенно большой отклик болгарские события получили в России, где повсеместно проходили митинги и демонстрации солидарности, развернулся сбор пожертвований. Число добровольцев, вызвавшихся отправиться на Балканы, чтобы личным участием содействовать освобождению Болгарии от иноплеменного ига, достигло многих тысяч человек. Авторы книги убедительно показывают, что широкая кампания солидарности русского народа с героической

борьбой болгар в середине 70-х годов прошлого столетия стала еще одной яркой страницей в летописи нерушимой дружбы братских народов.

Интересны разделы, посвященные участию населения белорусских губерний в движении солидарности с героической борьбой болгар. обстоятельный анализ и подробное описание братской помощи одного из восточных славянских народов многострадальным болгарам дается в исторической литературе впервые. При этом авторы опираются на обширный архивный материал и другие источники. С интересом читаются страницы, повествующие об активном участии в освободительной борьбе болгар белорусского революционного демократа А. Д. Трусова, одного из замечательных сынов белорусского народа Н. К. Судзиловского, известного в Болгарии под именем доктора Руссея, и других.

Особое внимание уделено в книге русско-турецкой войне 1877—1878 гг., которую народы многонациональной России, независимо от политических целей царизма, рассматривали как освободительную, как помощь братьям-славянам в борьбе за избавление от многовекового иноплеменного ига. Интересные архивные данные раскрывают отношение белорусского народа к войне, участие белорусов в освобождении Болгарии. В боях под Плевной, Старой Загорой, на Шипкинском перевале и у Шейново покрыли себя неувядаемой славой, сражавшиеся в составе русских войск плечом к плечу с болгарскими ополченцами воины Минского и Могилевского пехотных, Белорусского и Гродненского уланских полков.

В книге приводятся многочисленные факты помощи России в развитии болгарской культуры. Особо подчеркивается помощь передовой русской общественности, в том числе и Славянского благотворительного комитета, в развитии просвещения, книжного дела, литературы и языка.

Авторы убедительно показывают, что традиционная дружба болгарского и русского народов, идущая из глубины веков, после победы социалистической революции в Болгарии обогатилась новым содержанием. Раскрываются главные направления братского сотрудничества, которое ныне охватывает все без исключения сферы общественной жизни. Читатель найдет в книге много фактов о вкладе в сближение социалистических народов трудящихся Советской Белоруссии.

Э. А. Лейкин

РАДОМАН ЈОВАНОВИЋ, *Политички односи Црне Горе и Србије. 1860—1878*. Цетиње, 1977

РАДОМАН ЈОВАНОВИЋ, *Политичке одношенија Црногории и Србије. 1860—1878*

Рецензируемая монография посвящена важной проблеме в истории югославянских народов — политическим отношениям Черногории и Сербии, от взаимодействия которых в значительной степени зависело развитие борьбы балканских народов за освобождение от гнета Османской империи в 60—70-е годы XIX в.

Монография в значительной степени основана на документальных материалах, хранящихся в архивах Социалистической Федеративной Республики Югославии и Советского Союза (Архив внешней политики России и Центральный государственный военно-исторический архив СССР). Используются также французские и немецкие документы, пресса и мемуары. Богатая источниковедческая база дала возможность автору сделать интересные наблюдения и выводы.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения. В первых двух главах показано развитие черногорско-сербских отношений в период подъема национально-освободительного движения на Балканах в 1861—1862 гг. и последовавшего за этим спада в 1863 г. В трех главах, посвященных Балканскому союзу 1866—1868 гг., значительное место отведено рассмотрению создания сербо-черногорского союза 1866 г. Развитие черногорско-сербских отношений накануне и в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. рассматривается в шестой и седьмой главах.

В центре внимания автора вопрос о том, как Сербия и Черногория относились к освобождению поработенных Турцией югославянских земель и созданию объединенного югославянского государства. Указав на специфику социально-экономического развития Черногории и Сербии и особенности процесса создания черногорской и сербской буржуазной государственности, автор характеризует внешнеполитические черногорские и сербские программы (с момента выдвижения в конце XVIII в. плана создания «славяно-сербского государства»). Р. Иванович подчеркивает буржуазную сущность сербской программы, разработанной в 40-е годы XIX в. Илией Гарашанином (так называемое «Начертание»). Эта программа, предусматривавшая создание Великой Сербии, стала основой великосербской концепции объединения югославянских земель.

В отличие от народных масс обоих государств, стремившихся к тесному сотрудничеству, монархическо-буржуазные круги соперничали за первенствующую роль в

деле национального освобождения и объединения. Черногория претендовала на присоединение Герцеговины и соседних территорий, на которые в свою очередь предъявляли претензии сербские правящие круги.

Значительное внимание уделяется политическим переговорам официальных кругов Сербии и Черногории по поводу организации совместных действий в борьбе против Османской империи. Р. Иванович отмечает, что сербско-черногорское соглашение 1866 г. было значительным вкладом в дело организации национально-освободительной борьбы, хотя оно игнорировало специфику общественно-политического развития Черногории. Он приводит новые данные о военной помощи, оказанной в это время Черногории Сербией.

Характеризуя позицию России и Австрии в отношении Сербии и Черногории, автор расширяет представление об их балканской политике. К сожалению, политике Англии, Франции и других западных держав уделено меньше внимания. В работе раскрыты экспансионистские цели Габсбургской империи на Балканах и ее стремление не допустить укрепления отношений между Сербией и Черногорией. В то же время автор показывает, что политика царской России, направленная на усиление ее влияния на Балканах, в том числе и в Черногории, имела объективно-прогрессивное значение. Россия оказывала Черногории дипломатическую и материальную помощь, добивалась, в противоположность Австрии, установления между Черногорией и Сербией тесного сотрудничества, неоднократно выступала в качестве посредника в урегулировании отношений между ними. Как во время сербо-черногорского конфликта в 1862—1863 гг., так и после распада Балканского союза (1868) русские дипломаты советовали черногорскому князю Николаю и сербским регентам «забыть старые ссоры» и «использовать все возможные меры для установления тесных отношений» (с. 239). Р. Иванович пишет: «К союзу с Сербией его (черногорского князя Николая. — Н. Х.) толкала и Россия, а от ее защиты зависел успех почти каждой внешнеполитической акции Черногории. Россия давала Черногории и субсидии, поэтому черногорский князь, чтобы не потерять русскую помощь и защиту, заявлял, что будет поддерживать добрые отношения с Сербией» (с. 312—313).

Автор останавливается на создании

нового сербо-черногорского союза (1876) в период Восточного кризиса, на взаимодействиях военных сил Черногории и Сербии в сербо-черногорско-турецкой войне 1876 г. В результате героической борьбы черногорского народа и при активной поддержке со стороны России Черногория добилась международного признания своей независимости и значительного расширения территории (1878). Основной вывод автора: сотрудничество Черногории

с Сербией способствовало развитию борьбы за национальное освобождение балканских народов, играло существенную роль в создании объединенного югославянского государства.

Книга Р. Йовановича — значительный вклад в изучение истории национально-освободительной борьбы на Балканах.

Н. И. Хитрова

А. С. МЫЛЬНИКОВ. *Эпоха Просвещения в Чешских землях*. М., 1977, 199 с.

Автор ставит перед собой задачу на основе комплексного историко-культурного подхода показать человека эпохи Просвещения, его социальную и духовную жизнь, классовую борьбу, идейные искания, художественные и эстетические представления. Решая эту задачу, А. С. Мыльников рассматривает содержание просветительской идеологии, особенности проявления национального самосознания в различных классах и социальных слоях общества, связь идейного развития с формированием чешской национальной культуры. Исследование строится на основе многочисленных печатных и рукописных источников, многие из которых впервые вводятся автором в научный обиход.

В первой главе — «В преддверии эпохи Просвещения» — рассмотрена роль города и деревни в жизни чешского общества, убедительно показано, что взлет национальной культуры в период Возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.) после эпохи тьмы не был случайным. Уже с конца XVII в. начинается разложение феодально-крепостнического строя и складывание капиталистических отношений, обострение классовых противоречий, подготовившие условия для возникновения просветительской идеологии и пробуждения национального самосознания. Избегая крайних точек зрения, А. С. Мыльников считает, что воззрения крестьян представляли собой смесь элементов социальной психологии и идеологии. Более высокий уровень идеологического развития отражали выступления патриотически настроенных представителей мещанской среды и частично дворянства. Однако в целом идеологические представления того времени отличались ограниченностью, так как ни один класс или социальная группа еще не были способны стать руководящей общенациональной силой.

Во второй главе рассматриваются проблемы общей типологии идей Просвеще-

ния и этапы их развития в Чешских землях. Большой интерес представляет периодизация развития просветительской идеологии в Чешских землях. Автором выделяется четыре этапа: «этап предварительного ознакомления с идеями раннего Просвещения, которые с рубежа XVII—XVIII вв. существовали здесь еще спорадически, (...) этап раннего Просвещения, приблизительно с середины 40-х до конца 70-х годов XVIII в., когда идеи просветительского типа (...) начинают проявляться в разных сферах научного и художественного мышления (...); этап расцвета чешского Просвещения с конца 70-х до начала 90-х годов, когда оно имело преобладающее влияние в интеллектуальной жизни Чешских земель; этап постепенного перерастания идеологии просветительского типа в так называемую „национальную идеологию“ первых десятилетий XIX в.» (с. 66).

Третья глава посвящена структуре просветительской мысли в ее развитии. Исходя из общих типологических черт Просвещения (борьба против феодально-клерикальной идеологии и ее институтов и вера в торжество разума), автор показывает борьбу в Чешских землях за свободу совести и мысли, взгляды просветителей на социальную и политическую организацию общества и роль идей Просвещения для развития чешского национального самосознания.

Социальные и национально-культурные особенности развития Чешских земель второй половины XVII — первой половины XVIII в. на первое место выдвинули борьбу за свободу совести, в основе которой лежало отношение к религии. А. С. Мыльников на многих примерах показывает, как проиходила и развивалась эта борьба, переходя от критики религиозного фанатизма, требований веротерпимости и «улучшения» католицизма к пропаганде воспитания «морального человека», гражданина Чешских земель. Особенно интересно и всесторонне здесь

изложена позиция Й. Добровского в религиозных спорах.

С распространением в Чешских землях просветительских идей возрастал престиж науки. В книге подробно освещается деятельность ученых обществ, стремление к разграничению знания и веры (Й. Добровский), борьба за свободу мысли как одна из форм борьбы за идейную эмансипацию личности.

Автор показывает, что у ранних чешских просветителей отсутствовала четкая социальная программа. Что касается политической организации общества, то чешские просветители поддерживали «просвещенную монархию» типа йозефинизма 80-х годов XVIII в. Если первоначально просветители относились к местной национально-культурной традиции в основном индифферентно, то уже в 50—60-е годы XVIII в. выкристаллизовывается национальное понимание чешской родины и чешского патриотизма. К 70-м годам намечается уже три главных течения эпохи Просвещения — общеевропейское, местное немецкое и чешское. Внутри последнего органически сливались основные идеи просветительства с чешской культурной традицией, что вело к усилению национальных и отчасти общеславянских настроений. В связи с этим автор рассматривает вопрос о месте и роли чешского языка в развитии национального самосознания. Стремление преодолеть противоречие между национально-патриотическим содержанием деятельности первых просветителей и инонациональной формой его выражения обусловило выстуления в защиту чешского языка, появление многих трудов, написанных по-чешски. Благодаря этому представители двух народов — чехов и немцев стали самоопределять себя уже в рамках соответствующей национальной общины. Но А. С. Мыльников правильно подчеркивает, что интенсивность этих процессов еще не достигла уровня «национальной идеологии» первых десятилетий XIX в., в чем сказались разная степень консолидации чешской нации на разных этапах ее развития.

В книге по-новому решается вопрос о социальных корнях и идеологии чешского Просвещения. Автор убедительно показывает, что основная часть просветителей выражала настроения и интересы чешской мелкой буржуазии и связанной с нею национальной интеллигенции.

В четвертой главе рассматриваются стилевые особенности чешской культуры XVII—XVIII вв. («эпоха барокко»). В культуре барокко выделяется три этапа развития — ранний, развитой и поздний. Раннее барокко (первая половина XVII в.), по мнению автора, формируется в результате синтеза элементов барокко добелогорского периода, пражского маньеризма, чешского готического и ренессансного искусства и различных зарубежных образцов. Во второй период (вторая половина XVII в. — 30—40-е годы XVIII в.) создается особый стиль чешского барокко на основе переработки зарубежного опыта и творческого использования традиций чешской культуры. На позднем этапе (30—70-е годы XVIII в.) начинается разложение и распад барокко под воздействием стиля рококо и затем классицизма. Интересны наблюдения автора над идейным полисемантизмом чешского барокко и его способностью синтезировать культуру Ренессанса и готики.

В этой главе особенно важен раздел, посвященный эволюции культуры чешского Просвещения, проблеме, которая комплексно прежде не изучалась. А. С. Мыльников справедливо полагает, что культура чешского барокко в 30—40-е годы XVIII в. вступила в заключительную фазу, т. е. в период усвоения идей рационализма и раннего Просвещения. В 80-е годы в чешской культуре уже господствует классицизм. Таким образом, эволюция от барокко к классицизму соответствует раннему и развитому Просвещению. Развитие этих стилей шло от внешнего заимствования к органическому усвоению: от барокко и классицизма в Чешских землях к чешскому барокко и классицизму, к своеобразному синтезу их форм. Наиболее подробно этот процесс показан на развитии жанров чешской просветительской литературы, которая в таком контексте до сих пор еще не рассматривалась.

В целом монография А. С. Мыльникова, построенная на широком и разнообразном фактическом материале, представляет собой значительный шаг в изучении эпохи Просвещения в Чешских землях, создает прочный фундамент для дальнейшего изучения чешской истории.

С. В. Смирнов

ОСМАНСКОЕ ГОСПОДСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XVI—XVII ВЕКАХ

За последние годы заметно возрос интерес ученых разных стран к истории Османской империи, к проблемам ее завоеваний в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, взаимоотношений с различными государствами средневековой эпохи. Этому весьма сложному и еще недостаточно изученному кругу вопросов были посвящены научные конференции и симпозиумы, тематические сборники докладов¹. В их числе особого внимания заслуживает изданный в Чехословакии сборник докладов, которые были заслушаны на сессии чехословацко-югославской комиссии историков (Брно, 3—5 ноября 1975 г.)², посвященной истории османского владычества в Центральной и Юго-Восточной Европе. Выбор такой темы для докладов ученых Югославии и Чехословакии (в сборнике восемь докладов югославских историков и шесть — чехословацких), разумеется обусловлен тем, что некоторые земли современной Югославии и Чехословакии находились под властью Османской Порты (в частности, отдельные районы Словакии, Сербия, Босния и т. д.), а другие области (Чехия, часть Словакии, многие словенские земли) входили в состав державы Габсбургов, испытывавшей многолетний натиск османской экспансии.

Значимость этого сборника подчеркивается и тем, что во многих опубликованных здесь работах поставлены весьма важные проблемы той эпохи (например, характер и эволюция социальной структуры югославянских земель под османским игом, влияние османской агрессии на Словению и Словакию, на демографические процессы той поры, проблемы военной организации турок — османов в Центральной и Юго-Восточной Европе, отражение всего этого комплекса проблем в идеологии того времени, в публицистике и прессе и т. д.). В особенности интерес-

ны работы М. Васича, Н. Филиповича (Югославия), Зд. Шимечка, П. Раткоша (Чехословакия) и др.

Отмечая важность рассматриваемой проблематики, вводимых в научный оборот данных исторических источников, необходимо также коснуться и некоторых недостатков сборника: в частности, в нем нет итоговой статьи, в которой была бы дана не только подробная оценка рассматриваемой проблематики, но и содержалась конкретная информация о дискуссии по докладом. Весьма краткое предисловие научного редактора Э. Веселой не может восполнить этого пробела. Читатели, знакомящиеся со сборником в целом, могут заметить и повторы (например, в описании некоторых османских институтов и т. п.). Нельзя не сказать также о том, что не все авторы строго придерживались хронологических рамок сборника (т. е. XVI—XVII вв.); но, если можно в известной мере согласиться со стремлением, например, М. Васича и А. Стояновского привести и материалы XV в., которые достаточно показательны и для положения в югославянских землях начала XVI в., то включение доклада А. Сучески, где слишком много внимания уделено анализу положения в XVIII—XIX вв. (даже до 1860—1869 гг.), вызывает серьезные сомнения.

Знакомство с некоторыми докладами вызывает, к сожалению, возражения и в научном, методологическом плане. Во введении (с. 5) говорится о стремлении историков Чехословакии и Югославии изучить характер османского владычества (на территории этих государств) с марксистских позиций. Поэтому вряд ли можно назвать правомерным признание некоторыми авторами сборника тенденциозных и исторически фальшивых теорий буржуазной историографии о мнимой «благодетельности» османского завоевания для славянских и балканских народов³.

Так, например, весьма солидный доклад словенского историка И. Войе сопровождается введением, в котором он заявляет о следующих «позитивных результатах османского господства»: «Османские турки принесли на Балканы большую безопасность, законность, защищали крестьянина от чрезмерной эксплуатации, обеспечили лучшие условия для торговли» (с. 134). Вполне понятно, что такие категорические утверждения

¹ «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973; С. Ф. Орешков а. Османская империя и ее место в мировой истории. В кн. Проблемы истории Турции. М., 1978; «Österreich und die Türken». Eisenstadt, 1972; «Die wirtschaftlichen Auswirkungen der Türkenkriege». Graz, 1971; В Москве 8—9 декабря 1971 г. был проведен советско-венгерский симпозиум «Венгрия, Османская империя и Габсбурги» (Доклады участников не изданы).

² «Osmanska moc ve střední a jiho-východní Evropě v 16.—17. století». sv. I—II. Praha, 1977, 55 s.

³ Подробнее об этих теориях см. Г. Л. Курбатов. История Византии (историография). Л., 1975, с. 250—251.

И. Войе во многом обесценивают его собственные выводы о «негативных последствиях» османского натиска для словенцев и жителей других частей Австрийской монархии (с. 134). Ведь тезис о «позитивных результатах» османской агрессии оправдывает завоевательные походы османских войск не только против Словении и Хорватии, но и других земель Европы.

К сожалению, стремление отделить «позитивные результаты» турецкого завоевания от «негативных» проявилось и в докладе А. Стояновского о характере и влиянии османского владычества в югославянских землях в XV—XVI вв. (с. 119 и сл.). В данной связи анализ любых свидетельств о «процветании», «подъеме» или экономическом «прогрессе» балканских областей Османской империи (в XV в.) остается недостаточным без подробного исследования социально-

экономических отношений в этих балканских странах накануне турецкого завоевания (в XIV — первой половине XV в.). Приведенные примеры показывают, таким образом, насколько важным и необходимым было бы включение в сборник также обстоятельной вводной статьи, где были бы рассмотрены наиболее спорные и значительные в методологическом плане проблемы османского владычества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Это указывает и на настоятельную необходимость разработки таких принципиальных вопросов истории османской экспансии в работах ученых других социалистических стран, а также координации усилий специалистов разных направлений (ориенталистов, медиевистов) и разных стран, подведения итогов и определения задач дальнейшей работы в данной области.

Е. П. Наумов

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ПОЛЬСКОГО РОМАНТИЗМА

Романтизм в Польше — это вечно живое явление, от которого неотделимы имена Мицкевича, Словацкого и Красиньского; с которым связаны не только величайшие достижения национальной классики, но и наиболее устойчивые традиции, до сих пор оплодотворяющие польское искусство. Не удивительно поэтому, что вопросам романтизма в польском литературоведении придают ключевое значение, причем изучают в Польше не только отечественный романтизм, но и стараются применить накопленный в этой области опыт польской науки к освещению инациональных литератур, в частности и русской. Так, недавно издательство Вроцлавского университета выпустило книгу К. Галон-Курковой «Русский романтизм в польских историко-литературных концепциях до 1939 года»¹. Несколько ранее Государственное научное издательство (PWN) опубликовало книгу видного польского русиста Ю. Борсукевича «Виссарион Белинский и русский романтизм»², достойную самого пристального внимания наших специалистов. Одновременно то же издательство выпустило книгу А. Витковской «Миц-

кевич. Слово и дело»³. Эта работа, исследующая психологические истоки польского романтизма, является необычной, в известном смысле новаторской книгой, на которой мы и сосредоточим свое внимание.

По словам самой А. Витковской, ее монография, хотя и близка к традиционному построению, на самом деле неполно охватывает наследие Мицкевича, допускает хронологические отступления и не всегда акцентирует важность отдельных этапов творческого пути поэта и произведений (с. 353). Последние к тому же рассматриваются довольно бегло и однобоко — так, как если бы они были только подсобным материалом. Такое построение работы объясняется психологическим аспектом исследования.

А. Витковскую интересует внутренняя логика развития романтического мироощущения Мицкевича. Поэтому, хотя она и вынуждена касаться философских, политических и иных вопросов, не они служат объектом ее анализа, а субъективный мир поэта — та психологическая реакция, которая приводила Мицкевича в философии, политике и т. д. к тем или иным решениям.

Наиболее удачно демонстрирует автор рецензируемой книги возможности своего метода в разделе I — «Филомат и Густав». Коснувшись положения мелкой

¹ K. Galon-Kurkowa. *Romantyzm rosyjski w polskich koncepcjach historycznoliterackich do roku 1939*. Wrocław, 1978, 128 s.

² J. Borsukiewicz. *Wissarion Bieliński i romantyzm rosyjski*. Warszawa, 1975, 195 s.

³ A. Witkowska. *Mickiewicz. Słowo i czyn*. Warszawa, 1975, 365 s.

пяхты в Новогрудчине, А. Витковская характеризует филоматов как особый микроколлектив польского общества. Автор воссоздает тот своеобразный социально-психологический тип, к которому тяготеет юный Мицкевич, и затем путем дальнейшей конкретизации, глубоко и тонко раскрывает особый духовный склад его личности. Приобретенные Мицкевичем в студенческую пору навыки поведения и склонность к определенному образу мышления легли в основу того характера, который впоследствии, по мнению А. Витковской, видоизменялся, мужал и закалялся в неустанной общественно-политической борьбе и жизненных испытаниях. Первым нелегким испытанием для Мицкевича стало прозябание в Ковно, где он, оторванный от привычной среды друзей, мучительно переживал свое одиночество, приобретая такой ценной новый жизненный опыт и более глубокое осознание своей индивидуальности. Вообще, по наблюдениям А. Витковской, поражения до известного времени оборачивались для поэта приобретениями, возвышавшими его над провинциальной ограниченностью. Эта диалектика мучительного разрешения противоречий, при котором частичное отрицание старого приводило к росту самосознания поэта и расширению его кругозора до европейского, в полной мере проявилась в период вынужденного пребывания Мицкевича в России (раздел II — «Славянский Байрон»).

Согласно А. Витковской, Мицкевичу с самого начала его сознательной деятельности пришлось столкнуться с антиномией универсального и единичного, которая, развиваясь под воздействием меняющихся внешних обстоятельств, принимала у него форму различных аспектов противопоставления разума и чувства, вечного и исторического, духовного и телесного, идеального и материального, божественного и человеческого, слова и дела. Автор правильно указывает на то, что наблюдаемое у автора «Романтики» (1821) противопоставление чувств народа разуму мудреца недопустимо толковать в том вульгарном смысле, будто бы поэт отрицал значение разума вообще и тем более просвещенного разума. Отрицалась лишь его надменность и претенциозность при явной неспособности объяснить многие загадочные явления, с какими столкнулось новое поколение, пришедшее, в конце концов, к убеждению о необходимости больше доверять чувствам и опираться на свой внутренний опыт. По мнению А. Витковской, духовная эволюция Мицкевича как раз и отмечена попытками «синтеза» таких полярностей (с. 235—236). Но соединить универсальное с единичным без опосредований не удавалось. И это столкновение двух непосредственно несовместимых начал и послужило психологической почвой для

развития романтического мироощущения, в котором с самого начала заключалась также возможность мистического поворота, произошедшего после поражения ноябрьского восстания 1830 г. Трудно не согласиться с А. Витковской в том, что Мицкевича сделало впоследствии томянистом не только его личное горе (в эмиграции горе мыкали почти все), а прежде всего и главным образом логика внутреннего развития романтического мироощущения (с. 208) — та особая тенденция, зачатки которой ощутимы уже в «Балладах и романсах». В самом деле, если не исходить из вздорного представления о Мицкевиче как о легкомысленном человеке, ставшем жертвой ловких проделок шарлатана Товьянского, то их быстрое сближение невозможно объяснить без учета определенного психологического типа, или присущего им обоим особого духовного склада — того именно, какой ярко выразился в романтизме Мицкевича. Следовательно, с точки зрения внутренних, психологических корней польского романтизма (или, по крайней мере, его значительной части) мистицизм Мицкевича не был чем-то случайным, а потому наука должна разобраться в нем основательно — вот та идея А. Витковской, которую она проводит в своей книге, и проводит достаточно убедительно.

Для обоснования своей идеи А. Витковская прибегает к постоянным, преимущественно скрытым сопоставлениям начального и конечного этапов духовной эволюции Мицкевича, между которыми протягиваются нити преемственности. Иногда исследовательница как бы демонстративно обнажает концы этой творящейся преемственной связи, как, например, в разделе VI — «Брат пророк», где указывается на стремление Мицкевича навязать секте Товьянского уставку филоматовской организации (с. 208—209) и на переключку его пророчицаний с романтическими порывами «Оды к молодости» (с. 242). Но чаще всего такая внутренняя связь в эволюции лишь подразумевается.

Характерен и стиль исследования А. Витковской, который резко обозначается, начиная с раздела III — «Парадокс веры», где речь идет о пребывании Мицкевича в Италии накануне и в дни ноябрьского восстания и о его колебаниях в выборе между позициями гордыни и смирения. А. Витковская, опираясь на факты, строит различные догадки относительно возможности и иных решений или исходов. И предположения насчет того, как бы реагировал Мицкевич, если бы ход событий был бы несколько иным, не носят характера риторических украшений. Такие допущения нужны автору как прием, позволяющий в границах известного типа мышления и поведения выделить из многих вероятных путей развития ту единственную, фактически реа-

лизованную линию, которая собственно и отличает Мицкевича как вполне определенную личность.

Избранный А. Витковской аспект освещения биографии Мицкевича требовал от нее предельной осторожности в формулировках, в наведении светотеней, в определении пропорций и т. д., именно потому, что такой аспект заведомо односторонен и как таковой особенно чреват недоразумениями и погрешностями. К сожалению, А. Витковской не удалось избежать их. Так, мы не беремся судить, почему А. Витковская (в общем верно оценившая и в полном соответствии с последним словом науки подчеркнувшая значение для Мицкевича его пребывания в России) допустила разительную диспропорцию в освещении его русских знакомств. Так, неоправданным представляется отведение салонным похождениям поэта и его встрече с Олешкевичем больше места, чем общению с деятелями русской культуры и декабристами. В результате подобных диспропорций духовная эволюция Мицкевича выпрямляется, в частности, также и по линии развития мистицизма, которая, в освещении А. Витковской, представляется иногда сплошной даже там, где она обрывалась. Следствием этой натяжки и явились те серьезные погрешности, на какие указал Я. Вальц, в общем очень высоко оценивший и оригинальность А. Витковской и ее вклад в мицкевиеведение⁴. Прав

Я. Вальц и в том, что чрезмерное преклонение исследовательницы перед величием Мицкевича притупило у нее чувство критицизма и породило немало сомнительных суждений.

Но допущенные А. Витковской погрешности не должны заслонять от нас большого научного значения ее труда. Психология Мицкевича раскрыта в нем, безусловно, полнее и глубже, чем это делалось до сих пор. А. Витковской удалось выявить диалектику духовного развития родоначальника польского романтизма, т. е. нащупать в его мироощущении важнейшие противоречия, опираясь на анализ которых она сумела пролить новый свет на значение народности «Баллад и романсов», по-иному взглянуть на героя виленско-ковенских «Дзядов» Густава, дополнить интерпретацию «Книг польского народа и польского пилигримства», уточнить символы III части «Дзядов» (смысл образов «детей», Конрада и ксендза Петра), углубить понимание эволюции одного из ключевых героев «Пана Тадеуша» Яцека Соплицы и т. д. Даже этих частных достижений хватило бы для того, чтобы обеспечить монографии А. Витковской прочное место в научной литературе. Однако главное ее достижение, пожалуй, в демонстрации самой возможности плодотворного научного исследования психологических истоков польского романтизма.

И. К.

⁴ J. W a l c. Czy taki wielki posąg z jednej bryły?. «Polityka», 1975, № 45, s. 9.

P. ONDRUS. *Kapitoly zo slovenskej morfológie*. Bratislava, 1978, 190 s.

П. Ондрус. *Главы из словацкой морфологии*

Профессор П. Ондрус обращается к проблеме классификации слов по частям речи не впервые¹. Работа «Главы из словацкой морфологии» является своего рода итогом: она опирается на многолетний опыт исследовательской и преподавательской работы автора, а также на

значительную литературу — чехословацкую и зарубежную. Рецензируемая монография состоит из небольшого введения, шести глав и выводов.

Во «Введении», говоря о различных подходах к выделению частей речи в словацкой лингвистике, автор приходит к выводу, что ни один из применявшихся до сих пор критериев (семантический, синтаксический, комплексный семантико-морфолого-синтаксический) не дает стройной и непротиворечивой классификации слов (так, обычно при характеристике знаменательных слов применялись одни критерии, при классификации служебных слов — другие). Современное языковедение нуждается в едином и непротиворечивом принципе выделения частей речи. В качестве такового автор предлагает

¹ P. O n d r u s. Číslovky v slovenčine. «Slovenská reč», 1962, № 27, его же. Morfológia spisovnej slovenčiny (1964); его же. Číslovky v súčasnej spisovnej slovenčine (1969); его же. K charakteristike a klasifikácii zámen v slovenčine. «Slovenská reč», 1973, № 38; его же. Z nových výskumov v morfológii slovenského jazyka. «Slovenský jazyk a literatúra v škole», 1975, № 22, č. 3.

выделение частей речи на основании общего грамматического, или категориального, значения.

В первой главе — «Система частей речи» — выделяются и обосновываются конкретные части речи, которые делятся на два основных разряда: 1) слова знаменательные, основные и 2) слова служебные.

Исходя из общего грамматического, категориального значения, П. Ондрус подразделяет знаменательные слова на пять «основных» (základných) частей речи: имена существительные — с общим грамматическим значением предметности; имена прилагательные — с общим грамматическим значением признака; имена числительные, общим грамматическим значением которых является количественность, глаголы — с категориальным значением процессуальности, и наречия с их общим значением обстоятельственности. Автор противопоставляет свою классификацию принятому делению знаменательных слов на четыре части речи (имена существительные как названия предметов, существующих самостоятельно; имена прилагательные — названия статических признаков; глаголы — названия признаков динамических, процессуальных; наречия как слова, называющие признаки признаков). Классификацию, предложенную П. Ондрусом, следует признать более предпочтительной, поскольку автору удалось выделить общее грамматическое, или категориальное, значение, которое выступает как единый критерий классификации.

Служебные слова противопоставляются знаменательным на том основании, что для всех служебных слов общим грамматическим (категориальным) значением является значение указания. В разряд служебных частей речи П. Ондрус зачисляет предлоги, союзы, частицы и модальные слова. Местоимения квалифицируются как часть речи, занимающая промежуточное место между служебными и знаменательными словами.

Вторая глава — «Числительные как особая часть речи» — состоит из двух разделов: в первом («Количественные слова в системе частей речи») решаются общие вопросы о составе категории числительных, о классификации имен числительных; второй («Систематическое описание числительных в современном литературном языке») содержит всестороннюю и детальную характеристику количественных, собирательных и дробных числительных. Применяя критерий общего грамматического значения, автор вполне справедливо ограничивает состав имен числительных тремя разрядами, исключив из их состава традиционный разряд порядковых числительных. Числительные в книге П. Ондруса характеризуются наиболее полно и подробно, к отдельным числительным даются исто-

рические комментарии, а также практические советы и рекомендации относительно употребления и правописания. Много внимания уделяется варьированию числительных в различных стилях современного словацкого языка. Дополнением к этой теоретической главе о числительных служит последняя глава книги — «Вопросы морфологии в практике», полностью посвященная именам числительным — их сочетаемости с существительными, самостоятельному употреблению (без существительных), произношению и правописанию. Автор касается в связи с этим и соединительных математических знаков (+, —, ×, :, =), их отношения к числительным, что на современном этапе вполне оправдано и нужно.

Предметом третьей главы — «Наречия как особая часть речи» — являются категориальные свойства и классификация наречий. Исходя из критерия общего грамматического значения, автор различает следующие разряды: наречия места, наречия времени, качественные наречия, относительные наречия, количественные наречия, наречия меры, наречия способа, наречия предложения (vetné príslovky). Каждый из разрядов сопровождается более или менее развернутыми комментариями и иллюстрируется примерами.

В четвертой главе — «Местоимения как особая часть речи» — говорится о специфике местоимений, об отсутствии у них общего категориального признака «местоименности», об их близости к предлогам, союзам, частицам и модальным словам. Исходя из того, что общим грамматическим значением местоимений является значение указания, автор доказывает их принадлежность к служебным словам. Предложенная классификация местоимений (субстантивные, адъективные, числительные (číslovkové), глагольные и наречные) опирается на соотношение местоимений с теми частями, речи, которые они заменяют или к которым являются вопросами.

В пятой главе — «Неполнозначные слова и части речи» — речь идет о возможности применения единого и непротиворечивого критерия выделения служебных частей речи. В качестве такого критерия П. Ондрус предлагает критерий «общего грамматического значения указания», которое лежит в основе служебных слов. Далее конкретно рассматривается, на что именно указывает каждый из разрядов служебных слов: местоимения — на предмет, его качество, количество, процесс и обстоятельство действия, предлоги — на отношения между синтаксическими единицами; частицы — «на субъективную оценку, усиление или ограничение слов, сочетаний слов и предложений», а модальные слова «указывают на отношение говорящего к субъективной (?) или объективной реальности». Здесь не

упоминаются почему-то союзы, о которых на с. 16 говорится: «союзы указывают на отношение между синтаксическими единицами». Отмечается, что в языке есть и «нетипичные, полнозначные» местоимения (*každý, všetok, mnoho, mnohí*), а также «нетипичные, полнзначные» предлоги (*potomcoi, vď'aka* и т. д.), союзы (*úmerne s tým, ako, úmerne k tomu, ako* и т. п.), частицы (*konkrétne, fakticky*), модальные слова (*na št'astie, žiaľ*). Автор хочет показать тем самым, что знаменательные слова могут переходить в служебные, что «в языке ничто не возникает из ничего, что новое развивается на основании имеющегося языкового материала».

В кратких «Выводах» подводятся итоги сказанному в теоретических главах работы.

Книга проф. П. Ондруса не учебник, она не дает полного и систематического описания всех частей речи, в ней сосредоточено внимание, как признает сам автор, только «на тех проблемах, которыми словацкая лингвистика занималась в последние десятилетия больше всего. Речь идет прежде всего о центральном вопросе морфологии, о системе частей речи, затем о проблеме числительных и местоимений и, наконец, о так называемых неизменяемых частях речи, как-то: наречиях, предлогах, союзах, частицах и модальных словах». Но это ни в коей мере не означает, что книга не представляет интереса для широкого читателя: если внимание лингвиста-теоретика и слависта привлечет в книге своеобразие решения поставленных задач, полемика с традиционными, школьными грамматиками, а в какой-то мере и с академической «Морфологией словацкого языка»², то учитель-практик найдет здесь много ценных советов и рекомендаций, связанных с употреблением отдельных разрядов слов в речи, их сочетаемостью, произношением, написанием и т. д.

Как удачу автора нужно рассматривать и стилистическую квалификацию рассматриваемых форм, указание на выход из употребления одних форм и развитие и закрепление в речи других (ср. с. 21, 26, 35, 36 и др.), анализ вариантных форм, отражающих развитие языка.

Некоторые положения и выводы книги остаются все же дискуссионными. Так, представляется не вполне обоснованным зачисление в класс служебных слов местоимений, в чем усматривается, на наш взгляд, недифференцированный подход к понятию «отношение», неразличение отношений между предметами и отношений между словами и синтаксическими единицами, а также абсолютизация действительной функций местоимений.

Местоимения по отношению к другим именам действительно в какой-то мере

являются вспомогательными словами³. Однако в один ряд с такими служебными словами, как предлоги и союзы, их все же поставить нельзя. Местоимения обладают всеми свойствами знаменательных слов, кроме номинативной функции: они выступают в роли члена предложения, в сочетании с другим знаменательным словом образуют словосочетания, могут иметь логическое ударение, выступать в роли ремы высказывания. В речи местоимения заменяют существительные и прилагательные, но не заменяют ни предлогов, ни союзов, ни частиц. Переход отдельных форм местоимений в служебные слова вполне возможен, но он осуществляется не чаще, чем переход в служебные слова форм имени существительного или других знаменательных слов. Поэтому местоимения — это все же один из разрядов самостоятельных, знаменательных слов, обладающих, разумеется, своей спецификой.

Определяя предлоги, автор говорит, что они «указывают на отношение между предметами или отношение между предметами и свойствами» (с. 16), и далее: «предлоги указывают на отношение между синтаксическими единицами» (с. 96). На наш взгляд, предлоги — это служебные слова, указывающие только на отношения между знаменательными словами в словосочетании и предложении. Предлоги не указывают на отношение между синтаксическими единицами: они входят в состав синтаксических единиц — словосочетания или члена предложения.

Не совсем понятно, почему слова *tentovat'*, *ondiat'*, *onašit'*, суть которых, несомненно, составляет категориальное значение процессуальности, квалифицируются как глагольные местоимения (с. 89), а не как глаголы, пусть и местоименные.

Материал словацкого, как и других славянских языков, дает достаточно оснований для выделения категориального значения состояния (психического, физического и модального). Это значение составляет основу тех слов, которые проф. Ондрус называет наречиями предложения (*vetné príslovky*) (с. 74—78) или квалифицирует как особый тип слов (категорию состояния), имеющих «свойства промежуточные между знаменательными и служебными частями речи» (с. 63). Заметим, что слова категории состояния, или предикативы, вполне знаменательны, основная их функция — выражение сказуемого.

Не совсем удачным представляется нам и отмеченное выше определение модаль-

² «Morfológia slovenského jazyka». Bratislava, 1966.

³ Ср. отнесение в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова к вспомогательным, или служебным словам не только местоимений, но и причастий и наречий. (М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, с. 540—551.)

ных слов как слов, указывающих «на отношение говорящего к субъективной или объективной реальности». Кроме того, сомнительно и само отнесение модальных слов к служебным частям речи. Их следовало бы скорее выделять в особый структурно-семантический разряд слов.

Таким образом, новое исследование проф. П. Ондруса сосредоточивает внимание на наиболее сложных, дискуссионных вопросах морфологии частей речи в словацком языке, намечая пути к дальнейшим научным разысканиям. Тонкий, квалифицированный анализ материала словацкого литературного языка, высокий теоретический и методологический уровень решения грамматических про-

блем позволяют рассматривать это исследование как серьезный вклад в славянское языкознание.

* * *

Эта рецензия уже готовилась к печати, когда пришло известие о скоропостижной кончине Павла Ондруса, профессора, доктора филологических наук, заведующего кафедрой словацкого языка философского факультета Университета им. Я. А. Коменского. Пусть публикация отзыва на одну из последних книг П. Ондруса будет скромной данью памяти выдающегося словацкого лингвиста.

Г. Токарь

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

24—28 сентября 1979 г. в Москве состоялась очередная научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР. Она была посвящена истории крестьян России и Польши в XIV—XVIII вв.

Конференцию открыл председатель Советской части Комиссии академик Б. А. Рыбаков, затем выступил председатель Польской части Комиссии профессор Л. Базылёв. Они отметили плодотворность ставших традиционными советско-польских научных контактов по изучению различных аспектов исторического развития восточноевропейского региона и, в частности, деятельности непосредственных производителей — крестьян эпохи развитого и позднего феодализма.

Акад. Б. А. Рыбаков в докладе «О задачах изучения крестьянской культуры» развернул широкую программу исследования не только материальной, но и духовной культуры крестьянства, прежде всего на основе этнографии. Сейчас крестьянская культура — «большой этнографический музей с огромными запасниками». Внесение в изучение этнографического материала принципа историзма, выработка и обоснование статистических приемов обработки этого материала — вот задачи историков, которые должны расчлененно изучать архаичные слои традиционной, идущей из глубины столетий культуры и те новшества, которые рывками вносили новые импульсы в развитие культуры деревни. Важнейшими историческими источниками культуры являются язык (в том числе локальные словарные запасы диалектов, формирование отвлеченных понятий в народном языке, отражение природы в крестьянском языке и т. п.), «устные учебники родной истории» — былины, сказки, исторические песни, народное изобразительное искусство (вышивки, деревянные изделия и т. д.), обычное право и мораль.

Проф. Ю. Бардах (ПНР) в своем докладе рассмотрел права крестьян на землю в Литве, Белоруссии и на Украине в XIV—XVI вв. Подчеркивая значение трудовой заимки для крестьянского землевладения, автор констатирует обширный объем крестьянского владения в

XV в., но оставляет открытым вопрос, укладывалось ли оно в рамки расщепленной собственности, приближалось к аллоду или было феодальным. Основные наблюдения автора — практика, которая вопреки законодательству, последовательно сужавшему права крестьян, в значительной степени была подчинена обычному праву вплоть до аграрной реформы Сигизмунда—Августа, начавшейся в 1547 г. и включавшей «Уставу на волоки» 1557 г. Непосредственно к этой теме приемыкал доклад акад. АН Литовской ССР Ю. М. Юргиниса «Крестьяне Литвы после проведения реформы по уставу 1557 г. (к вопросу о втором издании крепостничества)». Исходя из «Уставы на волоки» 1557 г. и Литовского Статута 1588 г., автор прослеживает каким образом изменения условий землепользования, вовлечение в барщинный труд всех членов крестьянской семьи привели к распространению понятия подданства уже не только на главу семьи, но и лично на всех ее членов. Подданство перестало быть связанным с землепользованием. Таким образом после реформы шел процесс приближения крепостничества к рабству, который, по мнению Ю. М. Юргиниса и можно назвать вторым изданием крепостничества. Специально волочной по мере в церковных и магнатских имениях Литвы и Белоруссии во второй половине XVI в. был посвящен доклад проф. Е. Охманьского (ПНР). Тенденции развития крестьянского хозяйства в Великом княжестве Литовском со второй половины XVII в. и на протяжении XVIII в., свидетельствовавшие об отсутствии застоя или консервации крепостной деревни, освещались в докладе д-ра ист. наук М. А. Ючасы (СССР).

Д-р ист. наук Е. И. Индова (СССР) подробно ознакомила присутствовавших с подготовкой в Институте истории СССР АН СССР коллективного труда «История крестьянства СССР с древнейших времен до 1917 г.», рассказала о структуре и проблематике этого 5-ти томного издания.

Следующая группа докладов была посвящена экономическим и социальным процессам в польской и русской деревне

XIII—XVII вв. Проф. А. Гейштор (ПНР) в докладе «Польское крестьянство XIII—XIV вв.» подробно охарактеризовал XIII в. как эпоху княжеского права, замкнутой иерархии господствующего класса, коллективных форм взимания феодальной ренты, показал количественный рост знати, приведший к политической раздробленности последующего периода, перевод крестьян из государственной зависимости в вотчинную и роль иммунитета в этом процессе. Рассматривая немецкое право, привносимое колонизаторами, как победу «феодализма западного типа» автор остановился на соотношении форм ренты и влияния кризисных явлений, обнаружившихся в Западной Европе XIV в., на экономику польской деревни.

В докладе д-ра ист. наук Н. А. Горской (СССР) «Пути изучения эволюции производительности земледельческого труда на Руси в XIV—XVII вв.» были рассмотрены представления советской историографии об этапах развития агрокультуры с учетом изучения эволюции основных орудий сельскохозяйственного труда, систем земледелия, а также урожайности (для XVI и XVII вв.) и величины крестьянских наделов (от XV к XVII вв.). Канд. ист. наук М. Е. Бычкова (СССР) рассказала об использовании генеалогии при изучении истории русского крестьянства XVI—XVII вв. Доклад д-ра ист. наук А. Д. Горского (СССР) «О тенденциях процесса закрепощения крестьян на Руси в XIV—XV вв.» был посвящен мерам, предпринимавшимся великими и удельными князьями, правительствами русских феодальных республик этого периода по ограничению крестьянского «выхода». В нем намечается периодизация в закрепостительной политике московских великих князей вплоть до Судебника 1497 г. Д-р ист. наук В. И. Корецкий (СССР) рассмотрел процесс закрепощения крестьян в России на следующем этапе — в XVI в., в частности развитие барщины и вопрос о существовании закрепостительного указа 1592—1593 гг.

В докладе проф. Б. Барановского (ПНР) «Уровень продовольственного потребления крестьянского населения в России и в Польше в XVIII — начале XIX в.» предпринята интересная попытка сравнительного изучения одного из главных, решающих факторов для определения «дна крестьянской нищеты». Автор предполагает, что уровень потребления в XVIII — начале XIX в. был выше в русской деревне (разумеется с поправками на огромные региональные различия). Однако уже начиная со второго тридцатилетия XIX в., в связи с повышением уровня техники сельского хозяйства, и, главное, распространением картофельводства, уровень потребления ко второй половине XIX — началу XX в. выравнивался в пользу польской деревни. Доц.

С. Русоцкий (ПНР) в своем докладе осветил проблему крестьянского права на землю в Речи Посполитой до ее раздела.

Канд. ист. наук Б. Н. Флоря (СССР) проанализировал изменения в социальном положении польского и русского крестьянства после локации на немецком праве и проведения земской реформы. Автор считает их принципиально однородными по ряду параметров (ликвидация традиционной системы управления, признание самоуправления города и сельских общин, замена различных поборов и повинностей денежными платежами). Различия, по его мнению, заключались в том, что результаты локации на немецком праве определили облик польской деревни на длительный период, в то время как результаты земской реформы оказались непрочными.

Антифеодальной борьбе крестьян были посвящены три доклада: д-ра ист. наук Е. В. Чистяковой (СССР) — «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.», проф. В. Серчика (ПНР) — «Общественное сознание участников крестьянских движений на Украине в XVIII в.» и проф. В. Бортновского (ПНР) — «Программа крестьянской реформы Т. Костюшко и попытки ее реализации». Е. В. Чистякова рассмотрела советскую историографию по этой проблеме и отметила разные мнения исследователей по таким вопросам, как движущие силы, участники, районы, хронологические рамки крестьянских войн, степень организованности, политического сознания восставших, их идеология и причины поражения и значение крестьянских войн. В. Серчик, ставя вопрос о необходимости выявить положительные требования «массового плебейского движения на Украине XVIII в.», проследживает все этапы гайдамачины, особое внимание уделяет Колиевщине. Сохранение на украинских землях накладывающихся друг на друга противоречий — между польской шляхтой и украинским крестьянством и между римско- и греко-католическим вероисповеданием и православием служило, по мнению автора, главной причиной серьезного и непрекращающегося обострения классовых конфликтов в течение всего XVIII в. В. Бортновский, характеризуя деятельность Т. Костюшко, особенно подробно остановился на подготовке и проведении восстания. Автор приходит к заключению, что Т. Костюшко «первым выдвинул необходимость тесного соединения народно-освободительной борьбы с общественно-экономическими изменениями».

Внутренний строй жизни русской деревни освещался в докладах д-ра ист. наук В. А. Александрова (СССР) — «Семейно-имущественные отношения русского крестьянства XVIII — начала XIX в. (по обычному праву)» и канд. ист. наук Е. Н. Баклановой (СССР) — «Крестьян-

ская община русского Севера в XVII — начале XVIII в.». Сравнительный анализ обычных и государственных норм XVIII — начала XIX в. позволил В. А. Александрову показать безусловную самостоятельность существования норм обычного права и их оригинальность, обусловленную прежде всего потребностью ведения хозяйства и необходимость несения тягла. Его вывод о господстве в деревне общественной собственности и слабом развитии личной собственности внутри семей имеет весьма важное значение для понимания устойчивости существования крестьянского двора как хозяйственной единицы и причин замедленного процесса имущественной дифференциации в русской крепостной деревне, даже связанной с отходом. Е. Н. Бакланова раскрывает общи́е и особенные признаки общины на монастырских и черносошных землях русского Севера. Здесь община была общиной — волостью (мирской сход, выбор должностных лиц, распоряжение общеволостными пустыми землями, решение вопросов тяглообложения и разверстки

налогов). Община на черносошных землях была независимой от частнофеодальной юрисдикции, имела ступенчатую структуру (волость, стан, уезд), распоряжалась землей, находящейся в подворном владении (по обычному праву).

Проф. Т. Валихановский (ИНР) в докладе «Хозяйственная и общественная история деревни в польских архивных документах периода XIV—XVIII вв.» дал характеристику основных материалов, содержащих сведения о социально-экономической и политической истории деревни (в основном это градские и земские книги), включенных в «Картотеку материалов по истории деревни», созданную научными работниками госархивов ИНР.

Конференция подвела итоги изучения истории крестьянства в России и Польше в указанный период, в большой мере обогатила знания в этой области и явилась ярким свидетельством плодотворного сотрудничества советских и польских историков.

Н. А. Горская

ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ИСКУССТВОВЕДОВ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК¹

Научное объединение искусствознания БАН, возникшее в 1974 г. в целях осуществления комплексных исследований по болгарскому искусству и культуре, включает в себя институты искусствознания, музыковедения, теории и истории градостроительства и архитектуры, фольклора и культуры (последний находится также в ведении Комитета по культуре).

Научно-исследовательские планы указанных институтов и научных секций (секторов, отделов) строятся на основе шести основных проблем, которые разрабатываются комплексно: «Формирование и развитие социалистической художественной культуры»; «Историческое развитие болгарской художественной культуры (изобразительное и прикладное искусство, театр, кино, музыка, архитектура, фольклор)»; «Теоретические проблемы болгарского искусства»; «Критика буржуазных теорий искусства»; «Взаимосвязь болгарского искусства с искусством народов СССР и балканских народов»; «Эстетическое воспитание болгарского народа» (разрабатывается в основном Институтом культуры).

Общие проблемы включают в себя более частную тематику (около 100 специальных тем). Трудности состоят в координации и особенно во взаимодействии между различными институтами.

По проблеме «Формирование и развитие социалистической художественной культуры» предусматривается исследование таких отдельных тем, как «Основные тенденции развития мировой художественной культуры до 2000 г.» (А. Стойков, М. Класанов, Л. Москона, Г. Гайтавджиев); «Открытие и развитие талантов в области художественной культуры» (Д. Тышков и коллектив сотрудников); «Формирование и развитие художественной культуры Болгарии с 30-х по 70-е годы XX в.» (А. Обретенов и др.); «Развитие социалистической художественной культуры европейских социалистических стран» (А. Обретенов с коллективом сотрудников). Тема двустороннего сотрудничества с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

В плане Объединения искусствознания значится также тема «История художественной культуры Болгарии», но ее детальная разработка пока не начиналась.

С точки зрения художественно-культурной проблематики представляет интерес тема «Общественно-государственное начало в архитектуре» (М. Класанов). В концепции болгарской архитектуры

¹ По сообщениям проф. М. Класанова и ст. научн. сотр. М. Коевой (ИРБ), сделанным в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

сталкиваются, не противопоставляясь, две основные системы, два начала — возрожденческое, при котором господствовало общественное самоуправление, и современное, когда преобладает государственное начало. Сравнительный анализ механизмов создания, сохранения, распространения, оценки, потребления и воспроизводства художественных ценностей позволяет сделать вывод о том, что и в современных условиях могут быть восприняты некоторые архитектурные формы эпохи болгарского Возрождения, когда были созданы шедевры национальной архитектуры. Проблематика архитектуры тесно связана с проблемами художественной культуры, и ее плодотворное исследование возможно лишь в контексте последней; это является своего рода «методологическим кредо» проводимых и планируемых исследований. Планируется издание многотомной истории болгарской архитектуры.

В Институте искусствознания БАН (директор — чл.-корр. БАН А. Обретенов) функционируют четыре секции: изобразительного искусства, искусства жизненной среды, киноискусства и театра. Каждая из них имеет свою проблематику, основная часть которой связана с коллективными трудами Института. Главной задачей Института является подготовка многотомных трудов по различным областям искусства — «История болгарского изобразительного искусства», «Болгарское народное творчество», «История болгарского театра», «История болгарского кино». Кроме того, Институтом публикуются сборники материалов и проблемных статей, связанных с методологическими и историческими проблемами развития болгарского искусства; выходят из печати и индивидуальные монографии.

Большое внимание уделяется проблеме взаимодействия болгарской художественной культуры с культурами других стран — взаимодействия, которое в эпоху болгарского Возрождения носило специфический характер. С одной стороны, болгарская художественная культура противостояла официальной османской культуре, с другой стороны, она стремилась включиться в сферу европейской (западной и русской) культуры. В этих

условиях складывались национальная архитектура и искусство, возникла структура, в которую включались элементы как западной, так и восточной культурных сфер, переосмысленные и претворенные в жизнь на основе национальных потребностей.

В период болгарского Возрождения возникает городская — буржуазная по своему характеру — художественная культура, существенную часть которой составляет архитектура. Формируется архитектурно-пространственная среда, отличающаяся богатством форм и определенными художественно-композиционными приемами. Возрожденческие процессы охватывают период от первых десятилетий XVIII в. до 70-х годов XIX в. В отдельных частях Болгарии (например, в Родопской области) они продолжались до 1912 г.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для центральных областей страны характерны процессы быстрой европеизации художественной культуры городов. Возрожденческие процессы в селах продолжают до начала XX в., постепенно исчезая, чтобы дать простор развитию буржуазной художественной культуры, которая отрывается от народного искусства и архитектуры.

В период после освобождения от османского ига важную роль играет влияние русской архитектуры. В Болгарии работают видные представители исторического стиля русской архитектуры — архитекторы Померанцев, Маас, Богомолов и другие, под влиянием которых зарождается течение «национальный романтизм». Оно развивается в первые десятилетия XX в. и имеет свою специфику, несмотря на сходство с русским историческим романтизмом.

В настоящее время в Институте подготавливается многотомная «История болгарского изобразительного искусства» (вышел т. I, готовятся к печати т. II, III, IV). Намечены также издания: «Болгарское искусство периода межвоенного двадцатилетия» и «Современное болгарское искусство». Предусматривается подготовка и выпуск отдельных сборников и монографий.

Я. Ляткер, О. Северная

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКИТИН

5 декабря 1979 г. скончался выдающийся советский историк-славист, педагог и организатор науки, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор Сергей Александрович Никитин. С именем С. А. Никитина, его научно-педагогической деятельностью связаны значительный этап в развитии советского славяноведения, подготовка квалифицированных кадров историков-славистов в Московском государственном университете, организация крупномасштабных историко-славянских исследований (преимущественно в области новой истории южных славян) в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Велик вклад в науку С. А. Никитина как ученого-исследователя: его перу принадлежит свыше 150 печатных работ по широкому кругу проблем, и в первую очередь по истории национально-освободительного движения южнославянских народов в период перехода от феодализма к капитализму, их социально-экономического и политического развития, истории международных отношений на Балканах в XIX в., русско-болгарских и русско-сербских связей в XVIII—XIX вв.

С. А. Никитин родился в 1901 г. в Москве в семье учителя. В 1918 г. по окончании гимназии он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1922 г., а с 1924 по 1928 г. обучался в аспирантуре Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), пройдя превосходную школу в области отечественной и всеобщей истории у таких выдающихся ученых, как С. В. Бахрушин, Р. Ю. Випсер, В. П. Волгин, Ю. В. Готье, С. Д. Сказкин. Приобретая глубокие и разносторонние знания по широкому кругу проблем истории, С. А. Никитин проявил живой интерес к истории зарубежных славянских народов и их связей с народами России. Одним из первых его научных исследований была работа по русско-турецкой войне и политике России в Болгарии в 70-х годах XIX в., им был написан ряд статей по истории славянских народов для первого издания Большой Советской Энциклопедии.

Преподавательская работа С. А. Никитина в высшей школе началась во второй половине 30-х годов. Прочитанный им в Историко-архивном институте курс источниковедения истории СССР (XIX в.), вышедший в свет в 1940 г. отдельной книгой, был С. А. Никитиным защищен в том же году в качестве кандидатской диссертации. Выступившие на защите оппонентами Ю. В. Готье и М. Н. Тихомиров отметили новизну и оригинальность содержащихся в работе С. А. Никитина классификации источников, научных приемов их анализа.

Двадцать лет преподавательской деятельности С. А. Никитина (с 1941 по 1961 г.) связаны с историческим факультетом МГУ. Работая с 1942 г. на кафедре истории южных и западных славян, которую он возглавил в 1947 г., С. А. Никитин воспитал большое число историков-славистов, ныне успешно работающих в ряде институтов Академии наук СССР, во многих университетах нашей страны.

В 1947 г. С. А. Никитин завершил фундаментальное исследование «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853—1876 гг.», которое он защитил в качестве докторской диссертации в Институте истории АН СССР. В этом же году он начал работу в Институте славяноведения АН СССР. Здесь свыше трех десятилетий проходила его плодотворная научная и научно-организационная деятельность.

В своей диссертации, в монографии «Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.» (изд-во МГУ, 1960), сборнике «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.» («Наука», 1970) и многочисленных статьях С. А. Никитин всесторонне проанализировал отношение различных классов и слоев русского общества к освободительному движению славянских народов. При этом он убедительно показал, что изучение различных общественно-политических течений, связанных с проблематикой истории зарубежных славянских народов в XIX в., невозможно без анализа русской публицистики XIX в. Большое число исследований С. А. Никитина

посвятил изучению освободительной борьбы болгарского народа, социально-экономической истории Болгарии, событиям революции 1848 г. в Воеводине и другим ключевым проблемам истории южных славян.

Свыше двадцати лет (с 1947 по 1969 г.) С. А. Никитин возглавлял сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма в Институте славяноведения АН СССР, где под его редакцией и при его участии как автора было осуществлено издание коллективных трудов: «История Болгарии» (т. I, II), «История Чехословакии» (т. II), «История Югославии» (т. I), получивших положительную оценку со стороны научной общественности.

Большое внимание С. А. Никитин уделял публикации исторических источников. Под его руководством в сотрудничестве с Болгарской Академией наук была подготовлена трехтомная публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига». С. А. Никитин был ответственным редактором всех выпусков «Славянского архива», руководителем советской части редколлегий публикации документов по истории Первого сербского восстания (1804—1813), подготавливаемой совместно с югославскими историками, и советско-чехословацко-югославской публикации документов «Славяне и Россия».

С. А. Никитин — участник многих международных форумов историков: XII

и XIII Международных конгрессов исторических наук в Вене и Москве, ряда съездов славистов и балканистов. С 1965 по 1970 г. он занимал пост вице-председателя Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, а с 1970 г. до последних дней своей жизни был ее председателем.

Видный советский ученый и педагог С. А. Никитин никогда не замыкался в тесных рамках научного кабинета, он активно участвовал в работе Славянского комитета СССР, был делегатом II Всесоюзной конференции сторонников мира, членом комиссии ученых при Советском комитете защиты мира, членом правления Общества советско-болгарской дружбы, Комиссии историков СССР и Болгарии. За выдающийся вклад в развитие советской науки С. А. Никитину в 1972 г. было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР, а в 1979 г. он был награжден медалью «Ветеран труда». Правительство Болгарии высоко оценило заслуги С. А. Никитина в деле укрепления советско-болгарского научного сотрудничества, он был награжден Орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Светлая память о С. А. Никитине — крупном советском ученом, выдающемся педагоге, внимательном и чутком человеке навсегда сохранится в сердцах его учеников, всех советских историков-славистов.

Группа товарищей

CONTENTS

V. I. Zlydnev. Problems of Periodization of the Socialist Culture in Bulgaria. *K. V. Bolshakova.* Links and Cooperation between the Tread Unions of the USSR and Poland (1946—1949). *V. I. Pribylov.* The League of Nations and the Gdańsk Problem (1919—1926). *E. P. Aksenova.* Problems of the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe in the «Sovremennik» Pages (1854—1862). *L. Titova.* The Specific Character of the Forming of Czech Theatre Culture. *G. I. Teraspolskij.* To the Problem of Conditions and Reasons of the Bulgarian Substantive Declination Loss. *D. S. Ishchenko.* Chilandar List of the Slav Translation of the Theodor Studit Sermons. . . . . 3.

FROM THE HISTORY OF SLAVONIC STUDIES

J. F. Ivanov. Scientific activities of N. N. Liubovich 82

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

I. I. Udaltsov. Problems of the Liberation Movement of the Peoples of the Austrian Empire. *A. V. Lipatov.* From the History and Theory of Russian-Polish Literary Interrelations. *S. A. Gabrusevich, I. J. Marash.* А. С. Клевченя. Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше. *V. I. Beliajeva.* Současné problémy studia fašizmu a antifašistického boje v Evropě mezi světovými válkami. *E. A. Lejkin.* Д. Б. Мельцер, Й. Тончев. Национальной свободе Болгарии 100 лет. *N. I. Chitrova.* Радоман Јовановић. Политички односи Црне Горе и Србије. 1860—1878. *S. V. Smirnov.* А. С. Мильников. Эпоха Просвещения в Чешских землях. *E. P. Naumov.* Osman Supremacy in Central and South-Eastern Europe in XVI—XVII Centuries. *I. K.* To the Problem of Psychological Sources of Polish Romanticism. *G. Tokar.* P. Ondrus. Kapitoly zo slovenskej morfológie. 94

SCIENTIFIC LIFE

N. A. Gorskaja. Scientific Conference of the Soviet-Polish Commission of Historians. *J. Liatker, O. Severnaja.* Researches of the Scientific Society of Art Critics of the Bulgarian Academy of Sciences. 121

S. A. Nikitin.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДБЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.04.80   Подписано к печати 12.06.80   Т-12702   Формат бумаги 70×108¹/₄•
Высокая печать   Усл. печ. л. 11,2   Уч.-изд. л. 12,5   Бум. л. 4,0   Тираж 1222 экз.   Зак. 3004

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891